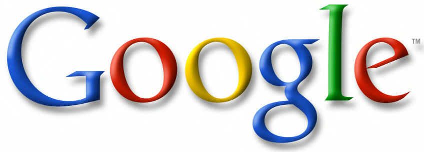

Google

ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И

РОССІИ ВЪ ЕГО ВРЕМЯ.

СОЧИНЕНІЕ

автора Исторіи отечественной войны 1812 года.

ТОМЪ III.

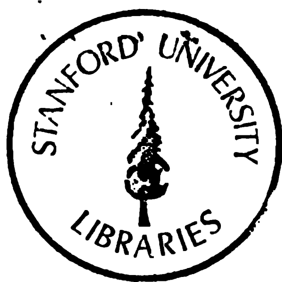
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

относительно своей реальной
съ каждымъ шагомъ становится

ачей на выборахъ, исказило и
избирательное право, котораго
ѣтъ борьбы, жертвъ и лишеній.
ленниковъ и крупныхъ собствен- же,
ло новой экономической поли- была
ымъ слѣдствіемъ повышеніе цѣнъ

обяза-
желая услужить спекулянтамъ ъ шко-
бросило на авантюру Конго
овъ бельгійскихъ работнико какъ въ
нымъ. ъ избавить
всеобщее избирательное

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И

РОССІИ ВЪ ЕГО ВРЕМЯ.

СОЧИНЕНІЕ
автора Исторіи отечественной войны 1812 года.

Томъ III.

1869.

Печатано по Высочайшему повелѣнію.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ГЛАВА XXVI.

Административныя распоряженія и труды по законодательной части. Народное просвѣщеніе.

(1805—1811 г.).

Съ 1805 года дѣятельность нашего правительства по части администраціи была отвлечена войною противъ Франціи, а по заключеніи Тильзитскаго мира — вооруженіями противъ Турціи, Швеціи и Австріи. Кромѣ наборовъ, сдѣланныхъ въ 1805 и 1806 годахъ, манифестомъ 30 ноября 1806 года призвана — какъ уже сказано — милиція изъ 31-й губерніи, въ числѣ 612,000 человѣкъ ([1]). Когда-же, послѣ сраженія при Пултускѣ, непріятель пріостановилъ наступленіе, найдено было возможнымъ ограничить милицію одною третью прежде призванныхъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно принять въ ней участіе прочимъ губерніямъ; такимъ образомъ составилось „подвижное земское войско,“ по разсчету одного ратника съ 57-ми ревизскихъ душъ, въ числѣ 252,000 человѣкъ ([2]). По заключеніи Тильзитскаго мира, было прекращено существованіе земскаго войска ([3]), однакоже войны, веденныя нами съ Турками и Шведами, заставили обратить ратниковъ на укомплектованіе арміи ([4]) и сдѣлать наборы: [illegible] цу по

5-ти рекрутъ съ 500 душъ; въ 1809-мъ — также по 5-ти; въ 1810-мъ — по 3 рекрута, въ 1811-мъ — по 4 и передъ самымъ открытіемъ войны 1812 года по 2 рекрута съ 500 душъ (5). По случаю движенія войскъ къ границѣ, въ 1806 году, собрано, для учрежденія подвижныхъ магазиновъ и запаснаго артиллерійскаго парка, съ губерній: полтавской, черниговской, слободско-украинской (харьковской), херсонской, екатеринославской и кіевской, 5,700 фуръ, до 6,500 воловъ и 3,800 погонщиковъ, да изъ волынской губерніи 536 повозокъ и 1,072 лошади (6). Въ 1808 году, для подвижныхъ магазиновъ Финляндской арміи, собрано съ губерній: петербургской, новгородской и тверской 550 одноконныхъ подводъ съ 300 погонщиковъ, съ платою отъ 100 до 150-ти рублей за каждую (7). Въ 1809-мъ году былъ сдѣланъ такой-же нарядъ подводъ и погонщиковъ съ новгородской и тверской губерній (8).

Чрезвычайныя издержки, которыхъ требовали войны, нами веденныя съ 1805-го года, вмѣстѣ съ упадкомъ народнаго богатства, отъ стѣсненія внѣшней торговли послѣ Тильзитскаго мира, были причиною быстраго упадка нашихъ ассигнацій. Одновременно съ увеличеніемъ цѣны всѣхъ вещей, поступавшія въ казну подати составляли половину, а въ послѣдствіи четверть прежнихъ государственныхъ доходовъ. Дефицитъ пополнялся новыми внутренними долгами, или выпусками ассигнацій, что неминуемо вело къ большему еще упадку ихъ цѣнности. Въ такомъ затруднительномъ положеніи финансовъ, когда масса обращавшихся въ народѣ ассигнацій простиралась до 577-ми милліоновъ, правительство, въ 1810-мъ году, рѣшилось прекратить ихъ выпуски. Для пополненія-же дефицита, найдено необходимымъ прибѣгнуть къ двумъ мѣрамъ: 1) къ увеличенію по-

датей и 2) къ открытію внутренняго займа. Возвышены подати подушныя и оброчныя съ крестьянъ и мѣщанъ; установлены новые налоги, въ обѣихъ столицахъ, съ торгующихъ крестьянъ, съ иностранныхъ ремесленниковъ, съ домовъ и купеческихъ капиталовъ. Увеличена цѣна на соль и подать съ мѣди. Положено взимать таможенный доходъ, считая талеръ въ 4 рубля ассигнаціями *). Наконецъ возвышена пошлина на гербовую бумагу и на бумагу для паспортовъ (9). Для погашенія внутренняго займа, часть государственныхъ имуществъ, именно оброчныя статьи, часть казенныхъ лѣсовъ, арендныя и нѣкоторыя другія имѣнія, обращены въ публичную продажу, съ тѣмъ ограниченіемъ, что населенныя земли могли быть пріобрѣтаемы только дворянами и купцами 1-й гильдіи. Весь заемъ, въ 100 милліоновъ рублей ассигнаціями, раздѣленный на пять равныхъ частей, долженъ былъ открываться постепенно. Уплату назначено производить, за земли и лѣса въ три года, а за арендныя имѣнія въ теченіе пяти лѣтъ, облигаціями, выдаваемыми отъ учрежденной, 6-го іюля 1810 года, „Государственной Коммисіи Погашенія Долговъ“ и приносящими 6% дохода; за такія облигаціи, въ первую часть займа, принимались капиталы, по разсчету двухъ ассигнаціонныхъ рублей за одинъ рубль серебромъ, которые казна обязалась возвратить въ 1817 году, серебромъ $83^1/_3$ пробы, или золотомъ, по курсу противъ серебра; капиталы, вносимые безсрочно, принимались по полтора рубля ассигнаціями за серебряный рубль и приносили $4^1/_2$%. Правительство обязалось выплачивать проценты и капиталы въ положенные сроки

*) Прежде платили таможенную пошлину, внося въ казну по два рубля съ половиною ассигнаціями за талеръ: такимъ образомъ, эта подать была увеличена болѣе нежели въ полтора раза.

серебромъ $83\frac{1}{3}$ пробы. Вырученные-же коммисіей отъ продажи имѣній суммы должны были служить для уплаты внутренняго долга. Облигаціи принимались, не только при покупкѣ казенныхъ имѣній, но и въ залоги по всѣмъ подрядамъ и поставкамъ, по ассигнаціонной ихъ цѣнѣ (10).

Въ продажу были назначены: оброчныхъ казенныхъ земель, въ 26-ти губерніяхъ, до 3-хъ милліоновъ десятинъ; изъ пустопорожнихъ, въ 11-ти губерніяхъ, все количество остававшееся за надѣломъ крестьянъ; мельницы, рыбныя ловли, и проч. въ 47-ми губерніяхъ; въѣзжихъ казенныхъ лѣсовъ до 400,000 десятинъ; лѣсовъ въ западныхъ губерніяхъ до $1\frac{1}{2}$ милліона десятинъ; арендныхъ, старостинскихъ и другихъ казенныхъ имѣній, въ восьми западныхъ и трехъ остзейскихъ губерніяхъ, до 350,000 душъ (11). Эти имущества, оцѣненныя въ 183 милліона рублей, по превышенію дѣйствительнойй продажной цѣны надъ оцѣнкою, могли принести до 200 милліоновъ. На 1811-й годъ было объявлено къ продажѣ имѣній на 4,429,000 рублей серебромъ и 5,148,000 рублей ассигнаціями, изъ коихъ по 1-е октября дѣйствительно продано на 292,458 рублей серебромъ, 1,367,000 рублей ассигнаціями и 159,000 рублей облигаціями. Первая-же часть займа, въ 20 милліоновъ рублей, открыта 1-го іюля 1810 года и окончена 27 мая 1811 года, въ продолженіи 11-ти мѣсяцевъ. Такимъ образомъ продажа государственныхъ имуществъ шла весьма медленно, чему полагали причинами: во 1-хъ, недостатокъ описей и плановъ этихъ имуществъ; во 2-хъ, излишнія формальности при проджѣ (12).

Условія займа были весьма благопріятны для капиталистовъ: правительство, реализировавъ первую часть его и получивъ 20 милліоновъ рублей ассигнаціями, или, по тогдашнему курсу, около пяти мил-

ліоновъ рублей серебромъ, обязывалось давать по 6% на 10 милліоновъ рублей серебромъ, т. е. въ дѣйствительности 12%, и чрезъ шесть лѣтъ (въ 1817 году) уплатить двойной капиталъ. Несмотря однакоже на невыгоду для казны подобной финансовой операціи, упадокъ курса нашихъ ассигнацій съ 1810 года былъ несравненно медленнее прежняго, чтò, по всей вѣроятности, должно быть приписано, съ одной стороны, прекращенію новыхъ выпусковъ ассигнацій, а съ другой — возстановленію морской торговли, значительно увеличившему отпускъ за границу русскихъ продуктовъ.

Въ основаніе нашей новой монетной системы были приняты два главныя правила: 1) чтобы внезапными перемѣнами въ ней не нанесть ущерба частнымъ интересамъ — „сколько-бы перемѣны сіи ни казались для казны выгодными“ — и 2) чтобы утвердить ее на твердыхъ началахъ, для всей Имперіи единообразныхъ и достойныхъ общаго довѣрія. Въ этихъ видахъ, монетною единицею установленъ серебряный рубль тогдашняго достоинства, т. е. вѣсомъ во ста рубляхъ 5 фунтовъ и 6 золотниковъ серебра $83^1/_3$ пробы. Самая монета, назначавшаяся къ чекану, раздѣлена на три сорта: 1) банковую — серебряные рубль и полтина; 2) размѣнную серебряную — въ 20, 10 и 5 копѣекъ — „съ небольшимъ въ вѣсѣ пріумноженіемъ и съ соразмѣрнымъ тому въ пробѣ уменьшеніемъ“; 3) размѣнную мѣдную, въ 2, 1 и $^1/_2$ копѣйки, достоинство коей опредѣлено „по отношенію цѣны мѣди въ слиткахъ на серебро.“ Старыя мѣдныя деньги положено выводить изъ обращенія, по мѣрѣ выпуска новой серебряной и мѣдной монеты, а за переливъ мѣдной монеты установлено такое-же наказаніе, какое назначено за дѣланіе фальшивой монеты. Счетъ на иностранную монету въ Им-

періи прекращенъ и запрещенъ ввозъ мѣлкой иностранной монеты. извѣстной подъ названіемъ „биллона“ ([13]). Вслѣдъ за тѣмъ опредѣлены проба и вѣсъ серебряной монеты, согласно предшествовавшему постановленію, именно: чистаго серебра въ рублѣ четыре золотника 21 доля, а въ полтинѣ два золотника $10^1/_2$ долей. Размѣнную-же монету положено дѣлать 72-й пробы, но такого-же внутренняго достоинства, какъ и банковую монету, такъ, чтобы двадцатикопѣечникъ былъ вѣсомъ одинъ золотникъ 12 долей и содержалъ въ себѣ 81 долю чистаго серебра, а гривенники и пяти-копѣечники по соразмѣрности. Наконецъ мѣдную монету назначено дѣлать по 24 рубля въ пудъ ([14]).

Преобразованіе государственнаго совѣта, въ началѣ 1810 года, подало поводъ къ существеннымъ измѣненіямъ министерствъ. Въ представленной тогда государственнымъ секретаремъ Сперанскимъ запискѣ, онъ, сознавая пользу учрежденія министерствъ, доказывалъ важныя несовершенства системы 1802 года. По его мнѣнію, они заключались: 1) *въ недостаткѣ отвѣтственности,* которая — писалъ онъ — должна существовать не на словахъ, а на дѣлѣ; 2) *въ неточномъ раздѣленіи дѣлъ,* происшедшемъ отъ того, что, при введеніи новаго порядка дѣлъ, слишкомъ держались старыхъ учрежденій, изъ опасенія „строя новое зданіе, разрушить все прежнее до основанія.“ Такимъ образомъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ отнесены полиція и соляная часть, учреждено особое министерство коммерціи, составляющей только вѣтвь общей народной промышленности, и оставлена безъ всякаго устройства одна изъ важнѣйшихъ частей — общая полиція; 3) Въ *недостаткѣ правильнаго образованія министерствъ,* отъ чего дѣла, не

бывъ раздѣлены по существу своему, стекались въ однѣ руки, слѣдствіемъ чего были пустое многодѣліе и безпорядокъ ([15]).

На основаніи идей, подробно изложенныхъ въ запискѣ Сперанскаго, послѣдовало преобразованіе министерствъ. Манифестомъ 25-го іюля объявлено о раздѣленіи государственныхъ дѣлъ, въ исполнительномъ порядкѣ, на пять главныхъ частей, подвѣдомственныхъ, сообразно пространству и существу каждой, одному, или нѣсколькимъ министрамъ. На такомъ основаніи, всѣ государственныя дѣла были раздѣлены слѣдующимъ образомъ: 1) *Внѣшнія сношенія.* Министерство иностранныхъ дѣлъ. 2) *Внѣшняя безопасность.* Министерства военное и морское. 3) *Государственная экономія.* Министерства: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и финансовъ. Государственное казначейство. Ревизія государственныхъ счетовъ. Главное управленіе путей сообщенія. 4) *Устройство Суда.* Министерство юстиціи. 5) *Внутренняя безопасность.* Министерство полиціи. Кромѣ того, духовныя дѣла всѣхъ исповѣданій, кромѣ православнаго, разсѣянныя по разнымъ департаментамъ, были соединены и составили *Главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.*

Министерства *иностранныхъ дѣлъ, военное, морское* и *юстиціи* остались въ тѣхъ предѣлахъ, кои были постановлены манифестомъ 8-го сентября 1802 года.

Изъ прежняго *министерства внутреннихъ дѣлъ* нѣкоторыя части отошли къ министерству финансовъ, другія составили новое министерство полиціи, а въ новомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которому главнымъ предметомъ назначено попеченіе о земледѣліи и промышленности, оставлены, кромѣ того: колоніи, почты и публичныя зданія.

Къ министерству *народнаго просвѣщенія* присоединены всѣ вообще Академіи и учебныя заведенія, кромѣ духовныхъ.

Къ министерству *финансовъ* поступили: департаментъ внѣшней торговли (бывшее министерство коммерціи); соляная часть, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, составившая вмѣстѣ съ бергъ-коллегіею департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ; департаментъ казначейства (бывшее Государственное казначейство); вновь учрежденный департаментъ государственныхъ имуществъ, составленный изъ бывшаго лѣснаго департамента и другихъ частей различныхъ вѣдомствъ. Кромѣ того, въ составѣ министерства остался департаментъ податей и сборовъ (бывшая камеръ-коллегія). Ему-же были подчинены банки: заемный, ассигнаціонный и коммерческій. Отъ министерства-же финансовъ отошелъ *государственный контроль*, порученный барону Балтазару Балтазаровичу фонъ-Кампенгаузену. Это былъ одинъ изъ тѣхъ Нѣмцевъ, надъ которыми подъ часъ трунитъ русское досужество въ отместку за торжествующую на нашей родинѣ „нѣмецкую интеллигенцію.“ Но, по увѣренію современниковъ — баронъ Кампенгаузенъ соединялъ съ умомъ холоднымъ, но весьма обширнымъ, и съ твердымъ характеромъ, старинную добросовѣстную ученость, трудолюбіе и познанія, необходимыя для государственнаго человѣка. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые возвышаютъ своими личными качествами занимаемыя ими мѣста.

Министерство полиціи было ввѣрено назначенному въ началѣ 1809 года С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ и генералъ-адъютантомъ, Александру Дмитріевичу Балашову. Одаренный большимъ умомъ, тактомъ, ловкостью, Балашовъ соеди-

Перскій (въ послѣдствіи директоръ 1-го кадетскаго корпуса). Свидѣтельствомъ живаго участія въ этомъ трудѣ самаго Александра 1-го, служатъ слѣдующія слова доклада военнаго министра: „Понеже отъ самаго первоначальнаго плана оному, до послѣдней отдѣлки каждой его части, составлялось оно, обработывалось и исправлялось подъ непосредственнымъ руководствомъ и по замѣчаніямъ Вашего Величества, то и не буду излагать я ни причинъ, ни цѣли сего образованія, совершенно Вашему Величеству извѣстныхъ; но ограничусь токмо поднесеніемъ онаго на Высочайшее утвержденіе“ (22).

По плану Сперанскаго, надлежало дать новое образованіе Сенату такимъ образомъ, чтобы, совершенно отдѣливъ правительственныя дѣла отъ судныхъ, поручить первыя сенату *правительствующему*, а послѣднія — сенату *судебному*. Правительствующій сенатъ — одинъ для всей Имперіи — долженъ былъ состоять изъ министровъ, начальниковъ главныхъ управленій и товарищей министровъ, а судебный, размѣщенный по четыремъ округамъ, въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ, изъ сенаторовъ, отъ правительства и по выбору дворянства. Проекты этихъ учрежденій были разсмотрѣны въ особомъ комитетѣ, изъ графа Завадовскаго, князя Лопухина и графа Кочубея, потомъ разосланы, въ печатныхъ экземплярахъ, ко всѣмъ членамъ государственнаго совѣта, и наконецъ, въ іюнѣ 1811 года, внесены въ общее его собраніе. Нѣкоторые изъ членовъ возражали противъ введенія новаго порядка, замѣтивъ, что: во 1-хъ, перемѣна учрежденія, великими монархами установленнаго и цѣлый вѣкъ существовавшаго, произведетъ невыгодное впечатлѣніе на умы;

нистерствъ, всѣ они долженствовали быть снабжены особенными учрежденіями. Составленіе проектовъ было возложено на самихъ министровъ, при чемъ каждый изъ нихъ, считая ввѣренную ему часть управленія — по выраженію Сперанскаго — „за пожалованную деревню,“ старался наполнить свое вѣдомство людьми и деньгами, къ наибольшему распространенію своей власти. Сперанскому пришлось передѣлывать эти проекты, умѣрять и соглашать притязанія министровъ и нерѣдко возбуждать противъ себя ихъ неудовольствіе и ненависть ([20]).

При общемъ образованіи министерствъ, частныя учрежденія каждаго изъ нихъ были изданы только для двухъ: финансовъ и полиціи; въ исходѣ 1811 года внесены въ государственный совѣтъ проекты подобныхъ-же учрежденій: для министерствъ военнаго, просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и для главнаго управленія иностранныхъ исповѣданій; но вышло въ началѣ 1812 года, одно лишь *образованіе военнаго министерства.*

Тогда-же Высочайше утверждено „Учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміи“ — служившее у насъ руководствомъ по военной части въ теченіи болѣе полувѣка ([21]), памятникъ трудолюбія и опытности Барклая де-Толли. Приступивъ къ составленію сего замѣчательнаго военнаго кодекса, онъ принялъ за основаніе существовавшія у насъ постановленія и собралъ свѣдѣнія о всѣхъ законахъ, изданныхъ для французской арміи съ 1791-го года. Въ Коммисіи, по представленію Барклая, учрежденной, подъ его предсѣдательствомъ, для составленія военныхъ уставовъ и уложеній, были членами генералы: Оппермань, баронъ Егоръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, князь Петръ Михайловичъ Волконскій, Гогель, графъ Сенъ-Пріестъ и полковникъ

щихся къ учрежденію правительствующаго сената, обратили на себя особенное вниманіе слѣдующіе четыре: 1-й (по Своду 2-й). Двоякій образъ производства дѣлъ по искамъ на казну, порядкомъ правительственнымъ и судебнымъ, можетъ-ли быть удобенъ? Рѣшенъ утвердительно. 2-й (по Своду 5-й). Не нужно-ли точнѣе опредѣлить дѣла, относящіяся къ совѣту и сенату? За исключеніемъ одного члена, всѣ прочіе (20) полагали опредѣленіе, въ проектѣ начертанное, совершенно достаточнымъ. 3-й (по Своду 9-й). Должно-ли въ предметахъ, подлежащихъ вѣдѣнію правительствующаго сената, рѣшать дѣла по большинству голосовъ. За исключеніемъ одного голоса, изъявлено утвердительное мнѣніе. 4-й (по Своду 11-й). Должно-ли журналы въ правительствующемъ сенатѣ подписывать всѣмъ членамъ? Три члена полагали — подписывать всѣмъ, а восмнадцать предложили, чтобы члены, неодобрившіе журнала, могли представлять свои мнѣнія, неостанавливая однакоже исполненія дѣла. Государь утвердилъ заключеніе большинства. Всѣ прочіе вопросы по второй части также рѣшены утвердительно, съ нѣкоторыми измѣненіями ([25]).

По 3-й части. Изъ 29-ти вопросовъ, относящихся къ учрежденію судебнаго сената, обратили на себя особенное вниманіе шесть. 1-й (по Своду 1-й). О раздѣленіи сената на четыре округа: двѣнадцать членовъ полагали ввести раздѣленіе, а девять — не раздѣлять. Государь утвердилъ мнѣніе большинства. 2-й (по Своду 12-й). О назначеніи части сенаторовъ по выборамъ: 15 членовъ полагали допустить выборъ, а семь — не допускать. Государь утвердилъ мнѣніе большинства. 3-й (по Своду 14-й). Должно-ли губернаторовъ судить, согласно проекту учрежденія, въ верховномъ уголовномъ судѣ, или

во 2-хъ, раздѣленіе сената умалитъ его важность, повлечетъ за собою значительныя издержки и затруднитъ пріисканіе способныхъ людей, какъ въ сенаторы, такъ и въ канцелярскія должности; въ 3-хъ, назначеніе части сенаторовъ по выбору противно разуму самодержавія и скорѣе обратится во вредъ, нежели въ пользу, будучи произведено подъ вліяніемъ мѣстныхъ властей, либо богатыхъ помѣщиковъ. Наконецъ, въ 4-хъ, полагали, что не было основанія вручать судебному сенату одну изъ существенныхъ принадлежностей самодержавной власти: окончательное, безъ права жалобы Государю, рѣшеніе тяжебныхъ дѣлъ ([23]).

По прочтеніи всѣхъ различныхъ мнѣній, въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, постановлено поручить Сперанскому составить сводъ ихъ, раздѣливъ его на три части, изъ коихъ 1-я заключала-бы въ себѣ замѣчанія, относящіяся вообще къ сенату; 2-я, мнѣнія на счетъ правительствующаго сената, а 3-я, мнѣнія касательно судебнаго сената. За тѣмъ положено: составить изъ всѣхъ замѣчаній вопросы, подлежащіе рѣшенію совѣта ([24]).

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ совѣта, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, по прочтеніи всѣхъ частей свода, были предложены слѣдующіе вопросы.

По 1-й части. Существуетъ-ли необходимость и польза вводить новое учрежденіе сената? Благовременно-ли будетъ неотлагательно ввести сіе учрежденіе? Первый вопросъ рѣшенъ утвердительно, а по второму большинство членовъ изъявило мнѣніе: отложить преобразованіе до удобнѣйшаго времени; но Государь утвердилъ мнѣніе меньшинства, предоставя себѣ назначить опредѣлительно къ тому время.

По 2-й части. Изъ 25-ти вопросовъ, относя-

щихся къ учрежденію правительствующаго сената, обратили на себя особенное вниманіе слѣдующіе четыре: 1-й (по Своду 2-й). Двоякій образъ производства дѣлъ по искамъ на казну, порядкомъ правительственнымъ и судебнымъ, можетъ-ли быть удобенъ? Рѣшенъ утвердительно. 2-й (по Своду 5-й). Не нужно-ли точнѣе опредѣлить дѣла, относящіяся къ совѣту и сенату? За исключеніемъ одного члена, всѣ прочіе (20) полагали опредѣленіе, въ проектѣ начертанное, совершенно достаточнымъ. 3-й (по Своду 9-й). Должно-ли въ предметахъ, подлежащихъ вѣдѣнію правительствующаго сената, рѣшать дѣла по большинству голосовъ. За исключеніемъ одного голоса, изъявлено утвердительное мнѣніе. 4-й (по Своду 11-й). Должно-ли журналы въ правительствующемъ сенатѣ подписывать всѣмъ членамъ? Три члена полагали — подписывать всѣмъ, а восмнадцать предложили, чтобы члены, неодобрившіе журнала, могли представлять свои мнѣнія, неостанавливая однакоже исполненія дѣла. Государь утвердилъ заключеніе большинства. Всѣ прочіе вопросы по второй части также рѣшены утвердительно, съ нѣкоторыми измѣненіями [25].

По 3-й части. Изъ 29-ти вопросовъ, относящихся къ учрежденію судебнаго сената, обратили на себя особенное вниманіе шесть. 1-й (по Своду 1-й). О раздѣленіи сената на четыре округа: двѣнадцать членовъ полагали ввести раздѣленіе, а девять — не раздѣлять. Государь утвердилъ мнѣніе большинства. 2-й (по Своду 12-й). О назначеніи части сенаторовъ по выборамъ: 15 членовъ полагали допустить выборъ, а семь — не допускать. Государь утвердилъ мнѣніе большинства. 3-й (по Своду 14-й). Должно-ли губернаторовъ судить, согласно проекту учрежденія, въ верховномъ уголовномъ судѣ, или

въ сенатѣ? 17 членовъ изъявили первое мнѣніе, а пять — второе. Государь утвердилъ заключеніе большинства, съ тѣмъ, чтобы и директоры министерскихъ департаментовъ были подсудны верховному уголовному суду. 4-й (по Своду 19-й). Должно-ли учредить рекетмейстерскія присутствія? За исключеніемъ одного, всѣ члены признали учрежденіе нужнымъ, и Государь утвердилъ ихъ мнѣніе. 5-й. Какой срокъ назначить тяжущимся для дополненія записокъ? Шесть членовъ положили, согласно проекту, одну недѣлю; одиннадцать — двѣ недѣли; пять — мѣсяцъ. Государь утвердилъ, согласно мнѣнію большинства, срокъ въ двѣ недѣли. 6-й. Объ окончательныхъ рѣшеніяхъ сената. Вопросъ сей, по существу своему, раздѣленъ на два слѣдующіе: А) Допускать-ли жалобы на рѣшенія сената? Тринадцать членовъ полагали допускать, съ разными ограниченіями; а девять — не допускать вовсе. Государь утвердилъ послѣднее мнѣніе. В) На какихъ правилахъ учредить переносъ дѣлъ въ самомъ сенатѣ, по разногласію? Положено большинствомъ голосовъ и утверждено Государемъ: составить особенное положеніе, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Три единообразныя рѣшенія разныхъ судебныхъ мѣстъ считать окончательными. 2) По сему, если отдѣленіе сената единогласно утвердитъ единообразное рѣшеніе двухъ инстанцій, то такое рѣшеніе считать окончательнымъ. 3) Напротивъ, если отдѣленіе сената утвердитъ одно какое-либо изъ предшествовавшихъ рѣшеній, или положитъ собственное рѣшеніе, отъ нихъ различное, переносить дѣло въ департаментъ сената. 4) Переносъ дѣлъ изъ департамента въ общее собраніе установить на тѣхъ-же правилахъ, и 5) Въ общемъ собраніи рѣшать дѣла окончательно, по большинству голосовъ ([26]).

проектами указовъ, утвержденныхъ Государемъ въ 1809 году: одного о придворныхъ званіяхъ и другаго объ экзаменахъ на гражданскіе чины.

Императоръ Александръ всегда смотрѣлъ неблагопріятно на придворные чины, если съ ними не были соединены другія обязанности; въ особенности-же не жаловалъ онъ молодыхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, служащихъ для внѣшняго блеска придворныхъ выходовъ и баловъ, и называлъ ихъ полотёрами. Онъ немогъ хладнокровно видѣть, какъ сыновья знатныхъ людей, получивъ едва не въ колыбели камеръ-юнкерскія и камергерскія званія, дававшія прямо чинъ: первыя 5-го, а вторыя — 4-го класса, проводили жизнь въ праздности, а когда рѣшались вступать на дѣйствительную службу, не были приготовлены ни къ чему дѣльному и занимали высшія мѣста, къ огорченію служакъ, своихъ подчиненныхъ, и въ ущербъ принятыхъ на себя обязанностей. Это вопіющее злоупотребленіе было прекращено Высочайшимъ повелѣніемъ: камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, не состоящимъ въ военной и гражданской службѣ, избрать, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, родъ дѣйствительной службы; на будущее время, эти званія, пожалованныя кому-либо по уваженію къ заслугамъ предковъ, считать отличіями неприносящими никакого чина; наконецъ, всякому, получившему такія званія, продолжать, вмѣстѣ съ исполненіемъ придворныхъ обязанностей, дѣйствительную службу, на равнѣ съ прочими дворянами, безъ чего онъ будетъ отставленъ (29).

Казалось-бы, что такое постановленіе, заграждавшее путь къ чинамъ и отличіямъ только лишь неспособнымъ людямъ, долженствовало быть встрѣчено общимъ одобреніемъ. Вышло иначе: порицали Сперанскаго, упрекая его, какъ человѣка новаго, вышед-

изъ своей Исторіи и долго разговаривалъ съ нимъ „о самодержавіи", при чемъ Александръ высказалъ въ своихъ сужденіяхъ болѣе либерализма, нежели его собесѣдникъ. Въ тотъ-же день Великая Княгиня вручила Государю Записку исторіографа, которую сама находила „очень сильною", но, замѣтя особенное благоволеніе Монарха къ Карамзину, не считала опаснымъ отдать ее. На слѣдующій день, при отъѣздѣ Императора изъ Твери, Карамзинъ былъ пораженъ его холодностью. По всей вѣроятности, Государь, утромъ, успѣвъ прочесть, или пробѣжать Записку, и найдя въ ней рѣзкое порицаніе своихъ дѣйствій, былъ недоволенъ сужденіями смѣлаго исторіографа. Нельзя не сознаться въ томъ, что Записка „О древней и новой Россіи", твореніе ума высокаго, посвященнаго въ таинства прошлаго, грѣшила невѣдѣніемъ настоящаго. При многообъемлющей учености Карамзина, ему недоставало знанія подробностей государственнаго управленія. Увлекаясь крайнимъ консерватизмомъ, онъ нерѣдко, противъ собственной воли, осуждалъ то, чего вовсе не было въ предложенныхъ нововведеніяхъ, и старался возвысить устарѣлые, отжившіе свое время уставы ([28]). Конечно — Записка „О древней и новой Россіи", не оказала вліянія на послѣдовавшее вскорѣ послѣ того паденіе Сперанскаго, и хотя Государь, убѣдясь въ благонамѣренности Карамзина, приблизилъ его къ себѣ, однакоже, судя по дальнѣйшему ходу нашей администраціи, не обратилъ большаго вниманія на его идеи.

Преобразованіе высшихъ государственныхъ учрежденій, вмѣстѣ съ усиліями Сперанскаго уменьшить расходы по всѣмъ министерствамъ, поселили недоброжелательство къ нему въ высшихъ сферахъ общества. Не менѣе нажилъ онъ себѣ непріятелей двумя

проектами указовъ, утвержденныхъ Государемъ въ 1809 году: одного о придворныхъ званіяхъ и другаго объ экзаменахъ на гражданскіе чины.

Императоръ Александръ всегда смотрѣлъ неблагопріятно на придворные чины, если съ ними не были соединены другія обязанности; въ особенности же не жаловалъ онъ молодыхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, служащихъ для внѣшняго блеска придворныхъ выходовъ и баловъ, и называлъ ихъ полотёрами. Онъ немогъ хладнокровно видѣть, какъ сыновья знатныхъ людей, получивъ едва не въ колыбели камеръ-юнкерскія и камергерскія званія, дававшія прямо чинъ: первыя 5-го, а вторыя — 4-го класса, проводили жизнь въ праздности, а когда рѣшались вступать на дѣйствительную службу, не были приготовлены ни къ чему дѣльному и занимали высшія мѣста, къ огорченію служакъ, своихъ подчиненныхъ, и въ ущербъ принятыхъ на себя обязанностей. Это вопіющее злоупотребленіе было прекращено Высочайшимъ повелѣніемъ: камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, не состоящимъ въ военной и гражданской службѣ, избрать, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, родъ дѣйствительной службы; на будущее время, эти званія, пожалованныя кому-либо по уваженію къ заслугамъ предковъ, считать отличіями неприносящими никакого чина; наконецъ, всякому, получившему такія званія, продолжать, вмѣстѣ съ исполненіемъ придворныхъ обязанностей, дѣйствительную службу, на равнѣ съ прочими дворянами, безъ чего онъ будетъ отставленъ (29).

Казалось-бы, что такое постановленіе, заграждавшее путь къ чинамъ и отличіямъ только лишь неспособнымъ людямъ, долженствовало быть встрѣчено общимъ одобреніемъ. Вышло иначе: порицали Сперанскаго, упрекая его, какъ человѣка новаго, вышед-

ніемъ на службѣ, правительство признало нужнымъ поставить, чтобы: во 1-хъ, впредь не производить никого въ коллежскіе ассесоры, хотябы онъ и выслужилъ опредѣленныя лѣта, безъ предъявленія свидѣтельства одного изъ русскихъ университетовъ, въ успѣшномъ окончаніи тамъ курса, либо въ выдержаніи установленнаго испытанія; во 2-хъ, такоеже университетское свидѣтельство требовалось и для производства въ статскіе совѣтники, съ тѣмъ еще, чтобы представляемый состоялъ на службѣ вообще не менѣе десяти лѣтъ, и въ числѣ разныхъ должностей по крайней мѣрѣ два года былъ дѣйствительно: совѣтникомъ, прокуроромъ, правителемъ канцеляріи, или начальникомъ экспедиціи. Къ указу была приложена программа, для испытанія въ университетахъ чиновниковъ на производство въ помянутые чины, по коей требовалось: „грамматическое знаніе русскаго языка и правильное на немъ сочиненіе; знаніе, по крайней мѣрѣ, одного изъ иностранныхъ языковъ и удобность переводить съ него на русскій; основательное знаніе правъ: естественнаго, Римскаго и частнаго гражданскаго, съ приложеніемъ послѣдняго къ русскому законодательству, и свѣдѣнія въ государственной экономіи и законахъ уголовныхъ; основательное знаніе отечественной исторіи; исторія всеобщая съ географіею и хронологіей; первоначальныя основанія статистики, особенно русскаго государства; наконецъ знаніе, по крайней мѣрѣ, начальныхъ основаній математики и общія свѣдѣнія въ физикѣ“ ([36]).

Это постановленіе, какъ и должно было ожидать, возбудило горькія жалобы въ многочисленной средѣ чиновниковъ, нехотѣвшихъ и неспособныхъ пріобрѣсти требуемыя отъ нихъ познанія. Трудно, почти невозможно, было ожидать, чтобы люди, живущіе

однимъ жалованьемъ и неимѣющіе почти вовсе свободнаго времени, могли удѣлять часть его для занятія науками. Изъ этого выходило, что даже самые способные изъ нихъ были осуждены оставаться весь вѣкъ въ однихъ и тѣхъ-же чинахъ. Чтò оставалось имъ дѣлать? Безкорыстные люди, имѣвшіе насущный хлѣбъ, могли бросить службу, неудовлетворявшую ихъ честолюбію, а недобросовѣстные и неимущіе были вынуждены вознаграждать себя казнокрадствомъ и взятками за потерю надежды улучшить свое состояніе усердною службою. Нельзя не сознаться, что въ этихъ жалобахъ была нѣкоторая доля справедливости: конечно — не служба создана для чиновниковъ, а чиновники существуютъ для службы; тѣмъ не менѣе однакоже люди, посвятившіе себя извѣстнаго рода дѣятельности, по вызову правительства, имѣли нѣкоторыя права на участіе общества. Но такова большею частью судьба преобразованій: въ началѣ они нарушаютъ частные интересы; въ послѣдствіи-же дѣло улаживается и они обращаются къ пользѣ всѣхъ и каждаго. Указъ 6-го августа 1809 года имѣлъ цѣлью открыть дорогу образованнымъ людямъ и имѣть на службѣ способныхъ чиновниковъ. Къ сожалѣнію, онъ былъ понятъ, или правильнѣе сказать, перетолкованъ въ превратномъ смыслѣ. Противъ него кричали не одни подъячіе. Карамзинъ, замѣтивъ, что въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ требуются отъ чиновниковъ только необходимыя по службѣ свѣдѣнія: отъ инженера — инженерная наука, отъ судьи — законовѣдѣніе, и проч. пишетъ: „У насъ предсѣдатель гражданской палаты обязанъ знать Гомера и Ѳеокрита, секретарь сената — свойства оксигена и всѣхъ газовъ *), вице-

*) *О древней и новой Россіи.* Въ программѣ для испытанія чиновниковъ не было впрочемъ ни греческаго языка, ни химіи.

губернаторъ — пифагорову фигуру, надзиратель въ домѣ сумашедшихъ — римское право, или умрутъ коллежскими и титулярными совѣтниками. Ни сорокалѣтняя дѣятельность государственная, ни важныя заслуги, не освобождаютъ отъ долга знать вещи совсѣмъ для насъ чуждыя и безполезныя"…. Издѣваясь надъ постановленіемъ о гражданскихъ чинахъ, знаменитый исторіографъ упустилъ изъ вида пользу общихъ, энциклопедическихъ свѣдѣній для умственнаго развитія; никто не станетъ спорить, что чиновнику, прежде всего, нужно основательное знаніе всего того, что прямо требуется для исполненія его обязанностей, но не подлежитъ также сомнѣнію, что человѣкъ, получившій многостороннее образованіе и при томъ обладающій спеціальными свѣдѣніями, либо опытностью, по своей части, можетъ, при одинаковыхъ способностяхъ, принести болѣе пользы, нежели тотъ, котораго весь умственный запасъ ограничивается тѣснымъ кругомъ его служебныхъ обязанностей. Конечно — никакой экзаменъ въ наукахъ не можетъ быть вѣрнымъ мѣриломъ для сужденія о будущихъ дѣловыхъ способностяхъ чиновниковъ, потому что подобныя испытанія недостаточны для оцѣнки дѣятельности, силы воли и другихъ качествъ, которыя гораздо полезнѣе школьныхъ свѣдѣній и могутъ проявиться не иначе какъ въ послѣдствіи, на дѣйствительной службѣ. Недостатки помянутаго указа не замедлили впрочемъ обнаружиться, что заставило сперва сдѣлать въ немъ нѣкоторыя изъятія, а потомъ и вовсе отмѣнить его. Но онъ принесъ несомнѣнную пользу, заставя учиться ([37]).

Въ числѣ административныхъ распоряженій, относящихся къ этому періоду, замѣчательно присое-

диненіе выборгской губерніи (Старой Финляндіи) къ новопріобрѣтенной, по Фридрихсгамскому миру Финляндіи ([38]). Извѣстно, что было время, когда Императоръ Александръ намѣревался также образовать, на западной границѣ Имперіи, особую область, въ которую должны были войти, какъ часть, нѣкоторыя изъ возвращенныхъ отъ Польши губерній, и что только вліяніе Поццо-ди-Борго, Карамзина и другихъ лицъ, отклонило его отъ исполненія этой идеи, могшаго имѣть роковыя послѣдствія. Такія распоряженія, кромѣ вліянія князя Чарторыскаго въ юности Александра, по всей вѣроятности, были внушены примѣромъ Наполеона, окружившаго Францію вассальными владѣніями. Но самъ Наполеонъ, при первой возможности, старался слить ихъ съ Французскою Имперіей: по крайней мѣрѣ, онъ поступилъ такъ съ Голландіей и большою частью Италіи, и кто знаетъ, что̀ было-бы, еслибы о̀нъ долѣе господствовалъ въ Европѣ?

Продовольствіе народа необходимѣйшими потребностями побудило къ принятію, въ періодѣ времени съ 1806 по 1811 годъ, особенныхъ мѣръ, изъ коихъ главнѣйшія состояли: 1) въ разрѣшеніи, для снабженія солью с.-петербургской и псковской губерній, покупки до милліона пудовъ иностранной соли, обходившейся слишкомъ 25-ю копѣйками на пудъ дешевле доставляемой чрезъ Нижній Новгородъ ([39]). Вслѣдъ за тѣмъ, учреждена экспедиція астраханскихъ соляныхъ промысловъ ([40]). 2) По случаю неурожая въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и войны, въ 1806 году, запрещенъ вывозъ изъ Имперіи хлѣба, по всей западной границѣ ([41]), и пріостановлено винокуреніе на 6 мѣсяцевъ въ западныхъ губерніяхъ ([42]). Для

снабженія новопріобрѣтенной Финляндіи, было отправлено туда въ 1808 году болѣе 700,000 и въ 1809 милліонъ пудовъ элтонской и пермской соли([43]). Хорошій урожай въ 1808 году дозволилъ разрѣшить въ слѣдующемъ году выпускъ хлѣба за границу([44]). Тогда-же усилена разработка молдавской горной соли([45]). Въ 1810 году, не смотря на предшествовавшій урожай, ввозили изъ-за границы хлѣбъ въ Россію, но вскорѣ, по представленію литовскаго военнаго губернатора Кутузова, полагавшаго, что чрезъ ввозъ хлѣба могло выдти изъ нашихъ западныхъ губерній значительное количество серебра, и что внутренній избытокъ оставался безъ употребленія, запрещено было ввозить хлѣбъ въ Россію([46]). Съ 1812 года разрѣшена была свободная продажа соли, съ уплатою въ казну пошлины отъ 40 до 45 копѣекъ съ пуда, за исключеніемъ илецкой соли, пошлина съ которой оставлена прежняя([47]).

Водвореніе поселенцевъ за Байкаломъ, предпринятое еще въ 1800 году, но производившееся безъ надлежащаго порядка и подававшее поводъ къ нѣкоторымъ злоупотребленіямъ, было опредѣлено особымъ Положеніемъ, коимъ установленъ дѣятельный надзоръ надъ забайкальскими поселенцами, улучшено ихъ содержаніе, назначена достаточная сумма на первоначальное ихъ обзаведеніе и предоставлены имъ разныя льготы([48]). Для переселенія на Кавказъ, также сопряженнаго со многими затрудненіями, по недостатку надзора и нужныхъ средствъ, было издано подобное-же Положеніе([49]). Въ 1810 году, переселено изъ Кабарды на Кавказскую линію 269 Осетинъ([50]). Для усиленія Черноморскаго войска, охранявшаго границы отъ набѣговъ горскихъ народовъ, разрѣшено двадцати пяти тысячамъ обывателей малороссійскихъ губерній переселиться на по-

жалованныя войску земли. Черноморцы сами желали этого переселенія, по причинѣ незначительнаго числа ихъ и частыхъ нападеній горцевъ, и даже переманивали къ себѣ жителей Малороссіи, которые, терпя недостатокъ въ землѣ, охотно переселялись въ Черноморье ([51]). Переселенія иностранныхъ колонистовъ въ новороссійскій край, Крымъ и въ окрестности Петербурга продолжались съ успѣхомъ до 1810 года, когда комитетъ, учрежденный для сокращенія государственныхъ расходовъ, разсуждая о водвореніи иностранныхъ выходцевъ, вывелъ слѣдующее заключеніе: „одна колонистская семья, около столицы водворяющаяся, стоитъ казнѣ на первоначальное обзаведеніе слишкомъ 5,000 рублей, тогда какъ крестьяне, природные подданные, переселяясь изъ губерній многолюдныхъ въ мѣста незаселенныя, и составляя полезнѣйшія для государства колоніи, никакой почти ссуды не имѣютъ, такъ, что пособіе нѣмецкой семьѣ, свободной отъ рекрутской службы и другихъ повинностей, даваемое, моглобы съ вѣроятностью обращено быть на переселеніе семей 50-ти русскихъ крестьянъ, къ существенной пользѣ самихъ ихъ и государства“. На основаніи этого вывода, повелѣно, отмѣнивъ сумму, назначенную на переселеніе иностранныхъ выходцевъ, сообщить нашимъ миссіямъ и консульствамъ, что русское правительство не станетъ болѣе выдавать никакихъ ссудъ колонистамъ, но тѣмъ изъ нихъ, кои пожелаютъ переселиться въ Россію на собственный счетъ, правительство окажетъ полное покровительство, отведетъ земли и вообще дастъ такія-же льготы, какими пользовались ихъ товарищи ([52]). Запрещены самовольные переходы Оренбургскихъ Башкиръ въ другія губерніи и приняты мѣры для водворенія въ оренбургской губерніи и улучшенія быта кочевыхъ

Киргизовъ ([53]). Отведены земли кочевымъ Калмыкамъ въ астраханской, кавказской и саратовской губерніяхъ ([54]).

Римско-католическое духовенство, въ началѣ царствованія Александра I, устроило пропаганду для привлеченія уніатскихъ священниковъ и паствы ихъ къ переходу въ римскій обрядъ, дѣйствуя на нихъ обѣщаніями мірскихъ выгодъ, угрозами и побоями. Для прекращенія такихъ несовмѣстныхъ съ духомъ христіанства дѣйствій послѣдовало запрещеніе склонять уніатовъ къ принятію римскаго обряда ([55]). Вообще-же правительство поступало весьма кротко съ иновѣрцами и раскольниками, и только лишь Духоборцы, явно уличенные въ поданіи соблазна и въ безпорядкахъ нарушающихъ общее спокойствіе, были отдаваемы въ солдаты, либо, по неспособности къ военной службѣ, отсылались на работы въ заводахъ ([56]).

Правительство, заботясь объ улучшеніи положенія помѣщичьихъ крестьянъ, упреждало въ этомъ отношеніи понятія просвѣщеннѣйшихъ людей русскаго общества. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно вспомнить слова Карамзина *), по поводу указа, запрещавшаго помѣщикамъ продавать своихъ крѣпостныхъ въ рекруты ([57]). Приведя всевозможные софизмы въ защиту такого торга, добрый, гуманный Карамзинъ недовольствуется тѣмъ, и платя дань современнымъ предубѣжденіямъ, ратуетъ противъ освобожденія помѣщичьихъ людей. Принявъ за аксіому, что они, получивъ свободу, лишатся земли, авторъ выводитъ заключеніе, что либо крестьяне добровольно останутся у помѣщиковъ, которые подпишутъ имъ самыя тягостныя условія, либо настанетъ бродяжничество съ мѣста на мѣсто, къ несомнѣн-

*) *О древней и новой Россіи.*

ному вреду казны и земледѣлія. „Не знаю—продолжаетъ Карамзинъ — хорошо-ли сдѣлалъ Годуновъ, отнявъ у крестьянъ свободу, (ибо тогдашнія обстоятельства несовершенно извѣстны), но знаю, что теперь имъ неудобно возвратить оную. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ навыкъ рабовъ; мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе порабощать людей, нежели дать имъ не вб-время свободу, для которой надобно готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ"....

Далѣе читаемъ: „Не осуждаю Александрова закона, дающаго право селеніямъ откупаться отъ господъ съ ихъ согласія, но многія-ли столь богаты? Многіе-ли захотятъ отдать послѣднее за вольность? Крестьяне человѣколюбивыхъ владѣльцевъ довольны своею участью; крестьяне худыхъ—бѣдны: то и другое мѣшаетъ успѣху сего закона" ([58]).

Дѣйствительно — число помѣщичьихъ людей, тогда сдѣлавшихся свободными хлѣбопашцами, было довольно ограничено *), но, тѣмъ не менѣе, правительство, способствуя частному освобожденію крестьянъ, выказывало сочувствіе къ дѣлу, совершившемуся въ наше время волею Царя Милостиваго. Вмѣстѣ съ тѣмъ принимались самыя дѣйствительныя мѣры къ пресѣченію злоупотребленій помѣщичьей власти: владѣльцы, уличенные въ жестокомъ обращеніи съ своими людьми, отдавались на судъ дворянства губерніи, къ которой принадлежали, и обыкновенно были присуждаемы къ церковному покаянію, а имѣнія ихъ поступали въ опеку ([59]). При осмотрѣ рязанской губерніи сенаторомъ Руничемъ, оказалось, что изъ сей губерніи и другихъ мѣстъ при-

*) Всего уволено помѣщиками и куплено въ казну, съ 1803 по 1811 годъ, около 24,000 душъ.

возились на Урюпинскую ярмарку скованные помѣщичьи люди, для продажи ихъ въ разницу. Для прекращенія такой „постыдной торговли, ни съ человѣчествомъ, ни съ законами, несовмѣстной" (60), повелѣно запретить продажу людей безъ земли (61). Невольники таврическихъ владѣльцевъ, извѣстные подъ названіемъ *ясырей,* получили свободу (62).

Какъ, не смотря на всѣ попеченія правительства о распространеніи въ Имперіи прививанія коровьей оспы, число воспользовавшихся симъ спасительнымъ средствомъ не превышало въ 1807 году съ небольшимъ осьмой, а въ 1808 шестой части всего числа новорожденныхъ дѣтей, то постановлено: во 1-хъ, возложить на духовенство истребленіе совѣтами и увѣщаніями закоренѣлыхъ предразсудковъ противъ прививанія оспы; во 2-хъ, для надзора за тѣмъ, учредить особые комитеты въ столицахъ, губернскихъ городахъ и уѣздахъ, и въ 3-хъ, установить награды какъ членамъ такихъ комитетовъ и медицинскимъ чиновникамъ, такъ и всѣмъ, кои окажутъ въ семъ дѣлѣ полезное содѣйствіе: каждому, привившему оспу двумъ тысячамъ дѣтей въ одинъ годъ, назначенъ былъ подарокъ, а привившему тремъ тысячамъ въ годъ, сверхъ подарка, уменьшался къ полученію ордена Св. Владиміра изъ 35 лѣтъ одинъ годъ (63).

Въ 1810 году, въ соединенномъ засѣданіи двухъ департаментовъ Государственнаго Совѣта: Военнаго и Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ, разсматривалась внесенная, по Высочайшему повелѣнію, въ Совѣтъ записка объ удобнѣйшемъ комплектованіи арміи нижними чинами. По разсмотрѣніи ея, Совѣтъ полагалъ: ограничить срокъ службы нижнихъ чиновъ пятнадцатью годами, и по прошествіи ихъ обращать бывшихъ казенныхъ крестьянъ въ ихъ прежнія мѣ-

ста жительства, а помѣщичьихъ — къ ихъ владѣльцамъ. „Но какъ Положеніе о столь важномъ для обывателей и правительства предметѣ должно соотвѣтствовать, сколь можно ближе, выгодамъ народа“, то Совѣтъ считалъ нужнымъ, чтобы министръ полиціи истребовалъ, чрезъ гражданскихъ губернаторовъ, мнѣніе дворянъ и казенныхъ поселянъ: во 1-хъ, о срокѣ службы, по прошествіи коего нижніе воинскіе чины моглибы возвращаться въ сельское состояніе еще совершенно способными воздѣлывать землю и имѣть дѣтей, что̀ составляетъ основаніе силы государства; во 2-хъ, принесетъ-ли предполагаемое обращеніе нижнихъ чиновъ въ первобытное состояніе существенную пользу помѣщикамъ и обществамъ, и проч. По истребованіи-же такихъ мнѣній и по соображеніи ихъ съ пользою казны и выгодами обывателей, предполагалось внести выписку изъ мнѣній и заключеніе департаментовъ на усмотрѣніе общаго собранія Государственнаго Совѣта (64).

Но безпрестанныя войны, веденныя въ теченіи многихъ лѣтъ, заставили оставить безъ исполненія этотъ проектъ и замѣнить его нѣсколько лучшимъ устройствомъ рекрутскихъ наборовъ.

Значительное увеличеніе нашей арміи въ 1807 году, затруднившее поставку суконъ на обмундированіе войскъ, побудило прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ средствамъ для удовлетворенія сей потребности. Въ 1808 году было разрѣшено купить 200 тысячъ аршинъ крестьянскихъ суконъ, сѣраго и бѣлаго, на солдатскія шинели (65). Тогда-же все недостающее для арміи количество суконъ было расписано на вольныя фабрики, соразмѣрно ихъ заведеніямъ и съ прибавкою по 10 коп. на аршинъ противъ цѣнъ платимыхъ Коммисаріатомъ вольнымъ фабрикантамъ. Когда-же почти всѣ владѣльцы фабрикъ,

линѣ и въ Вѣнѣ, и самъ Александръ покорится необходимости. Наполеонъ рѣшился идти далѣе, ослѣпляясь несбыточными надеждами, и это было весьма естественно: несмотря на отдѣленіе значительной части силъ для прикрытія сообщеній арміи, у него, при выступленіи изъ Смоленска, все еще оставалось полтораста тысячъ человѣкъ противъ ста пяти тысячъ Русскихъ. Правда — его армія состояла изъ разноплеменныхъ полчищъ, но всѣ они руководились одною мыслью — одною волею.

Не то было въ нашей арміи: разногласіе между Барклаемъ де-Толли и подчиненными ему генералами усилилось послѣ отступленія изъ Смоленска: упрекали Барклая въ нерѣшимости дѣйствій, и даже нѣкоторые, заподозривъ его въ измѣнѣ, хотѣли, чтобы главное начальство было передано Беннигсену; другіе предпочитали князя Багратіона. Многіе, неограничиваясь желаніемъ имѣть новаго главнокомандующаго, считали нужнымъ устранить министра иностранныхъ дѣлъ, графа Румянцова, который, по ихъ мнѣнію, стремился къ прекращенію войны покорствомъ Наполеону. Какъ доведеніе такихъ желаній до свѣдѣнія Государя не могло быть ему пріятно и подвергло-бы немилости каждаго изъ подданныхъ, который отважился-бы сдѣлать подобныя предложенія своему Монарху, то вліятельнѣйшіе изъ нашихъ генераловъ рѣшились склонить къ тому англійскаго генерала Вильсона, который, на пути изъ Константинополя, прибылъ въ главную квартиру Барклая и находился при ней во время отступленія арміи отъ Смоленска. Извѣстная всѣмъ преданность Вильсона Императору Александру и благоволеніе, которымъ Государь удостоивалъ англійскаго генерала, казались многимъ достаточными поводами къ тому, чтобы онъ принялъ на себя такое щекотливое хо-

Относительно правъ состояній, важнѣйшія постановленія, въ теченіи времени съ 1806-го по 1812-й годъ, заключались въ слѣдующемъ:

Во 1-хъ, купеческому сословію дарованы новыя преимущества и отличія, въ числѣ коихъ были: право первостатейнымъ купцамъ (дѣйствительнымъ купцамъ 1-й гильдіи) носить шпаги и пріѣзжать на выходы ко дворцу; освобожденіе всего купечества, на вѣчныя времена, отъ лежавшей на немъ рекрутской денежной повинности ([70]).

Во 2-хъ, указъ 22 мая 1801 года, освобождавшій священниковъ и діаконовъ, впавшихъ въ уголовныя преступленія отъ тѣлеснаго наказанія, распространенъ и на женъ священно-служительскихъ ([71]).

Въ 3-хъ, запрещенъ переходъ крестьянъ и мѣщанъ изъ великороссійскихъ губерній въ западныя, гдѣ, вмѣсто подушной подати, взимался налогъ съ домовъ ([72]).

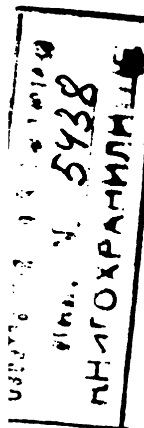
Въ 4-хъ, на основанія положенія о Евреяхъ 1804 года, повелѣно перемѣстить ихъ, въ волынской и подольской губерніяхъ, изъ селеній въ города ([73]).

Въ отношеніи къ дѣламъ по имуществамъ, повелѣно, чтобы въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, при веденіи тяжбъ, къ польскимъ документамъ были прилагаемы русскіе ихъ переводы ([74]).

Въ 1809 году, при Коммисіи составленія законовъ былъ учрежденъ особенный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи, Петра Васильевича Лопухина, и самая коммисія преобразована, согласно проекту Сперанскаго, который, еще въ 1808 году, сперва былъ присутствующимъ въ совѣтѣ коммисіи, состоявшемъ только изъ министра юстиціи и его товарища Новосильцова, а потомъ,

іюля, утѣшила русскій народъ, огорченный потерею Полоцка и Витебска и безуспѣшнымъ боемъ при Салтановкѣ, и хотя, вслѣдъ за тѣмъ, палъ жертвою собственной отваги мужественный Кульневъ, однакоже ратные товарищи его отмстили за него новою побѣдою и оттѣснили Французовъ къ Полоцку. Наполеонъ, получивъ въ Витебскѣ донесеніе о невзгодахъ Удинó, послалъ ему въ помощь баварскій корпусъ, подъ начальствомъ одного изъ своихъ лучшихъ генераловъ, Сенъ-Сира. Графъ Витгенштейнъ опять долженъ былъ сражаться съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, но, не смотря на то, вогналъ его въ Полоцкъ. Когда-же Удинó былъ раненъ и Сенъ-Сиръ, принявъ начальство надъ обоими корпусами, неожиданно атаковалъ наши войска подъ Полоцкомъ, 6 (18) августа, Витгенштейнъ отошелъ за Дриссу и не дозволилъ непріятелю идти далѣе. Наполеонъ былъ до того озабоченъ неудачами Удинó, что, получивъ донесеніе о ничтожномъ успѣхѣ Сенъ-Сира, произвелъ его въ маршалы. А, между тѣмъ, графъ Витгенштейнъ, расположась въ одномъ переходѣ отъ занятаго Французами Полоцка, усиливался подходившими въ подкрѣпленіе ему войсками и ополченіями, и благодаря усердію Псковитянъ и распорядительности начальника псковской губерніи, князя Шаховскаго, устроилъ въ Люценѣ и Себежѣ магазины, гдѣ постоянно находился 20-тидневный запасъ провіанта и фуража для всего корпуса, пополняемый изъ главныхъ складовъ, учрежденныхъ въ Островѣ и Псковѣ ([48]). Въ Петербургѣ, и оттуда во всей Россіи, славилось имя графа Витгенштейна „защитника Петрова града“ и съ признательностью произносились имена сподвижниковъ его: героя Кульнева; начальника корпуснаго штаба, одного изъ образованнѣйшихъ нашихъ генераловъ,

образованіемъ, (что̀ тогда, по скудости средствъ, было гораздо труднѣе, нежели въ наше время), и составлять предположенія обширныхъ весьма трудныхъ государственныхъ реформъ. И когда онъ, благодаря своимъ необыкновеннымъ дарованіямъ, сдѣлался главнымъ сотрудникомъ Государя и уже не имѣлъ нужды въ покровителяхъ, тогда настала для него трудная пора борьбы со всѣми завидовавшими его возвышенію, видѣвшими въ немъ „счастливаго выскочку.“ Напрасно Сперанскій окружалъ себя даровитыми молодыми людьми, ему преданными; ихъ слабый голосъ былъ заглушаемъ воплями недовольныхъ Сперанскимъ: всякая мѣра, затрогивавшая чьилибо интересы, приписывалась ему; всякому его дѣйствію, всякому слову, придавался смыслъ вредный общей пользѣ, спокойствію и выгодамъ государства. Его считали безбожникомъ, человѣкомъ, для котораго не было ничего святаго, врагомъ Россіи, готовымъ измѣнить отечеству и Монарху, своему благодѣтелю.

Самъ онъ, какъ нерѣдко случается съ наиболѣе тонкими людьми, подалъ на себя оружіе своимъ непріятелямъ, хвастливымъ либерализмомъ, нескрытымъ пренебреженіемъ всего русскаго, пристрастіемъ къ Франціи и ея повелителю, развившимся послѣ свиданія Императоровъ въ Эрфуртѣ, гдѣ Наполеонъ обворожилъ Сперанскаго своимъ вниманіемъ. Извѣстна склонность Императора Александра къ представительнымъ формамъ правленія, которыми онъ плѣнялся, какъ бывшій ученикъ республиканца Лагарпа, но увлеченіе его было подобно тому, какое испытываютъ дилетанты искусства, восхищаясь прекрасною картиною. Александръ вскорѣ убѣдился на дѣлѣ, что ни обширность Россіи, ни состояніе нашего гражданскаго общества, не дозволяли осуще-

ствить мечту его. Отлагая день за день исполненіе созданной имъ утопіи, Императоръ Александръ охотно бесѣдовалъ съ своими приближенными о задуманномъ имъ уложеніи, о вредѣ произвола, и проч. Сперанскій, угождая Государю, являлся жаркимъ защитникомъ свободныхъ уставовъ, и тѣмъ возбуждалъ противъ себя упреки въ вольнодумствѣ, въ желаніи низпровергнуть все освященное временемъ и обычаями. Не находя опоры ни въ комъ изъ стоявшихъ у Монаршаго престола, окруженный людьми новыми, неимѣвшими никакого вѣса, (изъ коихъ многіе готовы были оставить его при первой невзгодѣ), Сперанскій, по необходимости, былъ скрытенъ, замкнутъ въ самомъ себѣ. Послѣдствія трудовъ, поручаемыхъ ему Государемъ, являлись внезапно, безъ приготовленія, оскорбляли самолюбіе и выгоды многихъ, колебали существующій порядокъ и грозили еще большими потрясеніями. Во всѣхъ сферахъ общества, самые благонамѣренные люди, любя Монарха, порицали дѣйствія правительства, какъ плоды проектовъ ненавидимаго временщика—Сперанскаго.

А Сперанскій, въ то самое время, находясь въ Коммисіи составленія законовъ—„не давалъ никакой цѣны отечественному законодательству, называлъ его варварскимъ и находилъ совершенно безполезнымъ и лишнимъ обращаться къ его пособію“ ([76]).

Пристрастіе къ Франціи заставило Сперанскаго, при составленіи книги новыхъ русскихъ законовъ, принять за основаніе наполеоновъ кодексъ. Отстранивъ отъ участія въ своемъ трудѣ опытныхъ отечественныхъ законовѣдцевъ, онъ вошелъ въ сношеніе, по рекомендаціи самаго Наполеона, во время его пребыванія въ Эрфуртѣ, съ извѣстными французскими юристами, Локрè (Locré) и Леграà (Legras), и, по указанію Талейрана, съ Дюпономъ (Dupont de Némours).

Эти правовѣды были назначены корреспондентами нашей коммисіи. Но участіе ихъ въ составленіи новаго уложенія ограничилось нѣсколькими письмами. Самъ Сперанскій представилъ проектъ только двухъ главъ его, *права лицъ* и *права вещественнаго*, разсмотрѣнію коихъ, въ 1810 году, были посвящены 43 засѣданія департамента законовъ и общаго собранія государственнаго совѣта. Императоръ Александръ лично предсѣдательствовалъ во всѣхъ совѣщаніяхъ общаго собранія. По многимъ статьямъ происходило разногласіе, которое рѣшалось Государемъ въ самомъ засѣданіи. По окончаніи разсмотрѣнія, 14 декабря 1810 года, обѣихъ частей уложенія, онѣ были напечатаны, для вторичнаго пересмотра въ исправленномъ видѣ, и хотя были назначены собственно для членовъ совѣта, однакоже сдѣлались извѣстны въ публикѣ и подали поводъ къ порицаніямъ и колкимъ насмѣшкамъ (77). Въ статьѣ Карамзина, находимъ отголосокъ тогдашняго общаго мнѣнія. По словамъ его:... „въ Манифестѣ объявлено, что первая часть законовъ готова, что немедленно будутъ готовы и слѣдующія. Въ самомъ дѣлѣ издаются двѣ книги, подъ именемъ проекта уложенія. Чтожъ находимъ? Переводъ наполеонова кодекса.

„Какое изумленіе для Россіянъ! Какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя, у насъ еще не Вестфалія, не Италіянское Королевство, не Варшавское Герцогство, гдѣ кодексъ наполеоновъ, со слезами переведенный, служитъ уставомъ гражданскимъ. Для того-ли существуетъ Россія, какъ сильное государство, около 1000 лѣтъ; для того-ли около 100 лѣтъ трудимся надъ сочиненіемъ своего полнаго уложенія, чтобы торжественно предъ лицомъ

Императоръ Александръ высоко цѣнилъ благородство характера и военныя способности Барклая де-Толли, совершенно былъ увѣренъ въ его преданности и зналъ, что образъ его дѣйствій въ 1812 году былъ внушенъ самою необходимостью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь не могъ сомнѣваться въ томъ, что, при совершенномъ разладѣ главнокомандующаго съ подчиненными ему генералами и при недовѣріи къ нему войскъ, нельзя было надѣяться на успѣхъ войны, и по тому рѣшился назначить, на мѣсто Барклая, другаго военачальника, предоставя выборъ его особому комитету, составленному изъ бывшаго наставника его, предсѣдателя государственнаго совѣта, генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова, главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, генерала Вязмитинова, генераловъ графа Аракчеева и Балашова и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ князя Лопухина и графа Кочубея. Въ засѣданіи комитета, 5-го (17) августа, (во второй день сраженія при Смоленскѣ), графъ Аракчеевъ, по Высочайшему повелѣнію, прочелъ донесенія главнокомандующихъ и письма князя Багратіона, графа Сенъ-Пріеста и другихъ генераловъ. По выслушаніи офиціальныхъ бумагъ и частныхъ писемъ, объяснявшихъ положеніе дѣла, комитетъ единогласно призналъ, „что недѣятельность въ военныхъ операціяхъ происходила отъ того, что не было надъ всѣми дѣйствующими арміями положительной единогласной власти, и сколь въ настоящее время невыгодно такое раздробленіе власти, столь напротивъ того необходимо общее оной соединеніе.“ По мнѣнію комитета „истина сего основывалась, какъ на положеніи обстоятельствъ вообще, такъ и на томъ, что, по дѣйствію разныхъ армій на значительномъ пространствѣ, онѣ обязаны всегда соглашать свои движенія и дѣйствія одна съ

и постановленія, отъ уложенія Царя Алексѣя Михайловича до нашего времени, привести ихъ въ систему, по статьямъ, наконецъ—отмѣнить, прибавить и исправить все то, что̀ окажется нужнымъ по современному гражданскому состоянію Россіи. Въ случаѣ-же, еслибы не нашлось у насъ людей способныхъ составить прагматическій кодексъ, надлежало—по мнѣнію Карамзина — издать полный сводъ русскихъ законовъ, согласивъ противорѣчія, исключивъ лишнее и дополнивъ необходимое, т. е. сдѣлать почти тоже, что̀ въ послѣдствіи дѣйствительно было сдѣлано, при Императорѣ Николаѣ ([78]).

Разбирая труды Коммисіи Составленія Законовъ, или, лучше сказать, ея директора, Карамзинъ, иногда жертвовалъ безпристрастіемъ и истиною для остраго слова. Тѣмъ не менѣе однакоже голосъ его весьма важенъ, потому что онъ выражалъ общественное мнѣніе. Никто болѣе Сперанскаго не былъ способенъ къ приведенію въ стройную систему хаоса русскихъ законовъ, но самые свѣдущіе изъ нашихъ юристовъ приступали къ этому дѣлу съ какою-то робостью, затруднявшею успѣхъ его, и трудъ Сперанскаго считался дерзкимъ посягновеніемъ на отечественные уставы, освященные временемъ и обычаемъ.

По части народнаго просвѣщенія, въ семъ періодѣ, замѣчательны постановленія о производствѣ въ офицеры университетскихъ студентовъ, не только изъ дворянъ, но и прочихъ сословій, по прослуженіи 6-ти мѣсяцевъ во фронтѣ ([79]).

Въ 1810 году, для образованія юношества, особо предназначеннаго для занятій по важнѣйшимъ частямъ государственной службы, учрежденъ Царско-Сельскій (Императорскій Александровскій) Лицей.

митета, призвалъ къ себѣ Кутузова, 8 (20) августа, и объявилъ ему назначеніе въ главнокомандующіе всѣми русскими арміями и ополченіями. Въ тотъ-же день, Государь удостоилъ Кутузова слѣдующимъ рескриптомъ:

„Князь Михаилъ Иларіоновичъ!

„Настоящее положеніе военныхъ обстоятельствъ Нашихъ дѣйствующихъ армій, хотя и предшествуемо было начальными успѣхами, но послѣдствія оныхъ не открываютъ еще той быстрой дѣятельности, съ каковою надлежало-бы дѣйствовать на пораженіе непріятеля. Соображая сіи послѣдствія и извлекая истинныя къ тому причины, Я нахожу нужнымъ назначеніе надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго, котораго избраніе, сверхъ воинскихъ дарованій, основывалось-бы и на самомъ старшинствѣ. Извѣстныя достоинства ваши, любовь къ Отечеству и неоднократные опыты отличныхъ вашихъ подвиговъ, пріобрѣтаютъ вамъ истинное право на сію Мою довѣренность. Избирая васъ для сего важнаго дѣла, Я прошу Всемогущаго Бога, да благословитъ дѣянія ваши къ славѣ Россійскаго оружія, и да оправдаетъ тѣмъ счастливыя надежды, которыя Отечество на васъ возлагаетъ.“

Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ возбудило восторгъ во всей Россіи. Такое расположеніе цѣлаго народа къ одному лицу служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости выбора Кутузова предводителемъ вооруженныхъ силъ Россіи. Современники нашего полководца, люди 1812 года, несомнѣвались ни въ его способностяхъ, ни въ услугахъ имъ оказанныхъ отечеству, и даже порицатели Кутузова сознавали, что никто не могъ замѣнить его въ тотъ грозный часъ, когда Наполе-

духовному причту. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, при вступленіи въ должность оберъ-прокурора синода, поручилъ префекту Невской академіи и архимандриту Сергіевской пустыни Евгенію составить планъ Положенія по симъ предметамъ, тѣсно связаннымъ между собою. Евгеній, вскорѣ за тѣмъ, рукоположенный въ епископы и отправленный въ Новгородъ, для управленія тамошнею эпархіей, исполнилъ данное ему порученіе и представилъ составленный имъ проектъ князю Голицыну, въ 1805 году. Въ этомъ проектѣ, весьма основательно составленномъ, не было однакоже указано, откуда взять значительныя суммы, необходимыя для предположенныхъ преобразованій. У насъ тогда было 4 духовныя академіи, 36 семинарій и 115 низшихъ духовныхъ училищъ. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, учащихся было до 29-ти тысячъ, а на содержаніе всей духовной учебной части отпускалось всего 185 тысячъ рублей*). На преобразованіе однихъ училищъ требовалось, кромѣ помянутой суммы, ежегодно полтора милліона рублей.

Князь Голицынъ, по Высочайшему повелѣнію, передалъ проектъ Евгенія, члену синода, могилевскому архіепископу Анастасію, тому самому, котораго Екатерина Великая называла *русскимъ Массильономъ,* и поручилъ ему составить новый планъ преобразованія духовныхъ училищъ. Занимаясь этимъ трудомъ, Анастасій открылъ источникъ для покрытія расходовъ по задуманному преобразованію.

Еще въ 1721 году Императоръ Петръ I-й повелѣлъ, чтобы право исключительной продажи восковыхъ свѣчъ принадлежало церквамъ, и чтобы никто

---

*) Съ 1807 года, отпускалось на содержаніе духовныхъ училищъ ежегодно 338,863 рубля.

изъ купеческаго сословія не занимался такимъ торгомъ 39). Но въ послѣдствіи сила этого указа ослабѣла, а съ 1755 года, на основаніи Таможеннаго Устава, разрѣшено крестьянамъ торговать, въ числѣ мелочныхъ товаровъ, и восковыми свѣчами. Архіепископъ Анастасій подалъ простую, но въ теченіи полувѣка никому не приходившую въ голову, мысль— возстановить исключительное право продажи церковныхъ свѣчъ въ пользу духовнаго вѣдомства, и приведеніе въ исполненіе этой мысли доставило милліоны безъ отягощенія казны и безъ новыхъ налоговъ.

Представленные княземъ Голицынымъ проекты Евгенія и Анастасія были переданы Государемъ Сперанскому. Сперанскій, нелюбившій безусловно соглашаться съ тѣмъ, что̀ было сдѣлано безъ его вѣдома, предложилъ Государю учредить особый комитетъ для обсужденія этого важнаго дѣла. Докладъ о комитетѣ былъ Высочайше утвержденъ 29-го ноября 1807 года, и тогда-же назначены членами комитета: митрополитъ с.-петербургскій Амвросій, епископъ калужскій Θеофилактъ товарищъ и другъ Сперанскаго, оберъ-священникъ Державинъ, оберъ-прокуроръ князь Голицынъ и статсъ-секретарь Сперанскій. Планъ Евгенія былъ устраненъ, и уставъ написанъ новый, Сперанскимъ и Θеофилактомъ. Положено, оставя по прежнему 4 академіи, въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани, и 36 семинарій, имѣть въ каждой епархіи до десяти уѣздныхъ и 30-ти приходскихъ училищъ. Но хотя на содержаніе учебныхъ заведеній деньги были готовы, однакоже число какъ уѣздныхъ, такъ и приходскихъ училищъ, рѣдко простиралось болѣе трехъ, или пяти, въ епархіи; да и вообще вниманіе синода и епархіальныхъ архіереевъ было обращено преимущественно на семинаріи.

На содержаніе духовныхъ училищъ назначалось:

Четырехъ Академій, на каждую по 55,800 рубл.
36 семинарій, на каждую отъ 12,850 до 17,000 рубл.
На уѣздное училище отъ 950 до 1,500 рубл.
На приходское училище отъ 400 до 550 рубл.
Всего-же полагалось ежегодно 1,669,450 рубл.

Относительно-же содержанія 31,070 церковныхъ причтовъ, положено раздѣлить ихъ на семь разрядовъ, и 16,452-мъ причтамъ первыхъ четырехъ разрядовъ, вмѣстѣ съ отмѣною платы за мірскія требы, назначить отъ 300 до 1,000 рублей въ годъ, что̀ составило-бы около 7-ми милліоновъ рублей. Относительно-же 14,618-ти причтовъ, послѣднихъ трехъ разрядовъ, комитетъ полагалъ: приписывать приходы ихъ къ церквамъ первыхъ четырехъ разрядовъ, либо предоставить на волю прихожанъ ихъ содержаніе, коего крайнею мѣрою назначено 300 рублей.

Для составленія капитала, необходимаго на содержаніе духовныхъ училищъ и церковныхъ причтовъ, по заключенію комитета, опредѣлены:

Во 1-хъ, пятая часть экономическихъ церковныхъ суммъ, всего	1,120,000 руб.
Во 2-хъ, церковный доходъ отъ продажи свѣчъ, полагаемый ежегодно . . . . до	3,000,000 „
Въ 3-хъ, часть суммы, потребной на устройство училищъ, отпускаемая изъ казны, ежегодно до	1,000,800 „

Всѣ эти суммы, обращаясь въ Банкѣ, должны были, въ теченіи шести лѣтъ, составить, вмѣстѣ съ процентами, капиталъ около 25-ти милліоновъ рублей.

По истеченіи-же первыхъ шести лѣтъ, ежегодныя средства къ содержанію духовныхъ округовъ должны были заключаться:

ГЛАВА XXVII.

Финансы.

(1806—1811 г.г.)

Передъ началомъ десятилѣтія войнъ, веденныхъ Россіей въ царствованіе Александра I, наши финансы находились въ довольно удовлетворительномъ состояніи. Дефициты были незначительны; внѣшній долгъ простиравшійся до 88.300.000 голл. гульден. (47¼ милл. рубл. сер.) началъ погашаться; количество ассигнацій выпущенныхъ съ 1801 по 1804 годъ не превосходило 40 милліоновъ, а общее ихъ количество всего на все простиралось до 260-ти милліоновъ при годовомъ доходѣ въ 100 милліоновъ рублей (¹). Серебряный рубль, ходившій въ концѣ XVIII столѣтія на ассигнаціи съ лажемъ 47 коп., въ 1805 году, обращался съ лажемъ 25 копѣекъ: слѣдовательно—ассигнаціонный рубль, прежде утратившій около трети своей нарицательной цѣны, значительно возвысился и терялъ только пятую часть.

Въ 1804 и 1805 годахъ, разрывъ съ Франціей увеличилъ ежегодные расходы на военную часть девятью милліонами рублей (съ 34 на 43 милл. рубл.) ассигнаціями; въ послѣдующее время войны, веденныя нами одновременно съ Французами и Турками,

потребовали огромныхъ издержекъ и повели къ значительнымъ выпускамъ ассигнацій.

Въ 1806 году, подобно тому какъ и въ предыдущемъ, государственные доходы простирались около 100 милліоновъ, а вмѣстѣ съ остатками, недоимками, взысканіями, и проч. поступило въ казну до 126-ти милліоновъ рублей. Присоединивъ къ тому суммы, заимствованныя изъ разныхъ источниковъ для увеличенія средствъ государственнаго казначейства, какъ съ возвратомъ, такъ и безвозвратно, получимъ общій итогъ денежныхъ средствъ, состоявшихъ въ распоряженіи правительства на 1806 годъ, около 143 милліоновъ рублей. Изъ нихъ израсходовано въ томъ году до 122½ милліоновъ. Прочія-же суммы: 20,353,000 рублей принадлежали частью къ долгамъ за прежнее время, частью къ капиталу, поступившему изъ Ассигнаціоннаго Банка, для удовлетворенія требованій по военному и морскому министерствамъ.

Въ 1806 году, на военно-сухопутную и морскую части вмѣстѣ издержано около 60-ти милліоновъ рублей (48 милл. рубл. серебр.), слѣдовательно почти половина государственныхъ расходовъ. На содержаніе гражданскихъ присутственныхъ мѣстъ около 4,400,000; на постройку общественныхъ зданій болѣе милліона; на водвореніе иностранныхъ колонистовъ до 600,000 рублей. Содержаніе университетовъ, гимназій и училищъ потребовало около 2,700,000; министерство юстиціи почти столько-же. На содержаніе лѣснаго управленія 440,000; на расходы по горной части болѣе 1,340,000; виннымъ поставщикамъ около 5,000,000 рублей; пенсія князю Понятовскому, съ 15-го мая 1802 по 1807 годъ 92,000 рублей; выдано князю Багратіону, подъ залогъ имѣнія жены его, 250,000. На производство работъ по водянымъ сообщеніямъ отпущено 625,000 рублей, и проч. (2).

Въ 1807 году, государственный доходъ возвысился до 121,600,000 рублей, а вмѣстѣ съ недоимками, остатками, и проч. простирался около полутораста милліоновъ (по курсу сто милліоновъ рублей серебромъ) (3). Какъ веденныя нами войны съ Франціей и Оттоманскою Портою потребовали чрезвычайныхъ издержекъ, то средства, состоявшія въ распоряженіи государственнаго казначейства, были усилены изъ разныхъ источниковъ до 192-хъ милліоновъ (128 милл. рублей серебромъ) и сдѣланы значительные выпуски бумажныхъ денегъ (4).

Расходы въ этомъ году были около 160-ти милліоновъ рублей (по курсу на серебро до 107-ми милл. рубл.). Оставалось къ 1-му генваря 1808 года до 32 милліоновъ рублей ассигнаціями, изъ коихъ болѣе трети назначены на уплату прежде ассигнованныхъ расходовъ. На военно-сухопутную и морскую части издержано $80^1/_2$ милліоновъ, слѣдовательно болѣе половины всѣхъ израсходованныхъ суммъ. На министерство народнаго просвѣщенія около 3-хъ милліоновъ. За купленныя въ казну населенныя имѣнія заплачено 340 тысячъ рублей. На постройку разныхъ казенныхъ зданій отпущено $1^1/_4$ милліонъ; на сооруженіе Казанскаго Собора 670 тысячъ; на различныя постройки, водяныя сообщенія, сооруженіе новой биржи, исправленіе государственныхъ дорогъ, израсходовано 3,200,000 рублей (5).

Въ 1808 году доходы простирались до $111^1/_3$ милліоновъ, а вмѣстѣ съ остававшимися отъ предшествовавшаго года суммами и съ присоединеніемъ недоимокъ, взысканій и разныхъ остатковъ, до $156^1/_4$ милліоновъ ассигнаціями (78—88 милл. рубл. серебромъ) (6). Всего-же съ суммами заимствованными изъ другихъ источниковъ и съ выпущенными въ этомъ году ассигнаціями было въ распоряженіи государ-

ственнаго казначейства 300 милліоновъ рублей ассигнаціями (150—170 милліоновъ рублей серебромъ).

Расходы на военную и морскую части, въ этомъ году, простиравшіеся до 140 милліоновъ рублей, потребовали почти половину всей помянутой суммы. Изъ 28-ми милліоновъ, отпущенныхъ на министерство внутреннихъ дѣлъ, поступило: на присутственныя мѣста около 5-ти милліоновъ; на водвореніе Евреевъ, чиншевой шляхты и иностранцевъ болѣе 800,000; на построеніе Казанскаго Собора 400,000 рублей. Изъ 54,349,000, выданныхъ министерству финансовъ, отпущено: придворнымъ банкирамъ около 9½ милліоновъ, въ Заемный банкъ и въ Воспитательный домъ 4,600,000; въ Удѣльный департаментъ 800,000; въ Ассигнаціонный банкъ около 4½ милліоновъ; лифляндскому вице-губернатору, статскому совѣтнику Дюгамелю, на секретные расходы въ Ригѣ, выдано 5,720,000; прусскому посланнику барону Шладену, на извѣстное Его Величеству употребленіе, около 2-хъ милліоновъ, и проч. Вообще-же всѣ расходы въ 1808 году простирались до 248,200,000 рублей ассигнаціями. Оставалось къ 1-му генваря 1809 года до 52-хъ милліоновъ, въ числѣ коихъ: на удовлетвореніе расходовъ за прежнее время около 19-ти милліоновъ, на безостановочный отпускъ суммъ ассигнованныхъ по военной части болѣе 20-ти милліоновъ, запасная сумма 800,000 и чистый остатокъ до 12-ти милліоновъ рублей (7).

Въ 1809-мъ году, поступило въ казну доходовъ около 127½ милліоновъ, а вмѣстѣ съ остававшимися суммами, (изъ коихъ часть въ серебрѣ увеличилась на ассигнаціи отъ значительнаго упадка ихъ курса), до 195-ти милліоновъ рублей ассигнаціями (до 80-ти милліоновъ рубл. сер.) (8). Съ присоединеніемъ-же суммъ заимствованныхъ изъ различныхъ источниковъ,

въ распоряженіи государственнаго казначейства состояло около 357-ми милліоновъ рублей ассигнаціями (116½ милл. рубл. серебр.). Расходы вообще простиралися до 278½ милліоновъ (114¼ милл. рубл. серебр.). Оставалось къ 1-му генваря 1810 года 78½ милліоновъ ассигнаціями, въ числѣ коихъ: на удовлетвореніе неуплаченныхъ расходовъ за прежнее время около 30-ти милліоновъ, на текущіе расходы по военной части 24½ милліона и чистый остатокъ 24½ милліона.

На военную и морскую части въ 1809 году израсходовано 136 милліоновъ. На министерство внутреннихъ дѣлъ около 32½ милліоновъ, и въ томъ числѣ: на содержаніе министерства и губернскихъ присутственныхъ мѣстъ 20¾ милліоновъ и на построеніе Казанскаго Собора 477,000 рублей. На министерство финансовъ отпущено до 82,780,000 рублей, и въ томъ числѣ: временныя пенсіи 2½ милліона; арендные доходы съ пожалованныхъ имѣній [illegible] 1¾ милліона; лифляндскому и эстляндскому дворянскимъ банкамъ заимообразно 1,150,000; крестьянамъ пермской и вятской губерній, причисленнымъ къ казеннымъ горнымъ заводамъ, заимообразно [illegible],000; банкирамъ Штиглицу, Берингу и Беттлингу, на извѣстное Его Величеству употребленіе, [illegible],200,000; придворнымъ банкирамъ на разные заграничные расходы около 4,700,000; прусскому посланнику барону Шладену 2,570,000; негоціанту Миллеру 1,130,000 рублей (9).

Въ началѣ 1810 года, наши финансы были весьма разстроены. Безпрестанныя войны, въ теченіи пяти лѣтъ, требовали чрезвычайныхъ расходовъ, а стѣсненіе внѣшней торговли, на основаніи условій Тильзитскаго трактата, повело къ упадку народнаго богатства, уменьшенію косвенныхъ налоговъ и недо-

бору прямыхъ податей. Слѣдствіемъ того были постоянные дефициты, пополняемые огромными выпусками бумажныхъ денегъ, упадавшихъ въ цѣнѣ съ ужасающею быстротою. Въ 1802 году, при 220 милліонахъ ассигнацій пущенныхъ въ обращеніе, онѣ теряли отъ 20 до 27%, а въ 1810 году, при выпускѣ 577 милліоновъ ассигнацій, промѣнъ ихъ дошелъ въ началѣ года до 150-ти, а въ концѣ до 300%, или, говоря другими словами, серебряный рубль, въ продолженіи года, возвысился въ цѣнѣ отъ 2 р. 50 к. до 4-хъ рублей ассигнаціями. По смѣтѣ министерства финансовъ на 1810 годъ, годовой дефицитъ былъ исчисленъ въ 80 милліоновъ, а безпрестанно возраставшая дороговизна всѣхъ товаровъ заставляла предвидѣть значительные сверхштатные расходы.

Государственный совѣтъ, коему было поручено сообразить средства для пополненія дефицита, разсматривалъ вопросы: во 1-хъ, слѣдовать-ли прежней финансовой системѣ, или прибѣгнуть къ возвышенію налоговъ; во 2-хъ, какіе изъ этихъ налоговъ наименѣе обременительны, и въ 3-хъ, какіе принять способы для поддержанія государственнаго кредита? Разсматривая различныя средства для возстановленія равновѣсія между доходами и расходами, именно: 1) займы внѣшніе и внутренніе, 2) новые выпуски ассигнацій, 3) сокращеніе издержекъ и 4) возвышеніе налоговъ, совѣтъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Займы внѣшніе, еслибы даже и были возможны, должны служить къ уплатѣ чрезвычайныхъ расходовъ, а не къ пополненію обыкновенныхъ ежегодныхъ недостатковъ. *Займы внутренніе* могутъ быть сдѣланы изъ банковъ, либо у частныхъ лицъ. Государственное казначейство, временно пользуясь капи-

талами банковъ, занимаетъ ихъ, такъ сказать, у самаго себя; займы-же у частныхъ людей, кромѣ маловажнаго негласнаго займа, по семи %, никогда у насъ не существовали.

Ассигнаціи представляютъ временное пособіе, но какъ, при чрезмѣрномъ ихъ количествѣ, за каждымъ новымъ выпускомъ ихъ слѣдуетъ возвышеніе цѣнъ на всѣ продукты, то государственное казначейство, платя за все дороже прежняго, входитъ въ новые долги. Налогъ, въ видѣ ассигнацій, приводитъ въ неизвѣстность цѣну казенныхъ и частныхъ имуществъ до такой степени, что никто не можетъ навѣрно знать, чтò имѣетъ сегодня и чтò будетъ имѣть завтра, а, между тѣмъ, безпрестанное пониженіе ассигнаціоннаго рубля можетъ наконецъ лишить его всякой цѣны. По заключенію совѣта — „изъ всѣхъ извѣстныхъ податей, налогъ ассигнаціями есть и для частныхъ людей, и для Государства, самый тягостный и разорительный“.

Государственный совѣтъ полагалъ, что *сокращеніе издержекъ* есть самое дѣйствительное средство къ достиженію предположенной цѣли. Въ смѣтахъ министерствъ уже было сдѣлано сокращеніе расходовъ на сумму болѣе 20-ти милліоновъ. Департаментъ государственной экономіи счелъ нужнымъ продолжать пересмотръ и сокращеніе смѣтъ, невводя сдѣланныхъ предположеній въ дѣйствительные разсчеты казначейства, но отлагая все то, чтò можетъ быть сбережено, на уплату государственныхъ долговъ, на пополненіе недостающихъ суммъ и на непредвидимыя издержки.

На счетъ *возвышенія налоговъ*, Совѣтъ изъявилъ мнѣніе, что многіе изъ доходовъ могли быть усилены, но что необходимыя для того соображенія требовали много времени и неудовлетворили-бы настоя-

тельнымъ требованіямъ наступившаго (1810) года. Новые источники неокладныхъ сборовъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, не могутъ быть исчислены съ точностью и по непривычкѣ къ нимъ народа былибы весьма для него тягостны, не принеся большой пользы казнѣ. И потому департаментъ предпочелъ прямые налоги, какъ утвердившіеся привычкою и подлежащіе точному исчисленію. Количество новыхъ податей простиралось до 45-ти милліоновъ, но, сравнивая его съ налогомъ минувшаго года, въ видѣ около ста милліоновъ рублей бумажныхъ денегъ *), оказывалось, что новая подать была менѣе обременительна, нежели прежняя. Предлагая эту мѣру, совѣтъ принялъ во вниманіе, что казна получала по курсу менѣе нежели половину своего прежняго дохода, и что вообще прямыя подати у насъ, въ сравненіи съ прочими государствами, весьма умѣренны, а, между тѣмъ, возвышеніе цѣнъ на всѣ сельскія произведенія, коихъ главный потребитель казна, увеличило хозяйственные прибытки народа болѣе нежели вдвое; обыкновенные-же расходы его остались прежніе. Тѣмъ не менѣе однакоже департаментъ государственной экономіи счелъ долгомъ нескрыть, что увеличеніе податей одновременно на 45 милліоновъ было весьма обременительно, при стѣсненномъ положеніи нашей торговли и при закрытіи многихъ путей, служившихъ для движенія нашей промышленности.

За тѣмъ, перейдя къ изысканію способовъ для поддержанія государственнаго кредита, совѣтъ полагалъ вѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ гласность въ финансовыхъ дѣйствіяхъ, потому что скрытность ихъ заставляетъ предполагать болѣе запутанности

*) Въ 1809 году дѣйствительно выпущено до 56-ти милліоновъ рублей ассигнаціями.

и опасностей, нежели сколько ихъ существуетъ на самомъ дѣлѣ (10).

Манифестомъ 2-го февраля 1810 года, вмѣстѣ съ прекращеніемъ впредь новыхъ выпусковъ ассигнацій, было возвѣщено о мѣрахъ принятыхъ къ уменьшенію государственныхъ расходовъ и объ увеличеніи нѣкоторыхъ податей, именно: 1) подушная подать, со всѣхъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, определена по два рубля съ души; 2) сверхъ собираемой съ казенныхъ крестьянъ подати, положено взимать, въ различныхъ губерніяхъ, отъ двухъ до трехъ рублей съ ревизской души; 3) съ мѣщанъ, въ окладѣ состоящихъ, прибавить по пяти рублей съ души; 4) возвысить, соразмѣрно тому, подушную и оброчную подати въ западныхъ губерніяхъ Имперіи; 5) съ крестьянъ, производящихъ торгъ въ обѣихъ столицахъ, кромѣ подати ими платимой въ городскіе доходы, взимать въ казну отъ 25-ти рублей до четверти процента съ капитала соотвѣтствующаго 2-й гильдіи; 6) наложить въ обѣихъ столицахъ на иностранныхъ ремесленниковъ: на мастеровъ по сту, подмастерьевъ по сорока и учениковъ по двадцати рублей въ годъ; 7) въ обѣихъ столицахъ, взимать въ казну съ домовъ полупроцентный сборъ; 8) сверхъ платимой съ купеческихъ капиталовъ подати, наложить на нихъ сборъ по полупроцента съ рубля; 9) возвысить цѣну соли, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ она доселѣ продавалась по сороку копѣекъ за пудъ, до рубля; 10) увеличить на три рубля подать съ каждаго выплавленнаго пуда мѣди; 11) таможенный доходъ взимать, соотвѣтственно существующему курсу, не по 2 р. 50 к какъ было прежде, а по 4 рубля ассигнаціями, за талеръ; 12) увеличить пошлину съ гербовой бумаги и съ бумаги для внутреннихъ паспортовъ (11).

По смѣтѣ, составленной министромъ финансовъ на 1811 годъ, оказалось количество предполагаемыхъ

доходовъ . . . . 166,843,000 руб.
а расходовъ . . . . 243,757,000 „
слѣдовательно дефицитъ . . . 76,914,000 „

Для пополненія такого недостатка, имѣлось новыхъ, не вошедшихъ въ смѣту статей дохода на 24 милліона, да изъ числа статей расхода можно было отсрочить 4,400,000, и затѣмъ все еще недоставало 48½ милліоновъ, а вмѣстѣ съ долгами военныхъ департаментовъ 65 милліоновъ рублей. Государственный Совѣтъ, при обсужденіи средствъ къ пополненію этого дефицита, принялъ во вниманіе слѣдующія обстоятельства: разстройство государственнаго кредита отъ чрезмѣрнаго множества выпущенныхъ ассигнацій; недостатокъ въ метталлической монетѣ; постоянное возвышеніе цѣнъ на всѣ предметы; упадокъ нашего курса, при огромномъ перевѣсѣ внѣшней торговли въ пользу иностранцевъ, угрожающій дальнѣйшимъ пониженіемъ; наконецъ — войны съ Турціей и Персіей, увлекающія за границу послѣдніе остатки нашего серебра. Россія почти исключительно ограничивается земледѣльческою промышленностью, которой произведенія по тяжеловѣсности своей, могутъ быть вывозимы только моремъ; напротивъ того, мануфактурные продукты, въ коихъ мы имѣемъ надобность, большею частью, легкаго вѣса и могутъ быть ввозимы сухимъ путемъ на всемъ пространствѣ нашихъ границъ. Стѣсненіе нашей морской торговли вело къ тому, что Россія, пріобрѣтая отъ иностранцевъ ихъ товары, не могла дать имъ въ обмѣнъ почти ничего, кромѣ звонкой монеты. Въ эту эпоху, мы были принуждены давать имъ за прежнюю цѣну тройное количество своихъ произведеній: вмѣсто 9-ти пудовъ желѣза — 28; вмѣсто трехъ пу-

Милорадовича, считала въ рядахъ 111,000 человѣкъ. Какъ у Наполеона, по имѣвшимся тогда у насъ свѣдѣніямъ, все еще оставалось до полутораста тысячъ человѣкъ, то Кутузовъ, хотя и одобрилъ позицію выбранную Барклаемъ, изъявилъ рѣшимость принять на ней сраженіе и продолжалъ укрѣплять ее. однакоже, 19 (31), далъ приказаніе — отступать. Въ донесеніи о томъ Государю, главнокомандующій писалъ, что найдя позицію у Гжатска весьма невыгодною и желая усилиться нѣсколькими полками, сформированными княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и частью московскаго ополченія, рѣшился отойти еще на одинъ, или на два перехода ([19]). Кутузовъ тогда-же доносилъ о значительномъ числѣ солдатъ самовольно отлучившихся изъ арміи, но это показаніе было преувеличено ([20]), и хотя мародёрство встрѣчалось въ русскихъ войскахъ, однакоже несравненно въ меньшей степени, нежели у Французовъ. Причиною такого зла въ нашей арміи былъ недостатокъ въ продовольствіи. Какъ всѣ наши большіе склады находились въ западныхъ областяхъ Имперіи, то при отступленіи отъ Смоленска, за неимѣніемъ магазиновъ, необходимо было прибѣгнуть ко всевозможнымъ случайнымъ средствамъ: войска наши фуражировали, собирали запасы подъ квитанціи, косили овесъ, тогда еще стоявшій на корню, но всего этого было недостаточно для удовлетворенія потребностямъ арміи. Положеніе непріятеля, въ военно-хозяйственномъ отношеніи, было еще хуже. Войска наши, уходя вмѣстѣ съ жителями поджигавшими свои жилища, оставляли за собою пустыню, безъ всякихъ средствъ. Французскіе обозы постоянно отставали отъ войскъ, которыя, будучи принуждены сходить далеко съ дороги въ стороны, для отыскиванія запасовъ, утомлялись и изнуряли лошадей про-

той умѣренности, каковую Самъ Монархъ въ Особѣ Своей являетъ, до тѣхъ поръ нельзя достигнуть сокращенія государственныхъ расходовъ".

Въ случаѣ прекращенія въ семъ году (1810) войны съ Турціей и Персіей, департаментъ считалъ возможнымъ сберечь до 20 милліоновъ. Уплату-же состоявшихъ по военной части долговъ предполагалось отсрочить, платя, между тѣмъ, кредиторамъ по 6% въ годъ, до окончательнаго ихъ удовлетворенія (12).

Въ іюлѣ 1810 года, министрѣ финансовъ внесъ въ государственный совѣтъ записку о возстановленіи равновѣсія между доходами и расходами, продажею части государственныхъ имуществъ, именно:

1) *Оброчныхъ статей.* Изъ числа около 4,700,000 десятинъ, приносившихъ дохода 332,000 рублей, продать до 3-хъ милліоновъ десятинъ, цѣною примѣрно по 10 рублей за десятину, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, на 30 милліоновъ рублей. Кромѣ того, за рыбныя ловли и проч. приносившія до 280,000 рублей, можно было выручить до 5-ти милліоновъ рублей.

2) *Казенныхъ лѣсовъ.* Въ Великороссійскихъ губерніяхъ, изъ 700,000 десятинъ въѣзжихъ лѣсовъ, поступившихъ въ собственность казны, продать 366,000 десятинъ, примѣрно по 20-ти рублей, на 7 милліоновъ рублей. Да изъ лѣсовъ въ западныхъ губерніяхъ, $1^1/_2$ милліона десятинъ, на 30 милліоновъ.

3) *Арендныхъ имѣній*, находящихся въ эстляндской, лифляндской и 8-ми западныхъ губерніяхъ. Заключая въ себѣ до 350,000 душъ мужеска пола, они приносили дохода до 130,000 талеровъ и 300,000 рублей серебромъ. Министръ надѣялся продажею ихъ выручить до 100 милліоновъ рублей ассигнаціями. Для удовлетворенія-же лицъ, получающихъ

аренды и вообще имѣющихъ права на эти имѣнія, можно было уплачивать должныя имъ суммы изъ капиталовъ, вырученныхъ за проданныя имѣнія ([13]).

Всѣ эти мѣры съ нѣкоторыми измѣненіями удостоились Высочайшаго утвержденія ([14]).

Для прекращенія непомѣрной роскоши и возстановленія по возможности равновѣсія между привозомъ иностранныхъ товаровъ и выпускомъ русскихъ произведеній, было обнародовано, въ концѣ 1810 года, Положеніе о внѣшней торговлѣ на 1811 годъ. На основаніи правилъ, заключавшихся въ семъ Положеніи, и новаго тарифа, нѣкоторые изъ предметовъ роскоши были совершенно запрещены, а другіе обложены высокими пошлинами ([15]).

Въ 1810-мъ году, поступило въ казну доходовъ около 191½ милліоновъ, а вмѣстѣ съ оставшимися отъ прошлаго года суммами, недоимками, и проч. до 278.600.000 рублей ассигнаціями (около 90 милліоновъ рублей серебромъ) ([16]). Присоединивъ къ тому суммы поступившія изъ различныхъ источниковъ, оказывается, что на сей годъ, въ распоряженіи государственнаго казначейства было всего 335.200.000 р. (108½ милл. рубл. сер.). Главными статьями дохода были: подушный и оброчный сборъ съ однодворцевъ и крестьянъ 41.709.000 рублей; подушныя съ помѣщичьихъ крестьянъ 17.637,000 р. съ мѣщанъ и цѣховыхъ 2.788.000 р. съ удѣльныхъ крестьянъ 1.804.000 р. подушныхъ въ западныхъ губерніяхъ 1.354.000 р. податей съ Грузіи 248.000 р. Съ капиталовъ, объявленныхъ купцами, по 1¾%, всего 5.410.000 р. Съ казенныхъ лѣсовъ и горныхъ заводовъ 3.725.000 р. оброчныхъ статей около милліона; таможенной пошлины 11.185.000 р. съ питейныхъ откуповъ 29 милліоновъ и пошлина за вино, отпускаемое казною 7,434.000 рублей; отъ продажи

соли 14,560,000; почтовой сборъ 1,000,000; гербовая бумага 4,786,000; паспорты 2,445,000; вмѣсто поставки рекрутъ натурою, 4,075,000 рублей, и проч.

Расходы вообще простирались до 279-ти милліоновъ (около 90 милл. рубл. серебр.). Оставалось къ 1-му генваря 1811 года до 56 милліоновъ (18 милл. рубл. серебр.), въ числѣ коихъ 35¾ милліоновъ на уплату расходовъ за прежнее время.

Израсходовано: на военное министерство около 128-ми милліоновъ и на морское 19,600,000 рублей; на министерство иностранныхъ дѣлъ около 2,600,000; на министерство внутреннихъ дѣлъ 28 милліоновъ, и въ томъ числѣ: на построеніе Казанскаго Собора 288,000 и на водвореніе колонистовъ 2 милліона; на министерство народнаго просвѣщенія 2½ милліона; на министерство юстиціи 3 милліона; на министерство финансовъ 73,700,000 рублей и въ томъ числѣ: на пенсіи 4,650,000; арендные доходы съ пожалованныхъ имѣній около 2½ милліоновъ; виннымъ поставщикамъ около 4-хъ милліоновъ; прусскому двору 3½ милліона рублей (1½ милл. талеровъ) и проч. На министерство коммерціи 1,230,000; на управленіе путей сообщенія 3,685,000, и въ томъ числѣ: на разныя сооруженія 1,368,000; на улучшеніе трехъ водныхъ системъ ведущихъ къ Петербургу 370,000; на окончаніе Свирскаго канала 200,000; на проведеніе канала изъ Мсты въ Волховъ 250,000 рублей, и проч. (17).

По окончательномъ разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ смѣтъ министерства финансовъ на 1811 годъ, совѣтъ полагалъ, что для покрытія недостающихъ суммъ могли послужить, кромѣ дохода съ тарнопольской области, удержанія въ казначействѣ суммъ изъ Банка, капитала духовныхъ училищъ, и возвышенія цѣны Илецкой соли, слѣ-

казалъ офицерамъ полиціи рубить его. Несчастный упалъ, обагренный кровью, и между тѣмъ, какъ Растопчинъ, чрезъ заднія ворота, ускакалъ на дрожкахъ, неистовая чернь добила страдальца и, привязавъ его за ноги къ хвосту лошади, потащила со двора на улицу. Говорятъ, будтобы Растопчинъ, совершивъ этотъ недостойный поступокъ, приказалъ подвесть къ себѣ какого-то Француза, поносившаго Россію. „Что касается до тебя—сказалъ онъ—прошу впередъ относиться осторожнѣе на счетъ націи благосклонно принявшей тебя“. Когда-же Французъ сталъ оправдываться, главнокомандующій, заставя его замолчать, продолжалъ: „ступай, прощаю тебя, и когда придутъ сюда разбойники, твои земляки, разскажи имъ, какъ наказываютъ у насъ измѣнниковъ“ ([14]).

2 (14) сентября, Москва представляла зрѣлище величайшихъ безпорядковъ. Люди дурнаго поведенія, пользуясь выѣздомъ полиціи, разсѣялись по домамъ и въ отсутствіи хозяевъ, брали все, что̀ попадало подъ руку; другіе отправились въ ряды съ такою-же цѣлью. Никто не мѣшалъ имъ; купцы зазывали солдатъ въ свои лавки, предлагая имъ, что̀ приглянется. „Пускай лучше наше добро достанется вамъ, нежели Французамъ“, говорили они служивымъ. Глубокое молчаніе прерывалось только движеніемъ экипажей и повозокъ; отъ времени до времени раздавались неистовые крики въ питейныхъ домахъ и харчевняхъ. Во всемъ городѣ оставалось не болѣе десяти тысячъ жителей ([15]).

Еще въ ночи съ 1-го на 2-е (съ 13-го на 14-е) сентября, двинулись чрезъ Москву обозы арміи; за ними, въ три часа утра, вошли чрезъ Драгомиловскую заставу въ городъ войска; Милорадовичъ съ арріергардомъ остался на позиціи для удержанія

резервъ, изъ 3-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ и двухъ кирасирскихъ дивизій, стоялъ за селеніемъ Князьковымъ; 2-я гренадерская дивизія расположилась за Семеновскимъ, въ резервѣ князя Багратіона; артиллерійскій резервъ сталъ у Псарева. Московское и смоленское ополченія, дурно вооруженныя и неуспѣвшія получить надлежащаго обученія, были назначены для отвода раненыхъ и въ прикрытіе обозовъ. Главная квартира находилась на мызѣ Татариновѣ ([27]).

Войска, расположенныя для обороны передовой позиціи у Шевардина, состояли изъ 27-й дивизіи Невѣровскаго, 5-го егерскаго полка и части кавалеріи, въ составѣ 14-ти баталіоновъ и 38-ми эскадроновъ, подъ общимъ начальствомъ одного изъ сподвижниковъ Суворова, князя Андрея Ивановича Горчакова ([28]).

Какъ только непріятель, 24 августа (5 сентября), преслѣдуя арріергардъ Коновницына, послѣ дѣла при Колоцкомъ монастырѣ, приблизился къ Калочѣ, то Наполеонъ приказалъ кавалерійскимъ корпусамъ Нансути и Монбрюна и tремъ дивизіямъ корпуса Даву перейти черезъ рѣчку и овладѣть редутомъ у Шевардина; корпусъ Понятовскаго, двигавшійся по старой смоленской дорогѣ, долженъ былъ содѣйствовать этому нападенію: такимъ образомъ противъ 11-ти тысячъ Русскихъ было направлено не менѣе 35-ти тысячъ непріятелей. Послѣ кровопролитнаго боя, Компанъ взялъ редутъ, а Моранъ занялъ Шевардино. Въ 8 часовъ вечера, прибыли на смѣну Невѣровскому принцъ Карлъ мекленбургскій со 2-ю гренадерскою дивизіею и графъ Воронцовъ съ Сводною дивизіей. Самъ Багратіонъ повелъ въ дѣло своихъ гренадеръ; непріятель атаковалъ ихъ съ фланговъ, но былъ встрѣченъ и опрокинутъ нашею кавалеріей:

всѣмъ носившимъ иностранное имя, не переставалъ подозрѣвать его въ измѣнѣ.

Положеніе нашего арріергарда, оставленнаго въ виду Французовъ, впереди Москвы, было весьма затруднительно. Непріятель могъ, преслѣдуя его по извилистымъ улицамъ города, не только отрѣзать часть нашей арміи, еще не достигшую Коломенской заставы, но захватить множество обозовъ въ Москвѣ. Чтобы обезпечить отступленіе главныхъ силъ, Милорадовичъ завелъ переговоры съ Мюратомъ, требуя, чтобы нашимъ войскамъ было предоставлено свободное выступленіе изъ Москвы, и угрожая, въ противномъ случаѣ, драться до послѣдняго человѣка и не оставить въ городѣ камня на камнѣ. Военная слава Милорадовича, знакомаго многимъ французскимъ генераламъ, и желаніе непріятеля овладѣть Москвою, гдѣ Французы думали найти груды золота, и успокоиться отъ трудовъ тяжкаго похода, все это расположило Мюрата къ сговорчивости и способствовало нашей арміи отступить въ порядкѣ со множествомъ казенныхъ и частныхъ обозовъ (19). Утвердительно можно сказать, что хотя нѣкоторые изъ нашихъ тогдашнихъ генераловъ превосходили военными способностями Милорадовича, однакоже никто изъ нихъ не могъ исполнить такъ успѣшно, какъ онъ, порученіе Кутузова — обезпечить выступленіе арміи изъ Москвы.

Заключивъ условіе съ Мюратомъ, Милорадовичъ поспѣшилъ съ аванпостовъ къ своей пѣхотѣ уже вошедшей въ городъ. Подъѣзжая къ Кремлю, онъ встрѣтилъ командира московскаго гарнизоннаго полка генералъ-лейтенанта Бровина, съ двумя баталіонами, шедшими съ музыкою. Со всѣхъ сторонъ раздавались упреки: „Какой это измѣнникъ радуется нашему несчастію?“ — говорили и солдаты, и жители.

Милорадовичъ, подъѣхавъ къ Брозину, непостигавшему сдѣланнаго имъ промаха, закричалъ во весь голосъ: „какой к...... приказалъ вамъ идти съ музыкою?“ Брозинъ простодушно отвѣчалъ: „Если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно, то выходитъ съ музыкою: такъ сказано въ регламентѣ Петра Великаго“.—„Да развѣ есть въ рагламентѣ что-либо о сдачѣ Москвы? — вскричалъ Милорадовичъ.—Прикажите замолчать вашей музыкѣ“ (20). Получивъ, вслѣдъ за тѣмъ, отъ парламентера, посланнаго въ непріятельскій авангардъ, донесеніе о согласіи Мюрата на свободное выступленіе нашихъ войскъ, Милорадовичъ сказалъ: „Видно Французы очень желаютъ занять Москву“.

Самъ Наполеонъ, въ два часа по полудни, взъѣхавъ на Поклонную гору и будучи пораженъ величественнымъ зрѣлищемъ древней столицы русскаго царства, не могъ скрыть своего нетерпѣнія. „La voilà donc enfin cette fameuse ville! il était temps!“ (Такъ вотъ наконецъ этотъ знаменитый городъ! Да и пора уже!). За тѣмъ, соскочивъ съ коня, онъ долго разсматривалъ въ зрительную трубку, какъ самую столицу, такъ и окрестности, распрашивалъ о положеніи важнѣйшихъ пунктовъ хорошо знавшаго Москву Лелорня (Lelorgne) и наконецъ пушечнымъ выстрѣломъ подалъ сигналъ войскамъ двинуться къ городу. Мюратъ устремился къ Драгомиловской заставѣ, Понятовскій къ Калужской, Вице-король къ Тверской. Какъ бурныя волны, хлынули, впередъ тысячи воиновъ съ восклицаніями: Vive l'Empereur! Кавалерія скакала во весь опоръ; пѣхота пустилась бѣгомъ. Топотъ лошадей, звукъ оружія, говоръ солдатъ, смѣшались въ ужасный гулъ. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся столбомъ пыли, и въ нѣсколько минутъ Наполеонъ съ головными колоннами своей арміи уже

зіями Компана, Дессѐ и Фріана, Ней и Жюнô, съ своими корпусами, по объ стороны и позади Шевардина; дивизія Морана (корпуса Даву), перейдя на правую сторону Калочи, впереди селенія Алексинки; кавалерія Нансути, Монбрюна и Латуръ-Мобура — впереди Доронина; *на лѣвомъ крылѣ*, за Калочею, остались: дивизія Жерара (корпуса Даву), корпусъ вице-короля и кавалерія Груши. Французская гвардія, перейдя на правую сторону Калочи, расположилась влѣво отъ Доронина; ставка Наполеона передъ разсвѣтомъ перенесена къ Шевардинскому редуту ([32]).

Съ нашей стороны, весь день 25 августа прошелъ въ приготовленіяхъ къ битвѣ. Князь Кутузовъ велѣлъ пронести вдоль линій войска Чудотворную икону Божіей Матери, сопровождавшую наши войска со времени выступленія ихъ изъ Смоленска. Такъ готовились и наши предки къ Куликовскому побоищу. Духовенство, въ богатыхъ ризахъ, по временамъ останавливалось и совершало молебствія; тысячи воиновъ падали на колѣни, творя крестное знаменіе и молясь усердно. Главнокомандующій, со всѣмъ своимъ штабомъ, встрѣтилъ икону и поклонился ей до земли. Въ продолженіи дня, онъ подъѣзжалъ къ полкамъ и говорилъ съ солдатами; слова стараго вождя быстро передавались въ арміи и усиливали готовность всѣхъ — пожертвовать собою въ защиту Москвы и Россіи. Иностранные писатели говорятъ о двойной порціи пищи и вина, розданной будтобы въ сей день русскимъ солдатамъ. Дѣйствительно, благодаря усердію народа и близости Москвы, наши воины уже не терпѣли нужды, но очевидцы увѣряютъ, что на призывъ квартиргеровъ: „водку привезли; ступай къ чаркѣ!“ многіе изъ солдатъ отвѣчали: „не къ тому готовимся; не такой

завтра день". Въ русскомъ лагерѣ не было шумнаго восторга, но и не было унынія. Не смотря на сырую и холодную погоду, наши войска разводили бивачные огни какъ-бы не хотя. Напротивъ того, ярко пылали костры въ непріятельской арміи. Французы, надѣясь на близкое окончаніе своихъ невзгодъ побѣдою, ликовали, хотя и терпѣли нужду въ жизненныхъ припасахъ (33).

Утромъ 26-го августа (7-го сентября), въ три часа, Наполеонъ, прежде всего, спросилъ: „Que font les Russes?" (Что дѣлается у Русскихъ?), и получивъ въ отвѣтъ, что они оставались на мѣстѣ, изъявилъ радость и сказалъ собравшимся въ его палаткѣ офицерамъ: „сегодня немножко холодно, но ясно: это солнце Аустерлица." Въ пять часовъ Наполеонъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ войскамъ Даву, назначеннымъ для главной атаки; во всѣ стороны отъ него помчались ординарцы. Армія построилась къ бою; во всѣхъ ротахъ и эскадронахъ прочли слѣдующій приказъ:

„Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы столько ожидали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ; она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою!"

Въ исходѣ 6-го часа, непріятель открылъ огонь изъ укрѣпленій, построенныхъ противъ флешей Багратіона, и изъ батарей, выдвинутыхъ на одну линію съ этими укрѣпленіями, всего-же изъ ста орудій, но дѣйствіе этой артиллеріи, по значительному раз-

нить остававшіеся въ городѣ запасы, запретилъ отпускать въ Москву солдатъ, кромѣ командъ наряжаемыхъ за добычею (à la maraude), снабженныхъ свидѣтельствами отъ своихъ начальниковъ. Эта мѣра нѣсколько уменьшила бродяжничество и насилія, но не принесла большой пользы войскамъ, потому что высылаемыя отъ нихъ команды, не имѣя опредѣленныхъ раіоновъ для фуражировокъ каждой части, шатались по всему городу и истребляли запасы, которые моглибы въ послѣдствіи послужить въ пользу арміи; по прежнему, на бивакахъ встрѣчались бокъ-о-бокъ изобиліе съ голодомъ, и весьма часто фуражиры, возвращаясь изъ Москвы съ тяжелою ношею дорогихъ винъ, не привозили ни мяса, ни хлѣба. Въ особенности-же былъ чувствителенъ недостатокъ въ фуражѣ, отъ котораго, въ продолженіи пяти-недѣльной стоянки, кавалерія и артиллерія пришли въ крайнее изнуреніе ([25]).

Сожженіе Москвы было нами приписано въ 1812 году Французамъ, которые, съ своей стороны, увѣряли, будтобы графъ Растопчинъ сжегъ Москву по приказанію русскаго правительства. Въ настоящее время, не подлежитъ сомнѣнію, что московскій пожаръ не былъ исключительно дѣломъ Растопчина, хотя онъ не одинъ разъ говорилъ и писалъ, что если нельзя отстоять столицу, то надлежало, слѣдуя русскому правилу — *не доставайся злодѣю,* обратить ее въ пепелъ ([26]). И если Растопчинъ не исполнилъ своего намѣренія, или исполнилъ его только отчасти, то единственно по недостатку времени. По крайней мѣрѣ, онъ сдѣлалъ все, что̀ только зависѣло отъ него для достиженія своей цѣли: приказалъ увезти пожарные инструменты; поручилъ полицейскимъ служителямъ, оставленнымъ въ городѣ, зажечь его; послалъ одного изъ слѣдственныхъ приставовъ съ

а поборники Карамзина честили своихъ противниковъ названіемъ грубыхъ Вандаловъ.

Самъ Державинъ, соревнуя успѣху „Бесѣды", отдалъ для засѣданій общества большую залу великолѣпнаго дома своего, на Фонтанкѣ, у Измайловскаго моста, гдѣ теперь Римско-Католическая Духовная Коллегія. Въ этой, ярко освѣщенной, залѣ происходили вечернія торжественныя собранія „Бесѣды". Члены и почетнѣйшіе гости занимали средину ея, вокругъ столовъ, а для прочихъ посѣтителей устроены были мѣста вдоль стѣнъ, уступами въ три яруса. Чтобы придать собраніямъ болѣе блеска, дамы являлись въ бальныхъ костюмахъ, мужчины въ мундирахъ, государственные сановники и генералы въ лентахъ. Внѣшнимъ убранствомъ завѣдывалъ властелинъ современной русской сцены, князь Шаховской. Находившіеся въ составѣ общества 24 члена, изъ коихъ къ каждому было приписано по нѣскольку сотрудниковъ, раздѣлялись на четыре разряда, чередовавшіеся между собою для чтеній. Попечителями въ разрядахъ были: графъ Завадовскій, Мордвиновъ, министръ просвѣщенія графъ Разумовскій и министръ юстиціи Дмитріевъ; а предсѣдателями: Шишковъ, Державинъ, А. С. Хвостовъ и Захаровъ. Въ почетные члены были избраны многіе вельможи и особы высшаго духовенства; въ числѣ ихъ находились: епископы вологодскій Евгеній и тульскій Амвросій, графъ А. С. Строгановъ, С. К. Вязмитиновъ, графъ Ѳ. В. Растопчинъ, А. Л. Нарышкинъ, В. С. Поповъ, президентъ Академіи Наукъ Нартовъ, князь П. М. Волконскій, А. Д. Балашовъ, О. И. Козодавлевъ, князь А. Н. Голицынъ, М. М. Сперанскій, драматическій писатель Озеровъ, авторъ „Ябеды" Вас. Вас. Капнистъ, Н. М. Карамзинъ (?) и три извѣстныя тогда писательницы: княжна К. С. Урусова,

А. П. Бунина и А. А. Волкова. Такимъ образомъ „Бесѣда“, явно враждебная Карамзину, силою общественнаго мнѣнія, была принуждена избрать его въ свои почетные члены.

Занятія „Бесѣды“ состояли въ еженедѣльныхъ чтеніяхъ, продолжавшихся не менѣе трехъ часовъ и довольно скучныхъ, по содержанію большей части читаемыхъ сочиненій. Тѣмъ не менѣе однакоже дамы и свѣтскіе люди считали обязанностью выказывать свое сочувствіе къ отечественной словесности, участіемъ въ торжествахъ ея, въ такую эпоху, когда ихъ отцы, мужья и братья отстаивали грудью Россію, и по тому собранія „Бесѣды“, посѣщаемыя съ примѣрнымъ самоотверженіемъ, были весьма людны. Изрѣдка Крыловъ оживлялъ засѣданія чтеніемъ своимъ басень. Несмотря на безплодность занятій „Бесѣды“ и на неприличные нападки ея на Карамзина и его послѣдователей, должно сознаться, что покровительство отечественной словесности и уваженіе къ ней высшаго круга столицы оказали благотворное вліяніе на общественное мнѣніе и способствовали единомыслію Русскихъ въ роковую эпоху 1812 года.

Успѣхъ „Бесѣды“ повелъ къ образованію въ Петербургѣ другаго, болѣе скромнаго, общества *любителей наукъ, словесности и художествъ*, изъ литераторовъ и ученыхъ, не вошедшихъ въ составъ перваго. Учредителемъ и президентомъ его былъ Дмитрій Иван. Языковъ, переводчикъ Шлецерова Нестора, *О существѣ законовъ* Монтескьё, и проч. Общество собиралось въ одной изъ залъ Михайловскаго замка. Въ числѣ членовъ его были: извѣстный баснописецъ Измайловъ и славянскій филологъ нѣмецъ Остенекъ, изъ любви къ Россіи принявшій фамилію Востокова и оказавшій важныя услуги русскому языкознанію.

Были въ сѣверной столицѣ еще и другія литературныя общества, или, лучше сказать, частные кружки, собиравшіеся у страстнаго любителя искусствъ и литературы, Алексѣя Никол. Оленина и другихъ. Въ домѣ Оленина, въ его гостиной, оживленной присутствіемъ жены его, Елисаветы Марковны, урожденной Полтарацкой, ежедневно встрѣчалось нѣсколько литераторовъ и художниковъ, Крыловъ, Гнѣдичъ, Кипренскій, братья Брюловы, и проч. Туда стекались всѣ литературныя новости: стихотворенія, извѣстія о театрахъ, о книгахъ, о картинахъ, все, что могло возбудить и питать любопытство людей просвѣщенныхъ. Тамъ, несмотря на военные громы, потрясавшіе Европу и грозившіе нашему отечеству, политика уступала мѣсто литературѣ.

Изъ всѣхъ помянутыхъ обществъ, одна лишь „Бесѣда“ оставила кое-какіе слѣды своего существованія, напечатавъ съ 1811 по 1815 годъ 19 или 20 книжекъ „Чтеній“, отличающихся педантизмомъ и бездарностью (1).

Въ 1811 году, при московскомъ университетѣ, было также основано *Общество любителей россійской словесности*, уставъ котораго удостоился Высочайшаго утвержденія 6-го іюня. Это общество имѣло цѣлью: „распространять свѣдѣнія о правилахъ и образцахъ здравой словесности и доставить публикѣ обработанныя сочиненія, въ стихахъ и прозѣ, на россійскомъ языкѣ, разсмотрѣнныя предварительно и прочтенныя въ собраніи“. Общество состояло: изъ 35-ти дѣйствительныхъ членовъ и изъ сотрудниковъ, молодыхъ начинающихъ литераторовъ. Всѣ дѣйствительные члены и сотрудники обязывались представлять обществу ежегодно, по крайней мѣрѣ, по одному сочиненію. Труды ихъ разсматривались *въ приготовительныхъ* собраніяхъ, состояв-

шихъ изъ предсѣдателя. секретаря и двухъ или трехъ дѣйствительныхъ членовъ. Общія-же собранія общества были: *обыкновенныя*, ежемѣсячно, кромѣ іюня, іюля и августа. и *торжественныя*, однажды въ годъ; кромѣ того. положено было, въ случаѣ надобности, созывать и *чрезвычайныя* собранія. Чтенія производились въ присутствіи публики. и читанныя сочиненія издавались на счетъ общества. которое, сверхъ того, обязывалось печатать свои *лѣтописи* и другія обще-полезныя книги.

Въ первомъ засѣданіи общества, 6-го іюля 1811 года, попечитель московскаго университета Павелъ Иван. Кутузовъ предложилъ членамъ прочесть уставъ и избрать должностныхъ лицъ. Первыми изъ нихъ были: предсѣдатель Прокоповичъ-Антонскій, секретарь Каченовскій и казначей Дружининъ, а въ приготовительномъ собраніи: временной предсѣдатель Мерзляковъ, секретарь Цвѣтаевъ и члены Сандуновъ и Тимковскій.

Въ первый періодъ своего существованія, до нашествія Французовъ, общество успѣло издать четыре тома *Трудовъ* своихъ: въ первыхъ трехъ томахъ, кромѣ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ стихотвореній, были помѣщены, въ числѣ прочихъ, статьи: 1) рѣчь Антонскаго при открытіи общества; 2) разсужденія: Мерзлякова — о россійской словесности, Калайдовича — о синонимахъ и Болдырева — о глаголахъ. Четвертый томъ заключалъ въ себѣ *лѣтописи* общества. Кромѣ того, готовились къ печати: рѣшенія разныхъ научныхъ вопросовъ; разборы замѣчательнѣйшихъ новыхъ книгъ; жизнеописанія университетскихъ профессоровъ, и проч. Всѣхъ засѣданій общества было двѣнадцать. Послѣднее торжественное засѣданіе происходило, при многочисленномъ стеченіи публики, 7-го іюня 1812 года. Обще-

ство, согласно уставу, прекративъ свои занятія на три мѣсяца, предполагало собраться въ началѣ сентября, но въ это самое время Москва была наводнена французскими войсками и въ общемъ пожарѣ ея сгорѣлъ университетъ съ большею частью своихъ сокровищъ науки. Только лишь въ концѣ 1815 года открылась возможность возобновить занятія и собранія „общества любителей россійской словесности" (2).

Подобныя-же литературныя общества образовались и при другихъ университетахъ. Еще въ 1806 году, было основано при казанскомъ университетѣ *Общество любителей отечественной словесности*, состоявшее въ началѣ изъ пяти членовъ; главнымъ дѣятелемъ въ немъ былъ Ибрагимовъ. Къ концу года было 12 членовъ; тогда-же составлено Положеніе о занятіяхъ общества, въ послѣдствіи одобренное министромъ просвѣщенія графомъ Завадовскимъ, и представленъ попечителю казанскаго учебнаго округа Румовскому годовой отчетъ о занятіяхъ общества. Въ 1811 году оно уже состояло изъ 32 членовъ. Предполагалось издавать „Труды" общества, но борьба съ Наполеономъ, заслонившая собою всѣ прочіе интересы народной жизни, смерть Румовскаго и перемѣны въ устройствѣ университета были причиною почти совершеннаго прекращенія занятій общества въ 1812 году.

По утвержденіи устава общества, 8 іюля 1814 года, оно праздновало это событіе, 12 декабря того-же года, въ публичномъ собраніи, на которомъ присутствовало до трехъ сотъ посѣтителей. 8-го іюля 1815 года опять было торжественное засѣданіе общества: въ обоихъ собраніяхъ читаны: оды, похвальныя слова и разсужденія о разныхъ предметахъ изящной словесности. По уставу, общество должно

отъ оврага, и только лишь Измайловскій, Литовскій и Финляндскій полки удержались у опушки лѣса въ вершинѣ рѣчки. Въ продолженіи этого боя былъ тяжело раненъ Фріанъ, а вестфальскій бригадный генералъ Леппель потерялъ руку, оторванную ядромъ. Непріятель, пользуясь одержаннымъ успѣхомъ, выставилъ у Семеновскаго сильныя батареи, которыя открыли огонь противъ нашего лѣваго крыла и во флангъ войскамъ Раевскаго, стоявшимъ въ центрѣ позиціи (45).

Лѣвое крыло нашей арміи было совершенно разстроено (46), но густая пыль, поднявшаяся столбомъ при кавалерійскихъ атакахъ, и дымъ отъ выстрѣловъ артиллеріи, которой большая часть, (какъ увѣряютъ, до семисотъ орудій), была собрана съ обѣихъ сторонъ въ окрестностяхъ Семеновскаго, не позволяли непріятелю видѣть вполнѣ разстройство нашихъ войскъ. Даву, Ней и Мюратъ, коихъ войска понесли огромную потерю, считали себя не въ силахъ довершить одержанные успѣхи, и занявъ Семеновскія высоты, снова просили подкрѣпленія. Наполеонъ, опасаясь истощить свои резервы, медлилъ, и наконецъ, выславъ впередъ дивизію Молодой гвардіи генерала Рогѐ, приказалъ ему остановиться у рѣчки Каменки (47).

Въ продолженіи боя на Семеновскихъ высотахъ, Понятовскій, который долженъ былъ, на основаніи общаго плана дѣйствій, участвовать въ первоначальномъ нападеніи на лѣвое крыло нашей позиціи, выступилъ съ мѣста ночлега въ пять часовъ утра, но двигался по дурнымъ дорогамъ чрезъ лѣсъ такъ медленно, что шедшая въ головѣ польскаго корпуса дивизія Красинскаго вышла на большую дорогу уже въ восемь часовъ. Князь Понятовскій овладѣлъ селеніемъ Утицею, но встрѣтивъ у кургана 1-ю гре-

одобренія, въ апрѣлѣ 1811 года, цѣлью общества, кромѣ безденежнаго чтенія математическихъ курсовъ, было изданіе полезныхъ книгъ по части математики (5). Самъ Н. Н. Муравьевъ намѣревался читать лекціи по военнымъ наукамъ. Въ числѣ молодыхъ ученыхъ, изъявившихъ готовность принять участіе въ этомъ предпріятіи, былъ сынъ его (въ послѣдствіи — графъ) Михаилъ Николаевичъ. Не смотря однакоже на усердное содѣйствіе обществу попечителя университета, дѣло не состоялось, потому что главный двигатель его не принадлежалъ къ университету и обратилъ свою дѣятельность на другіе предметы (6).

Общество испытателей природы, основанное при московскомъ университетѣ еще въ 1804 году, занималось: 1) пополненіемъ свѣдѣній по естественной исторіи различныхъ мѣстностей Россіи; 2) собраніемъ произведеній Россіи, по части: минералогіи, ботаники, зоологіи, земледѣлія и промышленности; 3) открытіемъ такихъ произведеній, кои могутъ составить новую вѣтвь русской торговли. Труды членовъ, на всѣхъ европейскихъ языкахъ, предполагалось издавать въ журналѣ общества. Первымъ предсѣдателемъ общества былъ графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, владѣлецъ знаменитаго Горенскаго сада, близъ Москвы; а первымъ директоромъ профессоръ зоологіи и сравнительной анатоміи Фишеръ (7). Полезные труды общества вскорѣ удостоились Высочайшаго благоволенія. Императоръ Александръ, въ 1807 году, дозволилъ обществу именоваться *Императорскимъ*, а въ слѣдующемъ году пожаловалъ ему, на составленіе систематическаго описанія московской губерніи, въ отношеніи къ топографіи, статистикѣ, естественной исторіи, опредѣленію географической долготы и широты мѣстъ, и

проч. единовременно 5,000 рублей. Въ 1809-мъ году, общество приступило къ занятіямъ по сему предмету (8).

Съ 1805 года, открыло свои дѣйствія, учрежденное также при московскомъ университетѣ, *Общество соревнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ*, имѣющее цѣлью: во 1-хъ, распространять въ Россіи всякаго рода полезныя знанія, касающіяся до физики и врачебной науки; во 2-хъ, возбуждать любовь къ симъ наукамъ, какъ между своими членами, такъ и между прочими любителями учености, и въ 3-хъ, обогащать новыми открытіями, опытами и замѣчаніями физику и врачебную науку (9).

О произведеніяхъ отечественной словесности этого періода буду говорить на столько, на сколько они оказали вліянія на жизнь народа и духъ общества. Въ такомъ смыслѣ, первое мѣсто занимаютъ драматическія творенія, доступныя и читающей, и нечитающей публикѣ, и образованному, и неграмотному люду, хотя и въ различной степени. И тогда, какъ и теперь, мы неимѣли народнаго театра, пробавляясь переводами иностранныхъ піесъ, либо, болѣе или менѣе, удачными переложеніями ихъ на русскіе нравы и обычаи. Но уже и тогда пристрастіе къ иностранному, и особенно къ французскому, возбуждало насмѣшки, воспитаннаго въ школѣ Княжниныхъ и Фонвизиныхъ, Крылова. Его *Урокъ дочкамъ* и *Модная лавка*, игранныя въ 1805 и 1806 годахъ, жестоко осмѣивали галломанію. Зрители, наполнявшіе театръ, смѣялись отъ души, но Крылову неудалось произвести переворотъ въ общественномъ мнѣніи: высшій кругъ, болѣе чѣмъ когда-либо, управляемый [illegible]ими, считалъ французскій языкъ исключи-

тельно способнымъ для выраженія благородныхъ чувствъ и высокихъ мыслей, употребляя могучее русское слово только лишь для домашняго обихода. Но когда Французы, поработивъ большую часть Европы, стали угрожать политической самобытности Россіи, наше общество, какъ-бы отрезвясь, одушевилось жаркимъ патріотизмомъ. Одновременно съ открытіемъ нашей предпослѣдней войны съ Наполеономъ, въ 1807 году, появился на русской сценѣ „Дмитрій Донской" Озерова. Восторгъ зрителей не имѣлъ предѣловъ, и при послѣднихъ словахъ народной драмы: *Великъ россійскій Богъ!* раздались рыданія въ партерѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, имѣла огромный успѣхъ трагедія Крюковскаго: „Пожарскій" (10). Ни миръ въ Тильзитѣ, ни свиданіе Императоровъ въ Эрфуртѣ, не измѣнили общественнаго мнѣнія, враждебнаго французамъ. Крутое измѣненіе политическихъ отношеній Россіи, застой внѣшней торговли, колебаніе курса, дороговизна предметовъ общаго потребленія: все это, отчуждая Русскихъ отъ остальной Европы, заставляло ихъ дружно сомкнуться между собою для отпора предстоявшему нашествію чужеземныхъ полчищъ. Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, наше общество увлекалось не только звучными стихотвореніями Тиртея-Жуковскаго, но и такими произведеніями отечественной словесности, которыхъ достоинство исключительно заключалось въ своевременности ихъ появленія, каковы напр. были: статья графа Растопчина: *Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ* и комедія его-же: *Вѣсти, или убитой живой.*

Совершенно иное значеніе имѣли басни Крылова: доступныя, по содержанію своему, для всякаго грамотнаго Русскаго, онѣ оказали и будутъ оказывать глубокое, постоянное вліяніе на развитіе многихъ поколѣній нашего народа.

эта батарея — Россія; отстоимъ ее грудью богатырскою", и съ этими словами палъ, пораженный въ животъ картечью. Ермоловъ, сдавъ батарею Лихачеву, отправился къ лѣвому флангу позиціи и былъ тяжело раненъ въ шею.

Между тѣмъ, 2-й пѣхотный корпусъ успѣлъ перейти на лѣвое крыло позиціи. Около 11-ти часовъ, миновавъ мызу Князьково, Багговутъ съ 17-ю дивизіей двинулся далѣе къ старой смоленской дорогѣ; а принцъ Евгеній Виртембергскій съ 4-ю дивизіей, по указанію Толя, повернулъ вправо и построилъ свои полки фронтомъ къ батареѣ Раевскаго, въ то время захваченной Французами. Барклай де-Толли послалъ ему приказаніе — отобрать укрѣпленіе: по словамъ принца Евгенія—„это значило идти въ адъ" (ein Schritt in die Hölle). Но оно уже было взято Ермоловымъ, и самъ Барклай, подъѣхавъ къ принцу, приказалъ ему поставить бригаду де-Росси влѣво отъ батареи; а прочіе полки (Кременчугскій и Минскій) послать вправо, въ помощь Милорадовичу. Здѣсь генералъ-маіоръ де-Росси былъ сильно контуженъ въ голову; подъ принцемъ Евгеніемъ, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, убиты три лошади. Тогда-же прискакалъ адъютантъ Милорадовича Бибиковъ, требуя принца къ своему начальнику. На вопросъ принца: „гдѣ онъ?" Бибиковъ указалъ рукою, которую въ тоже мгновеніе оторвало ядромъ; онъ, поднявъ другую, по направленію куда надлежало ѣхать, отвѣчалъ: „сюда! поспѣшите!" Принцъ Евгеній, поручивъ бригаду де-Росси (Тобольскій и Волынскій полки) маіору Вольфу, самъ поѣхалъ къ Милорадовичу, бывшему при другой бригадѣ 4-й дивизіи. Въ ожиданіи атаки непріятельской кавалеріи, Кременчугскій и Минскій полки построились въ баталіонныя каре, въ коихъ находились Барклай, Ми-

дѣйствовали исполненію намѣренія Карамзина, первый, заставя его написать къ Муравьеву о желаніи своемъ — приступить къ сочиненію русской Исторіи, а второй — исходатайствовавъ у Государя назначеніе Карамзина Историографомъ, съ производствомъ ему пенсіи. Великая Княгиня Екатерина Павловна, осыпавъ его ласками, пригласила къ себѣ въ Тверь. Карамзинъ пробылъ тамъ шесть дней, обѣдалъ постоянно во дворцѣ и читалъ по вечерамъ свою Исторію Великой Княгинѣ и Великому Князю Константину Павловичу. Императоръ Александръ, наслышась отъ своей любимой сестры о достоинствахъ Карамзина, имѣлъ мысль, въ началѣ 1810 года, поручить ему министерство народнаго просвѣщенія, съ званіемъ директора, потому что онъ былъ только надворнымъ совѣтникомъ, но Сперанскій отклонилъ это назначеніе, какъ несовмѣстное съ малымъ чиномъ Карамзина. Въ декабрѣ 1810 года, онъ опять ѣздилъ въ Тверь, былъ осыпанъ новыми знаками милости Великой Княгини и бесѣдовалъ съ нею о современномъ состояніи Россіи, о преобразованіяхъ, предпринятыхъ правительствомъ, выражая искренно свое мнѣніе, неблагопріятное многимъ нововведеніямъ. Просвѣщенная, пылкая, очарованная Карамзинымъ, Великая Княгиня просила его изложить свои мысли на бумагу. „Братъ мой — сказала она — достоинъ ихъ слышать“. Исполняя волю ея, Карамзинъ составилъ записку „О древней и новой Россіи“ (11).

Въ этой запискѣ, Карамзинъ является человѣкомъ благороднымъ, отважившимся высказать не всегда пріятныя истины, знающимъ Исторію своего отечества, но чуждымъ знанія современной его администраціи. Желая пламенно блага Россіи, но будучи, по характеру своему, врагомъ всякихъ крутыхъ мѣръ,

онъ полагалъ, что полезнѣе улучшать существующія учрежденія, нежели замѣнять ихъ новыми. Очевидно, что Карамзинъ, крайній консерваторъ, не сочувствовалъ идеямъ реформатора Сперанскаго, и что, осуждая ихъ, онъ не могъ быть безпристрастнымъ. Станемъ-ли удивляться тому, что Императоръ Александръ былъ недоволенъ рѣзкостью тона Записки Карамзина, и что она не оказала ни малѣйшаго вліянія на административныя мѣры, принятыя въ послѣдствіи?

Передъ нашествіемъ Французовъ, Карамзинъ готовился перейти къ XVI вѣку. Но буря, разразившаяся надъ Россіею, заставила его пріостановить трудъ свой, и Карамзинъ, уже на склонѣ жизни, хотѣлъ стать въ ряды защитниковъ отечества ([12]): таково было въ ту эпоху общее настроеніе русскаго общества.

- -

Періодическихъ изданій было немного. Въ Петербургѣ, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ издавалась газета „Сѣверная Почта", называемая политическою, но преимущественно наполненная извѣстіями объ успѣхахъ выдѣлыванія свекловичнаго сахара и кунжутнаго масла, на которое обращалъ большое вниманіе тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ, по причинѣ введенной у насъ, въ угоду Наполеону, континентальной системы. Въ Петербургѣ-же тогда издавались журналы: *С.-Петербургскій Вѣстникъ*, *Сѣверный Вѣстникъ*, *Сѣверный Меркурій*; преисполненный мистицизма, *Сіонскій Вѣстникъ*, издаваемый Александромъ Ѳедор. Лабзинымъ, и *Улей*, безобразный по внѣшнему виду своему и пустой по содержанію: редакторомъ послѣдняго былъ бездарный Анастасевичъ, подъ руководствомъ столько же бездарнаго графа Хвостова. Московская журналистика брала верхъ надъ Петербургскою. Съ 1802 года Ка-

рамзинъ сталъ издавать *Вѣстникъ Европы*, который пользовался заслуженнымъ успѣхомъ; когда-же Карамзинъ обратилъ свою дѣятельность на монументальный трудъ — Исторію Россіи, Вѣстникъ Европы былъ переданъ имъ Каченовскому, (еще тогда не проявившему въ себѣ Зоиловыхъ качествъ), и Жуковскому. Ученый, добросовѣстный Петръ Иван. Макаровъ былъ редакторомъ журнала: *Московскій Меркурій;* Михаилъ Иван. Макаровъ издавалъ: плохой *Журналъ для милыхъ* и такой-же *Московскій Курьеръ.* Съ 1808 по 1825 годъ, Сергѣй Никол. Глинка занимался, въ числѣ многихъ предпринятыхъ имъ трудовъ, изданіемъ Журнала: *Русскій Вѣстникъ*, появившагося весьма кстати въ то время, когда все отечественное сдѣлалось дороже и милѣе для Русскихъ, по мѣрѣ опасности, угрожавшей съ Запада. Какъ истинный патріотъ, Глинка не старался угождать современному духу общества, а выражалъ свои искреннія задушевныя убѣжденія въ превосходствѣ всего отечественнаго надъ иностраннымъ. Въ обычныя безмятежныя эпохи упрекали-бы автора въ „квасномъ“ патріотизмѣ, но когда приходилось намъ отстаивать нашу народную самобытность, не надѣясь ни на кого, кромѣ самихъ себя, тогда журналъ Глинки, при всѣхъ несовершенствахъ своихъ, былъ полезенъ и дорогъ для Русскихъ. Сергѣй Николаевичъ, по вліянію своему на современное общество, заслуживаетъ почетное мѣсто въ нашей исторіи. Человѣкъ, который, получивъ отъ графа Растопчина, въ 1812 году, двѣсти тысячъ рублей „на возбужденіе народа противъ Французовъ“, возвратилъ эту сумму, до послѣдней копѣйки, съ отзывомъ, что: „любовь Русскихъ къ отечеству не имѣетъ надобности въ возбужденіи деньгами“, — такой человѣкъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ дѣятелей ([13]).

Въ 1809 году, на капиталъ пожертвованный княземъ Радзивиломъ, устроена въ Бердичевѣ богадѣльня на 60 человѣкъ (27).

Въ 1810 году, постановлено, чтобы учредители новыхъ благотворительныхъ заведеній обезпечивали ихъ содержаніе на будущее время (28). Согласно съ этимъ положеніемъ, именитымъ гражданиномъ Герценштейномъ, въ мѣстечкѣ Шаргородѣ подольской губерніи, построенъ каменный домъ для богадѣльни на 48 человѣкъ, снабженный всѣмъ нужнымъ, и внесено на содержаніе заведенія 20,000 рублей ассигнаціями и 4,000 злотыхъ (600 рубл. сер.). Генералъ Тутолминъ изъявилъ желаніе построить въ старицкомъ успенскомъ монастырѣ, тверской губерніи, церковь и больницу на 20 человѣкъ, назначивъ на содержаніе ихъ ежегодно 10,000 рублей. Дѣйствительный камергеръ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ, по завѣщанію своего тестя, фельдмаршала князя Прозоровскаго, предложилъ выстроить въ Кіевѣ инвалидный домъ для 6-ти оберъ-офицеровъ и 24-хъ нижнихъ чиновъ; отставной солдатъ Саматовъ изъвилъ желаніе построить на свой счетъ въ городѣ Курганѣ, тобольской губерніи, больницу на 16 человѣкъ, а курганскіе жители обязались содержать ихъ. Устроены богадѣльни купцами: Бородинымъ, въ гор. Глазовѣ, вятской губерніи; Посниковымъ во Псковѣ и Кекинымъ въ Переславлѣ, владимірской губерніи. Пожертвовано въ пользу благотворительныхъ заведеній: дворянами Бородиными 21,480 рублей; архангельскимъ купечествомъ 12,000 рублей; московскимъ купцомъ Москвенковымъ 10,000 рублей, и проч. (29).

Въ 1811 году, пожертвованы для устройства богоугодныхъ заведеній дома: вдовою иркутскаго купца Ситникова, женою якутскаго почтмейстера Климан-

това; купцами: костромскимъ Углечаниновымъ, нерчинскимъ Сухановымъ, сарапульскими Верещагинымъ и Курбатовымъ. Смоленскій помѣщикъ, поручикъ Энгельгардтъ изъявилъ желаніе построить въ городѣ Бѣломъ больницу на 50 человѣкъ; масальскій помѣщикъ Богдановъ пожертвовалъ 5,000 рублей для раненыхъ Молдавской арміи и 1,000 рублей для калужскаго дворянскаго пансіона; поручикъ Пашковъ— домъ, для содержанія изъ доходовъ его 50-ти бѣдныхъ московскихъ мѣщанъ; подпоручикъ Карауловъ обязался снабжать устроенный имъ въ городѣ Городищахъ, пензенской губерніи, госпиталь медикаментами и провизіей, распространивъ это обязательство и на своихъ наслѣдниковъ, если они не внесутъ на сей предметъ 15,000 рублей. Надворный совѣтникъ Варвацій изъявилъ намѣреніе вносить ежегодно по смерть 500 рубл. на содержаніе устроенной имъ въ Астрахани больницы; прапорщикъ Богдановъ внесъ въ калужскій приказъ общественнаго призрѣнія, 5,000 рублей, на содержаніе изъ процентовъ при тамошнемъ училищѣ дѣтей милиціонныхъ офицеровъ; государственный крестьянинъ тобольской губерніи Зольниковъ пожертвовалъ на постройку близъ Тобольска, въ деревнѣ Завальной, больницы 2,000 рубл. и обязался давать ежегодно на содержаніе ея по сту рублей; генералъ-лейтенантъ Лунинъ построилъ въ имѣніи своемъ Желудовѣ, рязанской губерніи, больницу на 70 человѣкъ, какъ для своихъ, такъ и для государственныхъ крестьянъ, аптеку, лабораторію, ботаническій садъ и оспо-прививательное заведеніе; харьковскій помѣщикъ, протоіерей Самборскій устроилъ въ селѣ Стратиловѣ и принялъ на свое содержаніе двѣ больницы, вдовій и сиротскій дома, училище для малолѣтнихъ поселянъ, и проч. (30).

Капиталы приказовъ общественнаго призрѣнія

чевъ, собравъ послѣднія силы, кинулся въ толпу непріятелей, чтобы не пережить потери залога ввѣреннаго его защитѣ. Уже храбрый воинъ, пораженный нѣсколько разъ штыками, былъ повергнутъ на землю, но непріятели, узнавъ въ немъ русскаго генерала, пощадили его. Вице-король встрѣтилъ Лихачева съ уваженіемъ и велѣлъ представить его Наполеону, который, принявъ благосклонно раненаго, подалъ ему шпагу его. „Благодарю Ваше Величество, сказалъ Лихачевъ; эта шпага дана мнѣ Государемъ моимъ, и отъ него лишь могу принять ее обратно“ (60).

Вице-король занялъ батарею сильно пѣхотою и отразилъ Барклая, покушавшагося выбить непріятеля изъ укрѣпленія. Войска наши были принуждены отступить за оврагъ, лежащій въ тылу батареи. Кавалерія Латуръ-Мобура и Дефранса, ободренная успѣхомъ, кинулась на пѣхоту 4-го и 6-го корпусовъ, построившуюся въ нѣсколько каре. Польскіе уланы атаковали одну изъ нашихъ батарей, гдѣ тогда находился начальникъ артиллеріи 6-го корпуса, генералъ Костенецкій, и стали рубить прислугу. Самъ Костенецкій, необычайно сильный, схватилъ банникъ, свалилъ съ лошадей нѣсколько уланъ и съ помощью своихъ канонеровъ отбился отъ непріятелей. Барклай де-Толли, видя ослабленіе своей кавалеріи, которой большая часть тогда находилась на лѣвомъ крылѣ, былъ принужденъ удерживать непріятеля одною пѣхотою (61).

Въ этотъ самый моментъ прибыли изъ резерва на рысяхъ и стали за небольшимъ возвышеніемъ, впереди Князькова, Кавалергардскій и Конногвардейскій полки. Непріятель, стремясь прорвать нашъ центръ, атаковалъ 7-ю дивизію Капцевича частью пѣхоты вице-короля и резервной кавалеріи 2-го и 3-го корпусовъ; одно изъ каре 19-го егерскаго полка

Въ слѣдствіе условій Тильзитскаго мира, наложено было амбарго на англійскія суда и товары (38). Прекращеніе торговли съ Англичанами, уменьшивъ значительно выпускъ за границу русскихъ сырыхъ произведеній, имѣло весьма неблагопріятныя послѣдствія для нашего государственнаго хозяйства *). Чтобы сколько нибудь возстановить балансъ иностранной торговли, уменьшеніемъ ввоза предметовъ роскоши, за кои мы не имѣли возможности платить ничѣмъ, кромѣ наличной монеты, въ концѣ 1810 года, былъ изданъ новый тарифъ, на основаніи котораго запрещенъ ввозъ многихъ издѣлій иностранныхъ фабрикъ, а другіе товары обложены высшею противъ прежняго пошлиною (39). Это постановленіе, имѣвшее единственною цѣлью прекращеніе роскоши и возвышеніе отечественной промышленности, было принято Наполеономъ за нарушеніе Тильзитскаго трактата и послужило ему однимъ изъ предлоговъ къ войнѣ противъ Россіи.

---

*) См. особое Прилож. къ этой главѣ.

ГЛАВА XXIX.

Канунъ войны 1812 года.

По заключеніи Шёнбрунскаго трактата, 2 (14) октября, могущество Наполеона возвысилось ослабленіемъ Австріи. Отторгнутыя отъ нея земли съ народонаселеніемъ въ 3.700.000 душъ, за исключеніемъ тарнопольской области съ 400.000 душъ, присоединенной къ Россіи, поступили во владѣніе Франціи, либо вассаловъ ея, членовъ Рейнскаго союза; Наполеонъ располагалъ силами и средствами 72.000.000 душъ. Австрія сохранила 20 милліоновъ. Изъ всѣхъ державъ европейскаго материка, одна лишь Россія, по массѣ своего народонаселенія, и еще болѣе по своему географическому положенію, могла бороться съ Наполеономъ: Государи и народы, угнетенные завоевателемъ, надѣялись найти въ ней опору при будущихъ усиліяхъ своихъ; къ ней одной, къ ея Монарху взывали о помощи — и германскіе владѣтели, и великодушные защитники Тироля, оставленные собственнымъ правительствомъ на произволъ побѣдителя, и даже братъ Наполеона, одинъ изъ вѣнчанныхъ рабовъ его, Король Голландскій Людовикъ искалъ покровительства Россіи отъ притѣсненій французскаго правительства (1).

Наполеонъ, распространивъ свое вліяніе до самой Вислы, незаблуждался однакоже на счетъ своего настоящаго положенія; отъ него не укрылись угрожавшія ему опасности: онъ вполнѣ оцѣнилъ важность и народной войны въ Испаніи, и упорнаго сопротивленія въ 1809 году Австріи, и враждебныхъ ему тайныхъ обществъ образовавшихся въ Германіи. Огромныя средства, бывшія въ распоряженіи повелителя Франціи, казались ему недостаточны; онъ искалъ союзника, нашелъ его въ Императорѣ Александрѣ и не довѣрялъ ему. Быть-можетъ, еслибъ состоялся родственный союзъ съ россійскимъ царственнымъ домомъ, задуманный Наполеономъ, онъ ограничился-бы совершеннымъ порабощеніемъ Германіи и отказался-бы, по крайней мѣрѣ на время, отъ своихъ гигантскихъ плановъ: покоренія Россіи, завоеванія Константинополя и похода въ Индію. Но еще вѣроятнѣе, что и въ случаѣ кровной связи Наполеона съ Императоромъ Александромъ, не моглобы насытиться властолюбіе завоевателя. Вражда Наполеона къ Александру существовала и тогда, когда еще не было никакихъ тому поводовъ. Несомнѣннымъ свидѣтельствомъ непріязни Императора Французовъ къ Россіи служатъ мемуары о положеніи дѣлъ въ Европѣ, составленные, въ началѣ 1809 года, во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ одномъ изъ этихъ любопытныхъ документовъ, между прочимъ, находимъ:

...."Союзъ Франціи съ Россіей противенъ прямымъ выгодамъ тюильрискаго кабинета, потому что столь важное для него вліяніе на Швецію, Данію, Польшу и Турцію уничтожается преобладаніемъ, присвоеннымъ Русскими на Сѣверѣ и Востокѣ. И, кромѣ того, союзъ съ Россіею не можетъ намъ принести пользы по отношеніямъ ея къ Англіи и Австріи.

Конечно петербургскій кабинетъ можетъ стремиться временно (momentanément) къ ослабленію господства Англичанъ на моряхъ, но онъ никогда не захочетъ уничтоженія ихъ колоніальной и торговой системы, питающей Россію..... Большая часть русскихъ продуктовъ такого свойства, что они могутъ найти сбытъ только въ Англіи, либо по милости (sous le bon plaisir) Англичанъ. Подобное-же сближеніе между Россіею и Австріей существуетъ на Вислѣ и Дунаѣ, служащихъ проводниками русской торговли на материкѣ Европы. Напротивъ тото, Франція связана съ Россіей только побочными выгодами: такой союзъ ненадеженъ, опасенъ для насъ и можетъ принести пользу одной лишъ Россійской Имперіи". Въ заключеніи сказано, что „выгоды наполеоновой династіи требуютъ неразрывнаго присоединенія Испаніи, ослабленія Австріи и принятія всевозможныхъ мѣръ (tous les moyens directs ou indirects) къ тому, чтобы предупредить распространеніе Россіи и отодвинуть ея границы за Черное море" (?) (²).

Вслѣдъ за тѣмъ, по желанію Наполеона, *получить болѣе обстоятельныя соображенія на счетъ обѣихъ Галицій и Русской Польши*, былъ представленъ ему другой мемуаръ. Довѣріе, коимъ пользовался у Наполеона составитель мемуара Дюрокъ, не позволяетъ сомнѣваться, что въ поданномъ имъ мнѣніи были изложены собственныя идеи Императора Французовъ.

Упомянувъ о Тильзитскомъ трактатѣ и о конвенціи, заключенной въ Эрфуртѣ, Дюрокъ говоритъ, что всѣ послѣдствія сихъ договоровъ послужили въ пользу Россіи, которая немедленно пріобрѣла Финляндію. „За тѣмъ — по словамъ его — петербургскій кабинетъ получилъ еще важнѣйшую выгоду — располагать средствами всего того, что осталось отъ Монархіи Великаго Фридриха. Недавнее путешествіе

Короля и Королевы Прусскихъ въ Петербургъ, пріемъ тамъ имъ сдѣланный, политическія связи, во имя благодарности и дружбы, все это довершило зависимость Пруссіи отъ Россіи. Императоръ Александръ, въ Эрфуртѣ, достигнувъ удаленія отъ своей границы французскихъ войскъ, занимавшихъ прусскія области, получилъ возможность усилить армію дѣйствующую противъ Оттоманской Порты. Онъ господствуетъ въ Сербіи, не пославъ туда ни одного человѣка.... Уже сѣверная часть Турціи подъ властью Русскихъ (sous le canon des Russes); Греція подчинена ихъ политикѣ и связана съ ними единствомъ вѣры; владычество Французовъ въ Далмаціи ненадежно; еще шагъ, и — Италія въ опасности. Россійскій колоссъ подвигается къ югу, грозя исторгнуть у Франціи господство на Средиземномъ морѣ, столь важное для ея величія, столь необходимое для благосостоянія южныхъ областей ея; въ случаѣ потери его, оно можетъ быть возвращено только кровавою встрѣчею французскихъ легіоновъ съ опасными союзниками, на равнинахъ Адріанополя.

„И все это пріобрѣла Россія въ Эрфуртѣ цѣною согласія на возстановленіе порядка въ Испаніи и сомнительнымъ разрывомъ Русскихъ съ вѣнскимъ дворомъ.....

....„Въ настоящее время, петербургскій и лондонскій дворы, съ одинаковою злобою, возбуждаютъ Австрію противъ Франціи. Но одинъ изъ нихъ дѣйствуетъ открыто, даетъ субсидіи и вызываетъ явное вооруженіе, чтобы сдѣлать диверсію въ пользу Испанцевъ. Другой таитъ свои замыслы, и зная, что Австрія рано или поздно будетъ увлечена въ войну, медлитъ, въ надеждѣ, что съ наступленіемъ глубокой осени, болѣзни, труды, лишенія, измѣны и пагубный климатъ уничтожатъ 200 тысячъ Французовъ

которые, разсѣявшись въ пылу боя, въ послѣдствіи присоединились къ войскамъ, и по тому уронъ вообще нашей арміи въ сраженіи при Бородинѣ можно безошибочно положить до сорока четырехъ тысячъ человѣкъ, въ числѣ коихъ было: 22 генерала и до двухъ тысячъ штабъ и оберъ-офицеровъ (71). Со стороны непріятеля, уронъ простирался, по показанію французскихъ историковъ, до двадцати тысячъ человѣкъ; но какъ послѣ сраженія оставалось у Наполеона менѣе ста тысячъ человѣкъ, то, по всей вѣроятности, потери его арміи были неменѣе нашихъ. Въ числѣ выбывшихъ изъ строя 24 и 26 августа (5 и 7 сентября) было 49 генераловъ, и потому Французы называли сраженіе при Бородинѣ „la bataille des généraux“ (битвою генераловъ) (72).

Трофеи обѣихъ сторонъ были незначительны. Съ каждой стороны захвачено отъ тринадцати до пятнадцати орудій, и, кромѣ того, оставлено нашими войсками нѣсколько орудій въ укрѣпленіяхъ (73).

Причиною огромной растраты людей, съ нашей стороны, были: во 1-хъ, недостаточное тактическое образованіе войскъ, въ числѣ коихъ было много рекрутъ, не умѣвшихъ пользоваться мѣстностью для прикрытія себя отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и во 2-хъ, расположеніе нашихъ войскъ въ нѣсколькихъ линіяхъ, близко стоявшихъ одна за другою: вторая линія пѣхоты находилась въ двухъ стахъ шагахъ отъ первой; кавалерія въ 300 или 400 шагахъ позади пѣхоты, а резервы мѣстами не далѣе тысячи шаговъ отъ кавалеріи, чтò подвергало канонадѣ не только боевыя линіи, но и резервы. Такое расположеніе, принятое для противодѣйствія усиленнымъ атакамъ, заставляло насъ оставаться по нѣскольку часовъ въ бездѣйствіи, подъ перекрестнымъ огнемъ сильныхъ батарей. Непріятельскія колонны,

Представляя Императору Александру копію этого мемуара, князь Куракинъ писалъ:

...."Словомъ сказать, все, что̀ сказано здѣсь, на счетъ средствъ къ расширенію и упроченію могущества Франціи, доказываетъ лучше, нежели самыя убѣдительныя разсужденія, какъ опасно было-бы для Россіи допустить паденіе австрійскаго дома"... (3).

Наполеонъ, побѣдивъ австрійскую армію на поляхъ Ваграма и при Цнаймѣ, и открывъ переговоры о мирѣ, пригласилъ Императора Александра принять въ нихъ участіе: Наполеонъ желалъ, ведя негоціацію совокупно съ Россіей, побудить тѣмъ Австрійцевъ къ большей уступчивости, и въ случаѣ возобновленія войны, пользоваться рѣшительнымъ содѣйствіемъ нашего правительства. Но Императоръ Александръ, разгадавъ виды своего союзника, извѣстилъ его, что, предоставляя ему вполнѣ соблюденіе выгодъ России, не считаетъ нужнымъ имѣть собственнаго уполномоченнаго на совѣщаніяхъ о мирѣ съ Австріею. Наполеонъ, озлобленный противъ Россіи слабымъ содѣйствіемъ ему нашихъ войскъ въ войнѣ съ Австріей, выказывалъ свое недоброжелательство къ Императору Александру, нарушивъ многократно данныя въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ обѣщанія — не увеличивать герцогства варшавскаго. Уступка нашему правительству тарнопольской области могла имѣть важность только въ такомъ случаѣ, еслибы Россія получила Броды, гдѣ производилась довольно значительная торговля съ Турціей. Самое достоинство Россіи было оскорблено тѣмъ, что въ Шёнбрунскомъ трактатѣ не было упомянуто о ней на-равнѣ съ Франціей, а сказано только вскользь о возобновленіи нами дружественныхъ связей съ австрійскимъ правительствомъ. Наполеонъ, съ своей стороны, былъ недоволенъ 3-ею статьею Фридрихсгамскаго трак-

его, во все продолженіе боя, были сознаніемъ въ собственномъ безсиліи и въ необходимости сохранить резервъ на случай неудачи вторженія въ Россію.

На счетъ нашихъ дѣйствій, замѣтимъ, что бородинская позиція была лучшею на пути къ Москвѣ, но мы заняли ее ошибочно, и это заставило насъ перевести уже во время боя съ одного фланга на другой цѣлую треть арміи; непоколебимая твердость нашихъ войскъ, самоотверженіе Барклая де-Толли и доблестные подвиги прочихъ начальниковъ исправили первоначальную ошибку. Самъ-же Кутузовъ, во все продолженіе битвы, находясь у Горокъ, не могъ имѣть непосредственнаго вліянія на ходъ дѣла, но всѣ его распоряженія были весьма основательны: Французы, заставя отступить войска нашего лѣваго крыла и центра, считали себя побѣдителями, а Русскіе, удержавъ за собою часть поля сраженія, не признавали себя побѣжденными (76). По словамъ одного изъ героевъ бородинскаго боя — Ермолова — „тамъ французская армія разшиблась объ русскую". Принцъ Евгеній виртембергскій говоритъ: „Послѣ одного изъ лучшихъ друзей моихъ осталось сочиненіе, въ которомъ встрѣчается много замѣчательнаго о Бородинской битвѣ. Оно оканчивается слѣдующими словами:

„Говоря по совѣсти, не было причины — ни Кутузову доносить о побѣдѣ Императору Александру, ни Наполеону — извѣщать о ней Марію-Луизу! Если бы мы, воины обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду нашихъ повелителей, предстали на другой день предъ алтаремъ правды, то сама Слава, конечно, признала-бы насъ братьями" (77).

Кутузовъ донесъ Государю о сраженіи при Бородинѣ слѣдующимъ рапортомъ:

„Послѣ донесенія моего о томъ, что непріятель

Императора Французовъ; тогда-же былъ посланъ въ Парижъ, для принесенія Наполеону поздравленія, отъ имени нашего Государя, одинъ изъ главныхъ русскихъ сановниковъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, братъ русскаго посла въ Парижѣ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Наполеонъ, съ своей стороны, увѣрялъ нашего Государя, что фамильная связь съ домомъ Габсбурговъ нисколько не измѣнитъ дружественныхъ отношеній Франціи къ Россіи. Но всѣ поступки его обнаруживали недоброжелательство къ Императору Александру. Отказъ въ ратификаціи акта заключеннаго Коленкуромъ заставлялъ насъ подозрѣвать Наполеона въ намѣреніи способствовать, если не прямо, то косвенно, возстановленію Польши, и тѣмъ паче, что онъ требовалъ отъ нашего Государя формальнаго отказа на будущее время отъ присоединенія прочихъ польскихъ областей къ Россіи. Французское правительство безпрестанно дѣлало мелочныя придирки къ агентамъ русскихъ миссій: все это возбуждало взаимныя недоразумѣнія и подавало намъ поводъ недовѣрять Франціи. Князь Куракинъ, человѣкъ миролюбивый и сговорчивый, не переставалъ однакоже остерегать насъ на счетъ враждебныхъ замысловъ Наполеона. „Я вовсе не желалъ-бы видѣть разрывъ союза, подававшаго намъ основательныя надежды — писалъ онъ графу Румянцову. — Но военные успѣхи Французовъ, ослабленіе Австріи и родственная съ нею связь, всѣ эти обстоятельства значительно понизили цѣну нашего союза. Теперь уже не Рейнъ, а Висла — граница Франціи. Туда должны быть направлены всѣ наши оборонительныя средства. Не осталась-ли Россія единственною изъ всѣхъ державъ европейскаго материка, сохранившею и свою территорію, и свои силы? Развивая ихъ и заставя

года и я буду владыкою свѣта" (encore trois ans et je serai le maitre de l'Univers) сказалъ онъ тогда-же графу Вреде ([10]). Не смотря на предостереженія Судьбы — потерю сраженія при Асniернѣ и геройскую борьбу съ Французами Испанцевъ и Тирольцевъ, Наполеонъ, ослѣпленный лестью, считалъ себя выше человѣчества ([11]). Одаренный способностью быстраго соображенія, онъ весьма часто не обсуживалъ важнѣйшихъ предметовъ съ надлежащею внимательностью; его воображеніе, увлекаясь за предѣлы возможнаго, вводило въ ошибки его обширный разумъ, а холодные, себялюбивые разсчеты ума нерѣдко заглушали голосъ сердца и не дозволяли развиться въ немъ порывамъ великодушія и добродѣтели. Не довѣряя вполнѣ никому, и даже друзьямъ своимъ, презирая людей вообще, не вѣря въ добро, онъ искалъ одной славы и не заботился ни о выборѣ средствъ къ ея достиженію, ни о гибельныхъ послѣдствіяхъ своихъ успѣховъ. Никто не отрицалъ въ немъ геніяльности, но напрасно льстецы называли его Великимъ, потому что въ основаніи истиннаго величія должны лежать дѣла добра, а не безплодные подвиги. Въ 1810 году, когда могущество его достигало высшей степени, все преклонялось предъ нимъ въ боязливомъ молчаніи. На его большихъ выходахъ, гдѣ собирались Короли, принцы, высшіе сановники, военные люди и знаменитые ученые, господствовала гробовая тишина. Каждое слово его, жадно ловимое и быстро передаваемое иностранными агентами во всѣ страны Европы, возбуждало толки, надежды, опасенія. Наполеонъ, на придворныхъ выходахъ, въ мундирѣ со звѣздою Почетнаго Легіона, со шляпою подъ мышкою, порывисто переходилъ отъ одного лица къ другому, то даря привѣтомъ, то оледеняя явнымъ презрѣніемъ. Его взоръ,

маніи, пріобрѣлъ общее расположеніе Шведовъ ласковымъ обхожденіемъ съ плѣнными шведскими офицерами. Во Франціи-же считали его республиканцемъ, не поддававшимся ни искательствамъ, ни угрозамъ Наполеона, который дѣйствительно не любилъ его. При всей незначительности своего общественнаго положенія, Мёрнеръ имѣлъ въ Парижѣ и Стокгольмѣ вліятельныхъ знакомыхъ, облегчившихъ успѣхъ задуманнаго имъ предпріятія. Многіе изъ членовъ шведскаго сейма, подавая голосъ въ пользу Бернадота, мнили угодить могущественному Императору Французовъ, который, напротивъ того, согласился на возвышеніе маршала только для того, чтобы удалить его отъ себя, и не настаивалъ на избраніи Короля Датскаго, остерегаясь возбудить противъ себя подозрѣнія Императора Александра (7). Напротивъ того, у насъ, недовѣряя Наполеону, полагали, что колебаніе его, согласиться на принятіе Бернадотомъ шведскаго наслѣдства, было притворно (8).

Наполеонъ, окончивъ со славою войну съ Австріею и породнившись съ древнею династіей Габсбурговъ, не находилъ предѣловъ своимъ властолюбивымъ замысламъ. По возвращеніи въ 1810 году изъ путешествія въ Голландію, онъ сказалъ: „Чрезъ пять лѣтъ я буду владѣть свѣтомъ.... Остается только Россія, но я подавлю ее.... Парижъ распространится до Сенъ-Клу.... Я строю ежегодно по пятнадцати кораблей; какъ только у меня ихъ будетъ полтораста, я буду господствовать и на морѣ“. (Dans cinq ans je serai le maître du monde; il ne reste que la Russie, mais je l'écraserai.... Paris viendra jusqu'à St. Cloud. Je bâtis quinze vaisseaux par an; je n'en mettrai pas un à la mer jusqu'à ce que j'en aie cent cinquante; j'y serai le maître comme sur la terre) (9). „Еще три

Англичанъ. Съ большимъ лишь трудомъ согласился онъ уступить требованіямъ Наполеона, который, отказавшись на-время отъ завладѣнія Голландіей, присоединилъ къ Франціи только Сѣверный Брабантъ, Зеландію и часть Гельдріи, но за то сильно занялъ прочія области своего брата французскими войсками и таможенною стражею. Въ такомъ положеніи, Королю Людовику не оставалось ничего болѣе, какъ сложить съ себя корону, что̀ онъ и сдѣлалъ, отказавшись отъ престола въ пользу своего малолѣтняго сына, 2-го іюля н. ст. 1810 года, но Наполеонъ, еще до полученія о томъ извѣстія, рѣшилъ судьбу Голландіи, присоединивъ ее къ Французской Имперіи ([14]).

Въ ноябрѣ того-же года, были также присоединены къ Франціи владѣнія Валезской республики (Valais), а 1 (13) декабря Ганзеатическіе города и все прибрежье Нѣмецкаго моря до Эльбы, пространствомъ болѣе 600 квадратныхъ миль съ 1,173,000 жителей. Князь Куракинъ, узнавъ о томъ, еще за два дня до обнародованія декрета, немедленно сообщилъ герцогу Кадорскому (Шампаньи), что „хотя союзныя и дружественныя отношенія, существующія между Россіею и Франціей, заставляютъ предполагать, что Е. В. Императоръ Наполеонъ вошелъ въ соглашеніе съ моимъ Августѣйшимъ Государемъ на счетъ присоединенія къ Франціи Ганзеатическихъ городовъ, однакоже это событіе имѣетъ такое важное вліяніе на коммерческія выгоды Россіи, что считаю долгомъ довести о томъ наипоспѣшнѣе до свѣдѣнія Его Величества Императора Александра“ ([15]).

Въ числѣ владѣтелей, потерпѣвшихъ отъ декрета 1 (13) декабря, находился и дядя Россійскаго Монарха, герцогъ Ольденбургскій, коего страна, обхваченная новыми пріобрѣтеніями Наполеона, не могла

остаться отъ него независимою. Наполеонъ, по видимому, изъ уваженія къ Императору Александру, извѣстилъ герцога, что совершенно предоставляетъ на его волю — сохранить свои владѣнія, либо, въ замѣну ихъ, получить другія, но что, въ первомъ случаѣ, онъ подвергнется нѣкоторымъ неудобствамъ, именно прохожденію французскихъ войскъ чрезъ земли герцогства и учрежденію въ нихъ французскихъ таможень (16). Чтобы дать понятіе объ участи, угрожавшей герцогу, въ случаѣ сохраненія имъ своихъ владѣній, достаточно сказать, что, по свидѣтельству повѣреннаго въ его дѣлахъ при тюильрискомъ дворѣ, г. Мальцана, содержаніе трехъ тысячъ человѣкъ французскаго войска, стоявшихъ въ герцогствѣ, стоило ему ежедневно 10,000 франковъ, или болѣе нежели втрое всего получаемаго имъ дохода (17). Несмотря однакоже на то, герцогъ, дорожа привязанностью жителей страны, принадлежавшей его предкамъ почти тысячу лѣтъ, предпочелъ сохранить свои прежнія владѣнія, о чемъ, сообщивъ французскому правительству, извѣстилъ въ тоже время Императора Александра, какъ главу голштейнскаго дома.

Но едва лишь Государь успѣлъ получить письмо герцога, какъ дѣло приняло крутой оборотъ: французскіе чиновники, прибывшіе въ ольденбургскія владѣнія, объявили, что имъ велѣно опечатать всѣ казенныя суммы и образовать управленіе герцогства, какъ области уже присоединенной къ Франціи. Императоръ Александръ, показавъ видъ, что такіе произвольные поступки произошли отъ недоразумѣнія французскихъ коммисаровъ, на счетъ данныхъ имъ предписаній, приказалъ князю Куракину поставить на видъ герцогу Кадорскому: во 1-хъ, что, по 12-й статьѣ Тильзитскаго трактата, герцогу было обезпечено владѣніе принадлежавшею ему страною,

гдѣ устроивали засады и откуда выходили, нападая на фуражировъ и мародёровъ, или — какъ выражались тогда крестьяне — на *міродёровъ*. Нерѣдко жители одного, либо нѣсколькихъ селеній, обязывались присягою стоять крѣпко другъ за друга и нещадить Французовъ. Малѣйшая угодливость непріятелю считалась измѣною. Случилось однажды — крестьяне какой-то деревни, устрашенные прибытіемъ французскаго отряда, встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью. Вскорѣ послѣ того непріятель ушелъ, и крестьяне, принявшіе его съ честью, явились въ свою приходскую церковь къ божественной службѣ. Когда они вмѣстѣ съ прочими прихожанами стали подходить къ кресту, священникъ встрѣтилъ ихъ строгимъ укоромъ: „За чѣмъ вы здѣсь? — сказалъ онъ. — Вы не наши. Вы, предавъ православныхъ, приняли, какъ желанныхъ гостей, враговъ нашихъ“. Въ то время, наши добрые, гостепріимные крестьяне были недовѣрчивы до крайности. Во всѣхъ селеніяхъ, еще неоставленныхъ жителями, ворота были завалены бревнами и охраняемы карауломъ, вооруженнымъ вилами, топорами, кольями, а иногда и ружьями. Нерѣдко русскіе офицеры, принятые за иностранцевъ, были встрѣчаемы пущеннымъ съ размаха топоромъ, либо выстрѣломъ. По свидѣтельству Давыдова, крестьяне одной изъ медыньскихъ волостей истребили 60 казаковъ Тептярскаго полка, нечисто говорившихъ по русски (18).

Русское досужество создало своеобразные пріемы для сопротивленія непріятелю. На пунктахъ возвышенныхъ надъ окрестною мѣстностью выставлялись караулы, зорко слѣдившіе за Французами. Ежели непріятели являлись въ маломъ числѣ, то воины-поселяне старались окружить и схватить ихъ тихомолкомъ, чтобы необнаружить своего притона; при наступле-

французскими подданными, сохранивъ только княжескіе титулы. Ежели Императоръ поступилъ иначе съ герцогомъ ольденбургскимъ, то единственно изъ уваженія къ вашему Государю".

На замѣчаніе князя Куракина, что „Ольденбургъ уже почти тысячу лѣтъ принадлежитъ дому, нынѣ царствующему въ Россіи", Шампаньи отвѣчалъ, что „за тысячу лѣтъ предъ симъ, Карлъ Великій владѣлъ Гамбургомъ и всею окрестною страною". — „Должно—прибавилъ онъ—покоряться неизбѣжной силѣ обстоятельствъ. Небольшія государства не могутъ сохранить своей самобытности, коль скоро она несогласна съ выгодами великихъ державъ", и проч. (19). Такія сужденія совершенно согласовались съ обычною политикою тогдашняго французскаго правительства, которое громогласно объявляло, что „присоединеніе ганзеатическихъ городовъ, Лауэнбурга и прибрежья отъ Эмса до Эльбы было необходимо, сообразно обстоятельствамъ" (la réunion des villes hanséatiques etc. est commandée par les circonstances) (20).

Императоръ Александръ, твердо рѣшась отстаивать права своего дома и достоинство Имперіи, повелѣлъ князю Куракину вручить французскому министру иностранныхъ дѣлъ декларацію, заключавшую въ себѣ формальный протестъ противъ нарушенія существующихъ трактатовъ. Герцогъ Кадорскій долго уговаривалъ князя Куракина взять назадъ протестъ, говоря, что „Императоръ Наполеонъ находилъ его несообразнымъ съ чувствами дружбы, питаемыми имъ къ нашему Государю, и немогущимъ послужить ни къ чему, кромѣ подтвержденія слуховъ о близкомъ разрывѣ Россіи съ Франціей". Когда-же всѣ убѣжденія французскаго министра были отвергнуты княземъ Куракинымъ, Шампаньи прі-

Нѣкоторыя изъ нихъ принимали участіе въ подвигахъ своихъ мужей и братьевъ: старостиха Василиса живетъ въ народныхъ преданіяхъ взятіемъ въ плѣнъ и доставкою въ Сычевки цѣлой непріятельской партіи. Кому неизвѣстна стольже образованная, даровитая, сколько и храбрая Надежда Андреевна Дурова, сражавшаяся на ряду съ героями 1812 года при Смоленскѣ и Бородинѣ? (22).

Французамъ народная война въ Россіи стоила дорого: въ одномъ боровскомъ уѣздѣ воины-поселяне истребили и взяли въ плѣнъ 3,500 человѣкъ (23). Не менѣе вреда нанесли непріятелю наши партизаны: Фигнеръ, Сеславинъ, Давыдовъ, князь Кудашевъ, Бенкендорфъ, и другіе, дѣйствовавшіе по всѣмъ путямъ ведущимъ къ Москвѣ. Однимъ изъ важнѣйшихъ подвиговъ, тогда совершенныхъ отдѣльными отрядами, былъ штурмъ Вереи. Кутузовъ, получивъ свѣдѣніе, что непріятель укрѣплялъ сей городъ, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы, утвердясь тамъ, прикрыть смоленскую дорогу отъ партизанскихъ налётовъ, приказалъ Дорохову, съ отрядомъ, въ числѣ до 2,500 человѣкъ, и восемью орудіями, идти чрезъ Боровскъ къ Вереѣ и разрушить сооруженныя тамъ укрѣпленія. Ему-же былъ подчиненъ отрядъ князя Вадбольскаго, состоявшій изъ Маріупольскаго гусарскаго полка и пятисотъ казаковъ (24). Достигнувъ Боровска, 27-го сентября (9 октября), Дороховъ оставилъ тамъ часть отряда для прикрытія сообщеній съ арміей, выслалъ сильныя партіи для отрѣзанія непріятельскихъ войскъ, занимавшихъ Верею, отъ Москвы и Можайска, и двинулся далѣе. У деревни Волченки, въ трехъ верстахъ отъ Вереи, отрядъ сложилъ ранцы и переправясь черезъ Протву, подошелъ къ Вереѣ, 28-го (10 октября), еще до разсвѣта. Городъ, лежащій на высотѣ, былъ обне-

сенъ валомъ съ палисадомъ и занятъ вестфальскимъ баталіономъ. Пятеро верейскихъ жителей, отставной солдатъ и четверо мѣщанъ служили проводниками. Войскамъ было приказано идти тихо и атаковать непріятеля безъ выстрѣла штыками. Гарнизонъ кинулся къ ружью уже тогда, когда наша пѣхота ворвалась въ городъ, но оборонялся довольно упорно, открывъ сильную пальбу изъ домовъ и церкви; часть его была истреблена; остальныя 14 офицеровъ и 350 нижнихъ чиновъ положили оружіе; отбито знамя. По взятіи города, показался со стороны Можайска непріятельскій отрядъ, изъ трехъ баталіоновъ и четырехъ эскадроновъ, съ нѣсколькими орудіями, но не отважившись вступить въ бой, отошелъ обратно. Потеря войскъ Дорохова не превосходила тридцати человѣкъ. Нѣсколько сотъ воиновъ-поселянъ, подъ начальствомъ священника села Дубровы, Іоанна Скабеева, срыли построенныя непріятелемъ укрѣпленія. Генералъ Дороховъ, раздавъ жителямъ отбитыя у вестфальцевъ ружья и найденные въ городѣ съѣстные припасы, перешелъ, по приказанію фельдмаршала, къ селу Каменскому и расположился вблизи непріятельскаго авангарда ([25]).

Трудно сказать, сколько „Великая армія" потеряла людей въ продолженіи московской стоянки, но объ этомъ можно вывести заключеніе изъ донесенія Государю князя Кутузова, въ которомъ упоминается, что отрядами, высланными отъ главныхъ силъ, съ 9-го по 19-е сентября, захвачено въ плѣнъ болѣе пяти тысячъ человѣкъ. Генералъ Вонцингероде, стоявшій съ отрядомъ у Клина, доносилъ, что его партизаны, съ 10-го по 29-е сентября взяли въ плѣнъ болѣе полуторы тысячи человѣкъ ([26]). Непріятель былъ принужденъ, для добыванія жизненныхъ припасовъ, посылать значительные отряды, и

даже придавать имъ артиллерію; отъ этого войска, расположенныя въ окрестностяхъ Москвы, не имѣли покоя и терпѣли недостатокъ въ провіантѣ, и еще болѣе въ фуражѣ. Каждый день стоилъ Французамъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Не имѣя ни хлѣба, ни мяса, солдаты стрѣляли воронъ, ѣли кошекъ и павшихъ лошадей своихъ. Еще большую нужду терпѣли войска, стоявшія въ авангардѣ на рѣчкѣ Чернишнѣ. Если случалось имъ найти рожь, или пшеницу въ зернѣ, то они варили изъ него похлебку, замѣняя соль порохомъ, а сало — сальными свѣчьми. Отъ голода и дурной пищи появилось въ арміи множество больныхъ лихорадками, тифомъ и желудочнымъ разстройствомъ; нѣкоторыми изъ солдатъ, и въ особенности изъ новобранцевъ овладѣла тоска по родинѣ (nostalgie), доводившая ихъ до самоубійства. Вообще врачи рѣдко прибѣгали къ противовоспалительному способу леченія, и напротивъ того почти всегда лечили укрѣпляющими средствами ([27]).

Несмотря на всѣ бѣдствія, угнетавшія „Великую армію", Наполеонъ оставался въ Москвѣ, потому что дальнѣйшее наступленіе не представляло ему никакой вѣроятности успѣха, а отступить назадъ — значило сознаться въ неудачѣ похода въ Россію. Сначала онъ надѣялся, что занятіе его войсками нашей древней столицы окажетъ на Императора Александра и на весь народъ русскій такое-же вліяніе, какое имѣло занятіе прочихъ столицъ Французами, и что наше правительство поспѣшитъ открыть переговоры. Но время проходило, а съ нашей стороны не было мира и въ поминѣ. Наконецъ, уже черезъ двадцать дней по занятіи Москвы, Наполеонъ рѣшился изъявить готовность къ прекращенію войны, и съ этою цѣлью хотѣлъ послать Коленкура въ Петербургъ, но Коленкуръ, зная, что его не примутъ, отклонилъ

валъ строжайшаго соблюденія континентальной системы отъ Даніи, Швеціи и Россіи. Копенгагенскій дворъ враждовалъ Англіи, но не хотѣлъ лишиться выгодъ, которыя приносила ему торговля колоніальными товарами на голштинской границѣ; Швеція не могла отказаться отъ торговыхъ сношеній съ Англіей, которая одна лишь могла доставить ей соль и прочіе необходимые для нея продукты; наконецъ, Россія, точнымъ исполненіемъ условій принятыхъ въ Тильзитѣ, была приведена въ крайнее положеніе: въ продолженіи трехъ лѣтъ, мы были лишены возможности отпускать за границу моремъ наши громоздкія произведенія и пріобрѣтали колоніальные и мануфактурные товары дорогою цѣною, на звонкую монету, слѣдствіемъ чего былъ упадокъ курса. За ассигнаціонный рубль, ходившій въ 1807 году по 67-ми копѣекъ серебромъ, давали въ 1810 году только по 25-ти копѣекъ. Чтобы дать понятіе о тогдашней дороговизнѣ колоніальныхъ товаровъ, достаточно сказать, что за пудъ сахара платили по 80-ти и даже до ста рублей ассигнаціями, что̀ составляло на серебро отъ 20-ти до 25-ти рублей. Такимъ образомъ, въ угоду Наполеона, вредя Англичанамъ, мы не менѣе вредили самимъ себѣ. Подобное строгое соблюденіе континентальной системы было тѣмъ болѣе неумѣстно у насъ, что самъ Наполеонъ несоблюдалъ ее въ точности. Тріанонскимъ тарифомъ 5-го августа и послѣдующими декретами, 12 сентября и 19 октября н. ст. 1810 года, была разрѣшена продажа такъ называемыхъ *исключительныхъ дозволеній* (licences) на ввозъ во Францію колоніальныхъ товаровъ, съ уплатою таможенной пошлины въ 40 и 50 процентовъ ихъ цѣнности, и съ условіемъ вывоза на одну съ ними цѣну французскихъ мануфактурныхъ произведеній, въ числѣ коихъ не менѣе трети

могъ-бы успѣть въ томъ, потому что Русскіе считаютъ эту войну вторымъ нашествіемъ Татаръ, и онъ не въ состояніи перемѣнить понятія цѣлаго народа". За тѣмъ Лористонъ, обратясь къ истинной цѣли даннаго ему порученія, сталъ говорить о мирѣ. „Эта война, необыкновенная, неслыханная, должнали продолжаться вѣчно? — сказалъ онъ. — Государь мой искренно желаетъ положить предѣлъ враждѣ между двумя великими народами, и положить его навсегда". Кутузовъ отвѣчалъ: „не имѣю на то никакого наставленія; при отправленіи меня къ арміи и названія мира ни разу не упомянуто. Впрочемъ, всѣ сіи слова, отъ васъ мною слышанныя, происходятъ ли они изъ собственнаго вашего сужденія, либо имѣютъ источникъ свыше, я, ни въ какомъ случаѣ, передать своему Государю не желаю. Я подвергъбы себя проклятію потомства, еслибъ сочли, что я подалъ поводъ къ какому-бы то ни было примиренію; таковъ, въ настоящее время, образъ мыслей нашего народа". За тѣмъ Лористонъ вручилъ Кутузову письмо наполеоново, служившее полномочьемъ для открытія переговоровъ „о многихъ важныхъ предметахъ" (de plusieurs objets intéressants), и изъявивъ намѣреніе своего Государя — послать его, съ этою цѣлью, въ Петербургъ, просилъ фельдмаршала исходатайствовать согласіе на то Императора Александра, и въ ожиданіи отвѣта заключить перемиріе. Кутузовъ обѣщалъ донести Государю о желаніи Наполеона, но отказалъ въ перемиріи. Лористонъ вызывался ѣхать въ Петербургъ, не выжидая разрѣшенія Государя, но фельдмаршалъ отклонилъ и это предложеніе, сказавъ, что онъ передастъ о всемъ ему сообщенномъ Государю чрезъ князя Волконскаго, который на слѣдующій-же день отправится въ Петербургъ. За тѣмъ главнокомандующій,

приказавъ позвать къ себѣ Волконскаго, повторилъ при немъ все сказанное прежде о народной войнѣ. „Государь запретилъ мнѣ даже произносить слова: миръ и перемиріе — сказалъ главнокомандующій.— Спросите у князя Волконскаго: онъ присланъ сюда подтвердить мнѣ сію Монаршую волю". Лористонъ намекнулъ, что Волконскій могъ-бы проѣхать короче чрезъ Москву. Кутузовъ не согласился. „Не лучше-ли послать фельдъегеря? Онъ доѣдетъ скорѣе" — сказалъ Лористонъ. Но фельдмаршалъ и въ томъ отказалъ ему (28).

Императоръ Александръ, еще до полученія донесенія Кутузова, о свиданіи съ Лористономъ, требовалъ, чтобы немедленно были открыты рѣшительныя дѣйствія противъ непріятельской арміи. „На вашей отвѣтственности будетъ — писалъ Государь фельдмаршалу — если непріятель будетъ въ состояніи отрядить значительную часть силъ къ Петербургу, гдѣ осталось немного войскъ, между тѣмъ какъ вы, со ввѣренною вамъ арміею, дѣйствуя рѣшительно и дѣятельно, можете отклонить это несчастіе. Вспомните, что вы еще должны отвѣчать оскорбленному отечеству за потерю Москвы"....... (29). За тѣмъ, получивъ донесеніе Кутузова, Императоръ изъявилъ ему свое неудовольствіе въ слѣдующемъ рескриптѣ:

„Князь Михаилъ Иларіоновичъ! Изъ донесенія вашего, съ княземъ Волконскимъ полученнаго, извѣстился Я о бывшемъ свиданіи вашемъ съ французскимъ генералъ-адъютантомъ Лористономъ.

„При самомъ отправленіи вашемъ къ ввѣреннымъ вамъ арміямъ, изъ личныхъ Моихъ съ вами объясненій, извѣстно вамъ было твердое и настоятельное желаніе Мое устраняться отъ всякихъ переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріятелемъ.

говли служитъ конфискація 96-ти англійскихъ кораблей (27). Когда-же Наполеонъ, въ разговорѣ съ флигель-адъютантомъ Чернышевымъ, настаивалъ на принятіе нами новыхъ торговыхъ постановленій введенныхъ во Франціи, Императоръ Александръ приказалъ написать князю Куракину, для сообщенія французскому правительству, слѣдующій отзывъ:

„Что касается до принятія торговыхъ уставовъ иностраннаго тарифа, безъ соображенія его съ источниками и развитіемъ народнаго богатства собственной страны, Его Величество не рѣшится на это никогда. Это было-бы нерадѣніемъ о благѣ своихъ подданныхъ, и ослабило-бы народную преданность, которою Государь дорожитъ и на которую имѣетъ право. Великая Держава, соблюдая и великія пользы, должна дѣйствовать самостоятельно, какъ въ предѣлахъ собственныхъ, такъ и въ сношеніяхъ тѣснѣйшей дружбы съ другими государствами" (28).

Точно также выразился Императоръ Александръ, въ разговорѣ съ Коленкуромъ. „Я буду стараться вредить Англичанамъ — сказалъ онъ — но не считаю себя обязаннымъ принять мѣры сверхъ условій трактата заключеннаго мною съ Императоромъ Наполеономъ. Каждый въ правѣ распоряжаться у себя сообразно съ собственною пользою" (29).

Наполеонъ, гордившійся безусловнымъ подчиненіемъ своей волѣ прочихъ Государей, изъявилъ обуявшее имъ негодованіе мѣлочными мѣрами противъ русской торговли, возвысивъ пошлины на поташъ, рыбій жиръ и другіе предметы, привозимые изъ Россіи. Князь Куракинъ сначала ходатайствовалъ о сбавкѣ пошлинъ на русскіе товары, но потомъ оставилъ это дѣло, полагая, что наше правительство могло съ выгодою воспользоваться случаемъ для возвышенія

пошлинъ на предметы роскоши, привозимые изъ Франціи (30).

Положеніе 19 (31) декабря 1810 года, о нейтральной торговлѣ на 1811 годъ, подало Наполеону новый поводъ къ жалобамъ на недоброжелательство нашего правительства къ Франціи. Хотя въ этомъ постановленіи подтверждены были мѣры принятыя противъ Англичанъ, однакоже Наполеонъ считалъ тарифъ 19 декабря исключительно враждебнымъ торговлѣ съ Франціей. И дѣйствительно, въ числѣ запрещенныхъ товаровъ были: шелковыя матеріи, ленты, сукна, полотна, батисты, кружева, бронзовыя и фарфоровыя вещи; виноградныя вина обложены пошлиною 80-ти рублей съ оксофта, а ввозъ иностранныхъ водокъ запрещенъ совершенно. Напротивъ того, уменьшены пошлины съ колоніальныхъ товаровъ. При составленіи новаго тарифа, имѣли цѣлью уменьшить вывозъ звонкой монеты во Францію, за предметы роскоши, въ замѣнъ которыхъ мы не могли отпускать сухимъ путемъ русскихъ громоздкихъ произведеній, и вообще мы имѣли въ виду: *покупать меньше и продавать больше нежели прежде*. Князь Куракинъ, въ разговорѣ съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, сознавался, что „послѣдствіемъ нашего новаго тарифа будетъ уменьшеніе ввоза французскихъ товаровъ въ Россію“, но замѣтилъ, что „такое ограниченіе къ намъ ввоза касалось не одной лишь Франціи, но и всей Германіи, съ которою мы также находимся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ“. Когда-же Шампаньи сказалъ, что „Императору Наполеону не было предварительно сообщено о намѣреніи русскаго правительства — ввести новый тарифъ“, князь Куракинъ отвѣчалъ, что „нашъ Государь не считалъ нужнымъ извѣщать Императора Наполеона о мѣрахъ, касаю-

щихся ко внутреннему устройству своего государства, и къ тому-же — прибавилъ онъ — Императоръ Наполеонъ также не счелъ нужнымъ заранѣе увѣдомить Императора Александра о своемъ намѣреніи — присоединить къ Франціи ганзеатическіе города и прочія области сѣверной Германіи" ([31]).

Въ началѣ 1811 года, уже явно обнаруживалось враждебное расположеніе Наполеона къ Россіи. По мѣрѣ охлажденія къ Императору Александру, онъ высказывалъ благосклонность къ польскимъ выходцамъ проживавшимъ въ Парижѣ, старался привлечь на свою сторону Швецію, подавая шведскому правительству надежду возвращенія не только Финляндіи, но и остзейскихъ губерній, и манилъ Турокъ обѣщаніями содѣйствовать имъ въ отнятіи у Россіи Дунайскихъ Княжествъ, и даже Крыма. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пополнялъ свою армію новою конскрипціею, подъ предлогомъ (мнимаго) нерасположенія къ нему Россіи, посылалъ артиллерію и значительное число ружей въ герцогство варшавское, укрѣплялъ Данцигъ и усиливалъ гарнизонъ этой крѣпости. Съ нашей стороны укрѣпляли Ригу, приступили къ построенію новой крѣпости въ Бобруйскѣ ([32]); составлены изъ дивизій корпусы и изъ кавалерійскихъ полковъ особыя дивизіи ([33]); пѣхотнымъ полкамъ данъ новый составъ ([34]). Одна изъ дивизій стоявшихъ въ Финляндіи и пять дивизій Молдавской арміи были направлены къ западной границѣ. Многіе полагали, что еще въ 1811 году произойдетъ столкновеніе между вооруженными силами великихъ державъ сѣвера и запада. Но Императоръ Александръ тогда еще не окончилъ войны съ Турками и всячески старался избѣжать борьбы съ Наполеономъ; а Наполеонъ былъ озабоченъ нерѣшительною и дорого стоившею ему войною въ Испаніи. Оба могу-

что соперники, зная важность предстоявшей встрѣчи, медлили и продолжали вести между собою переговоры. Наполеонъ домогался совершеннаго преграждѣнія неутральнымъ судамъ входа въ наши гавани, отмѣны нашего новаго тарифа и согласія на вознагражденіе имъ предложенное герцогу ольденбургскому, а Императоръ Александръ желалъ, чтобы Наполеонъ утвердилъ конвенцію на счетъ Польши и совершенно удовлетворилъ его дядю за потерянныя имъ владѣнія. Съ этою цѣлью, въ началѣ 1811 года, былъ посланъ съ письмомъ Государя въ Парижъ флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ. Проѣздомъ чрезъ Стокгольмъ, гдѣ поручено было ему увѣрить шведское правительство „въ совершенномъ согласіи видовъ Россіи и Франціи", Чернышевъ слышалъ отъ Наслѣднаго принца (Бернадота), что Швеція, объявивъ, по желанію Наполеона, войну Англіи, была не въ силахъ вредить ей, и что правительство не могло исполнить требованія Франціи, на счетъ конфискаціи колоніальныхъ товаровъ находившихся въ странѣ, потому что подобныя мѣры были противны конституціи. Наполеонъ, узнавъ о томъ отъ Чернышева, сказалъ ему, что онъ предупреждалъ принца, какія непріятности ожидаютъ его, если ему неудастся отмѣнить конституцію; что не стоило труда управлять государствомъ со связанными руками, будучи рабомъ своенравнаго, буйнаго народа; что одна уже свобода печати была дѣломъ чудовищнымъ, совершенно противнымъ королевской власти. Когда Чернышевъ сталъ говорить о затруднительномъ положеніи Швеціи, гдѣ огромные магазины были завалены желѣзомъ, неимѣвшимъ сбыта, между тѣмъ какъ легко было предвидѣть недостатокъ въ соли, и въ особенности на соленье рыбы въ случаѣ успѣшнаго улова, Наполеонъ сказалъ: „дѣйстви-

ся къ Воронову, истребить стоявшіе тамъ два полка и отрѣзать отступленіе непріятельскому авангарду ([35]).

Беннигсенъ предполагалъ напасть на Мюрата съ разсвѣтомъ 5 (17) октября. Вышло иначе. Офицеръ, посланный изъ главной квартиры Коновницынымъ съ диспозиціею къ Ермолову, не могъ найти его во всемъ лагерѣ, потому что Ермоловъ въ тотъ день уѣхалъ на обѣдъ къ дежурному генералу 1-й арміи Кикину, въ селеніе, лежавшее въ трехъ верстахъ отъ лѣваго фланга лагеря ([36]). Между тѣмъ Кутузовъ отправился изъ Леташевки на дрожкахъ въ лагерь, гдѣ думалъ встрѣтить войска въ полной готовности къ выступленію, и весьма удивился, найдя много людей спящими, лошадей неосѣдланными; ни одно орудіе не было запряжено; никто изъ генераловъ не былъ на своемъ мѣстѣ. Фельдмаршалъ осыпалъ бранью перваго попавшагося ему на глаза офицера квартирмейстерской части Эйхена и отложилъ нападеніе на цѣлыя сутки, о чемъ сообщено было и Дорохову ([37]).

На основаніи диспозиціи, отданной Беннигсеномъ, ввѣренныя ему войска должны были, переправясь, ввечеру 5 (17) октября, у Спасскаго, двинуться черезъ лѣсъ тремя колоннами: *правая*, изъ 10-ти казачьихъ полковъ, съ одною конною батареей, и 20-го егерскаго полка, подъ начальствомъ графа Орлова-Денисова, была назначена для обхода мюратовой позиціи съ фланга и удара непріятелю въ тылъ, одновременно съ нападеніемъ *средней* колонны, изъ 2-го пѣхотнаго корпуса Багговута, на батарею, стоявшую впереди лѣваго крыла непріятельской позиціи, у деревни Тетеринки; *лѣвая* колонна, изъ 4-го пѣхотнаго корпуса и 2-й кирасирской дивизіи, подъ начальствомъ графа Остермана, должна была сохранять связь между двумя первыми колоннами и лѣвымъ

крыломъ арміи, а резервъ изъ корпусовъ 3-го пѣхотнаго, графа Строганова, и 1-го кавалерійскаго, Меллера-Закомельскаго, получилъ приказаніе слѣдовать за корпусомъ Багговута. Распоряженія Беннигсена были весьма основательны, но, какъ обыкновенно случается при сложныхъ дѣйствіяхъ, не могли быть исполнены въ точности. Ночной маршъ въ лѣсу значительныхъ силъ встрѣчалъ затрудненія на каждомъ шагу, и по тому былъ совершенъ медленнѣе, нежели ожидали: 2-й корпусъ, употребивъ для перехода менѣе 15-ти верстъ около 12-ти часовъ, прибылъ къ опушкѣ лѣса уже въ семь часовъ утра, а 4-й корпусъ, долженствовавшій двигаться на одной высотѣ со 2-мъ, находился далеко назади: вмѣсто дебушированія войскъ изъ лѣса подъ покровомъ ночи, пришлось вывести ихъ на поляну днемъ и строить въ боевой порядокъ подъ огнемъ непріятельской батареи. Между тѣмъ графъ Орловъ-Денисовъ, достигнувъ еще до разсвѣта лѣса въ тылу непріятеля, оставался тамъ въ ожиданіи выхода на поляну прочихъ нашихъ войскъ. Когда-же совершенно разсвѣло, онъ, опасаясь быть открытымъ, кинулся въ атаку. Казаки съ громкимъ гикомъ опрокинули три полка (1-й и 2-й карабинерные и 1-й кирасирскій) за Рязанскій оврагъ и захватили 38 орудій. Нападеніе было такъ быстро, такъ неожиданно, что на бивачныхъ огняхъ найдены кофейники съ горячимъ кофе и разные съ ними котлы съ дымившеюся пищею. Ужасъ и негодованіе объяли казаковъ при видѣ большихъ иконъ, служившихъ нечестивцамъ вмѣсто столовъ и стульевъ. Нѣсколько минутъ спустя, принцъ Евгеній Виртембергскій, вышедъ изъ лѣса съ Тобольскимъ полкомъ, повелъ его на непріятеля, а Багговутъ, съ 4-мъ и 48-мъ егерскими полками, также двинулся противъ Французовъ; но едва лишь

его войска появились на полянѣ, какъ были встрѣчены огнемъ батареи стоявшей у Тетеринки и понесли большой уронъ. Самъ мужественный Багговутъ былъ пораженъ смертельно однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ. Егеря разсыпались и продолжали наступать густою цѣпью, не поддержанною резервами. Французскіе карабинеры, пользуясь тѣмъ, кинулись на 48-й полкъ и изрубили многихъ егерей. Беннигсенъ, прибывъ на сей пунктъ, ограничился оборонительными дѣйствіями и приказалъ графу Строганову, (вмѣсто движенія вправо, для подкрѣпленія 2-го корпуса и обхода Французовъ съ фланга), направиться влѣво, для замѣны неприбывшаго въ пору 4-го корпуса. Когда-же наконецъ графъ Остерманъ вывелъ свои войска изъ лѣса и построилъ ихъ лѣвѣе 3-го корпуса, у насъ было собрано противъ лѣваго крыла мюратовой позиціи 46 баталіоновъ, но тогда уже непріятель отступалъ на всѣхъ пунктахъ, и только шесть баталіоновъ, Тобольскаго, 4-го и 20-го егерскихъ полковъ, подъ начальствомъ принца Евгенія, успѣли принять участіе въ дѣлѣ. Здѣсь въ особенности отличился 20-й егерскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Горихвостова, атаковавшій съ пѣснями непріятельскую батарею. Графъ Орловъ-Денисовъ съ казаками и Меллеръ-Закомельскій съ регулярною конницею настигли у Богородскаго кавалерію Латуръ-Мобура и Валанса, опрокинули французскихъ кирасиръ и преслѣдовали непріятеля до Спасъ-Купли. На лѣвомъ крылѣ, гдѣ находился самъ фельдмаршалъ, войска, подойдя къ Чернишнѣ, получили приказаніе остановиться. Милорадовичъ, съ пѣхотными корпусами 2-мъ и 4-мъ и съ кавалеріей Васильчикова и Корфа, расположился у Богородскаго; прочія-же войска къ вечеру отошли въ тарутинскій лагерь. Тогда-же Мюратъ, отступивъ къ

тузова въ умышленномъ неподдержанiи его главными силами въ дѣлѣ при Тарутинѣ и въ пагубномъ бездѣйствiи армiи, несмотря на всѣ представленiя, которыя — по увѣренiю Беннигсена — были имъ сдѣланы главнокомандующему. При этомъ, Беннигсенъ, выставляя Кутузова сибаритомъ, утопавшимъ въ нѣгѣ и роскоши, вошелъ въ подробности домашней жизни его до того, что упомянулъ о находившейся—будтобы — при немъ молодой дѣвушкѣ, переодѣтой казачкомъ, и проч. Но Императоръ Александръ, необративъ никакого вниманiя на этотъ низкiй доносъ, послалъ фельдмаршалу письмо Беннигсена, слѣдствiемъ чего было удаленiе его изъ армiи (43).

По прибытiи генерала Тормасова въ главную квартиру, 8 (20) октября, ему было ввѣрено начальство надъ корпусами: 3-мъ, 5-мъ, 6-мъ, 7-мъ и 8-мъ пѣхотными, 1-мъ кавалерiйскимъ и обѣими кирасирскими дивизiями, соединенными подъ командою князя Голицына; а Милорадовичъ, по прежнему, командовалъ авангардомъ, изъ 2-го пѣхотнаго корпуса, ввѣреннаго князю Долгорукову, (бывшему посланнику въ Неаполѣ), 4-го пѣхотнаго корпуса, Остермана, и кавалерiйскихъ корпусовъ: 2-го, Корфа, и 4-го, Васильчикова (44).

Въ началѣ (въ половинѣ) октября, Наполеонъ собралъ въ Москву корпусы Нея, Даву и дивизiю Дельзона (корпуса вице-короля); Старой гвардiи велѣно быть въ готовности къ выступленiю. Остальныя войска вице-короля были направлены по новой калужской дорогѣ къ Фоминскому и по можайской дорогѣ. Наполеонъ ежедневно дѣлалъ смотры различнымъ частямъ армiи. 6 (18) октября, около полудня, онъ смотрѣлъ въ Кремлѣ корпусъ Нея. Съ ранняго утра слышна была канонада въ авангардѣ. Внезапно прискакалъ адъютантъ Мюрата Беранжѐ (Bé-

въ Германію, привлечь на свою сторону Пруссію и побудить къ возстанію всѣ народы, угнетенные Наполеономъ; во 2-хъ, воспользоваться готовностью Наполеона къ продолженію переговоровъ и стараться, чтобы онъ уступилъ Данцигъ съ округомъ, въ замѣнъ Ольденбурга, и очистилъ три прусскія крѣпости, занятыя французскими войсками, что̀ моглобы служить ручательствомъ, въ отношеніи къ Польшѣ, и въ 3-хъ, продолжать переговоры, чтобы выиграть время, въ ожиданіи еще большаго ослабленія наполеоновыхъ силъ войною въ Испаніи *) ([36]).

Между тѣмъ неблагопріятный для Французовъ ходъ дѣлъ на Пиренейскомъ полуостровѣ заставилъ Наполеона выказать расположеніе къ миру съ Россіей и отправить генерала Лористона въ Петербургъ, на мѣсто Коленкура, котораго онъ давно уже былъ намѣренъ отозвать за то, что, по словамъ Наполеона, онъ „сдѣлался Русскимъ.“ Дѣйствительною-же причиною неудовольствія Наполеона было то, что Коленкуръ постоянно увѣрялъ его въ миролюбіи русскаго правительства, чему онъ не хотѣлъ вѣрить, уже рѣшась вести войну съ Императоромъ Александромъ. Незадолго передъ отозваніемъ Коленкура, Наполеонъ приказалъ написать ему, что „французское правительство никогда не было такъ наклонно къ миру, какъ въ настоящее время, и что армія не будетъ усилена.“ Получивъ эту депешу, Коленкуръ тотчасъ сообщилъ ее лично Императору Александру. Государь, имѣя неоспоримыя доказательства, что Наполеонъ дѣятельно готовился къ войнѣ, отвѣчалъ на увѣренія Коленкура: „это противно всѣмъ получен-

---

*) Императоръ Александръ, по поводу этихъ мыслей Чернышева, Собственноручно сдѣлалъ замѣчаніе: «Pourquoi n'ai-je pas beaucoup de ministres comme ce jeune homme?» (Почему у меня нѣтъ многихъ министровъ, подобныхъ этому молодому человѣку?).

нымъ мною свѣдѣніямъ, господинъ герцогъ, но ежели вы скажете мнѣ, что этому вѣрите, то и я измѣню свое убѣжденіе." Такое кроткое воззваніе къ честности благороднаго человѣка побѣдило скрытность дипломата: Коленкуръ всталъ, взялъ свою шляпу, поклонился почтительно Государю и ушелъ, не сказавъ ни слова (37). Въ другой разъ, получивъ изъ Парижа какую-то депешу, онъ проговорился одной изъ своихъ знакомыхъ: „бываютъ минуты, когда честный человѣкъ желаетъ смерти" (il y a des moments où un honnête homme voudrait être mort) (38).

Въ послѣднее время пребыванія Коленкура при нашемъ дворѣ, Императоръ Александръ, не видя большой надобности скрывать истину, а, можетъ быть, и желая выказать, что его нельзя было застать врасплохъ, сознался французскому посланнику, что онъ дѣйствительно готовится къ войнѣ. „Но я приступилъ къ тому не прежде, сказалъ Государь, какъ получивъ вѣрныя свѣдѣнія о приведеніи въ оборонительное состояніе Данцига, объ усиленіи Торна, о довершеніи укрѣпленій Модлина, объ увеличеніи арміи Даву и данцигскаго гарнизона; о приказаніи данномъ Полякамъ и Саксонцамъ, быть готовыми къ выступленію. Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, я повелѣлъ соорудить укрѣпленія, но не впереди, а позади границъ моей Имперіи, на Двинѣ и Днѣпрѣ: въ Ригѣ, Динабургѣ, Бобруйскѣ, Кіевѣ, то есть, почти въ такомъ-же разстояніи отъ Нѣмана, въ какомъ отъ Парижа — Страсбургъ. Ежели-бы вашему государю вздумалось укрѣпить Парижъ, могъ-ли-бы я на то жаловаться? Я не вывелъ изъ Финляндіи цѣлыхъ дивизій, а только возвратилъ въ дивизіи, расположенныя въ Литвѣ, полки дѣйствовавшіе противъ Шведовъ, — преобразовалъ гарнизонные баталіоны въ линейныя войска, — измѣнилъ организацію моихъ

когносцировку по старой калужской дорогѣ, чтобы узнать настоящее направленіе стоявшихъ противъ него войскъ, и — въ случаѣ передвиженія Мюрата на новую калужскую дорогу — отрядить, для наблюденія за нимъ, казаковъ, а съ прочими войсками слѣдовать за арміею къ Малоярославцу. Главныя силы немедленно изготовились къ походу, но выступили изъ лагеря уже вечеромъ, вѣроятно по тому, что фельдмаршалъ не рѣшался перейти на новую калужскую дорогу, изъ опасенія открыть непріятелю путь по старой дорогѣ къ Калугѣ. Но какъ только въ главной квартирѣ получено было донесеніе Милорадовича, объ отступленіи на разсвѣтѣ 11 (23) французскихъ постовъ изъ Воронова, то армія немедленно двинулась къ Малоярославцу (55).

Въ продолженіи трехъ-недѣльной стоянки въ Тарутинскомъ лагерѣ, русская армія получила значительныя подкрѣпленія, и въ числѣ ихъ 26 казачьихъ полковъ съ полуротою донской артиллеріи. Эти полки, двигаясь въ нѣсколькихъ эшелонахъ, по 60-ти верстъ въ сутки, успѣли собраться при Тарутинѣ къ 11-му (23-му) октября. Армія, при вступленіи въ Тарутинскій лагерь, считавшая въ рядахъ только около 60-ти тысячъ регулярныхъ войскъ, усилилась ко времени возобновленія дѣйствій до 97-ми тысячъ (56), не считая слишкомъ 20-ти тысячъ казаковъ, именно:

Пѣхоты	76,629	чел.
Кавалеріи	10,711	„
Артиллеріи, при 622-хъ орудіяхъ	8,959	„
Піонеровъ	813	„
Всего . .	97,112	чел.

Наполеонъ, 11 (23) октября, убѣдясь, изъ сдѣланной имъ наканунѣ рекогносцировки и полученныхъ

въ мои гавани, потому что я не могу обойтиться совершенно безъ торговли, и что, по условіямъ Тильзитскаго договора, я обязанъ къ соблюденію, не берлинскаго и миланскаго декретовъ, а уставовъ, руководствующихъ въ сношеніяхъ съ неутральными государствами; я держусь этихъ уставовъ точнѣе нежели Франція; что-же касается до приготовленій моихъ, то я готовъ отмѣнить ихъ, если только взаимно условимся прекратить вооруженія". Государь, прощаясь съ Коленкуромъ, просилъ его довести до свѣдѣнія Наполеона всю истину. „Повторите и вы, въ свою очередь, все, что̀ отъ меня слышали — сказалъ онъ Лористону. Но вамъ не повѣрятъ, какъ не вѣрили и вашему предмѣстнику. Скажутъ, что я обольстилъ, обманулъ васъ, и что вы изъ Француза сдѣлались Русскимъ."

И Лористонъ, точно также, какъ и Коленкуръ, доносилъ своему правительству, что Императоръ Александръ вовсе не желаетъ войны и ни въ какомъ случаѣ не будетъ ея зачинщикомъ. „Я могу видѣть и доносить только то, что̀ вижу — писалъ Лористонъ. — Я излагаю дѣло въ настоящемъ видѣ, и ежели мы не останемся довольны тѣми уступками, которыя возможны, то будемъ воевать, потому что сами искали войны и — сколько я имѣлъ случай замѣтить — война эта будетъ тяжкая".

Всѣ эти увѣренія не могли поколебать рѣшимости Наполеона, вести войну съ Россіею, и только убѣдили его въ томъ, что Русскіе не станутъ дѣйствовать наступательно, и что онъ можетъ отложить открытіе дѣйствій до слѣдующаго года ([41]).

Князь Куракинъ, отвѣчая на неоднократный вызовъ герцога Кадорскаго — объявить, какое именно вознагражденіе за Ольденбургъ желаетъ наше правительство, сообщилъ новому министру Марѐ, соб-

строиться въ огородахъ, не далѣе пятидесяти шаговъ отъ нашей позиціи, но нѣсколько выстрѣловъ картечью заставили непріятеля укрыться въ Малоярославцѣ. Посланные въ подкрѣпленіе нашимъ егерямъ, Софійскій и Либавскій полки, по распоряженію Ермолова, пошли въ штыки, съ незаряженными ружьями, безъ обычнаго крика „ура!“ Непріятель былъ оттѣсненъ къ мосту, но строенія, занятыя у входа въ Малоярославецъ стрѣлками, доставили Французамъ опорный пунктъ, въ видѣ редюита. Нѣсколько разъ наши войска врывались въ Малоярославецъ и снова отступали, будучи разстроены ружейнымъ огнемъ открытымъ имъ въ тылъ; но наконецъ заняли большую часть города. Вице-король былъ принужденъ поддержать сражавшіяся дивизіи свѣжими войсками. Дивизія Пинò, во всю кампанію не бывшая въ дѣлѣ, устремилась въ бой съ необыкновеннымъ жаромъ; въ головѣ колоннъ шли офицеры генеральнаго штаба, знатнѣйшихъ италіянскихъ фамилій. Непріятели, съ восклицаніями: „да здравствуетъ Императоръ!“ бѣгомъ взошли на высоту и ворвались въ городъ, но многіе изъ нихъ пали жертвами минутнаго успѣха; въ числѣ убитыхъ были генералъ Левьè и братъ тогда-же раненаго генерала Пинò. Въ первомъ часу вице-король ввелъ въ дѣло италіянскую гвардію; съ нашей стороны, по распоряженію Ермолова, войска занимавшія городъ были подкрѣплены 11-мъ егерскимъ и Вильманстрандскимъ полками. Пока наши войска оставались въ Малоярославцѣ, непріятель не могъ развернуть своихъ силъ; какъ только Французы взбирались на вершину высоты, то были встрѣчаемы сильнымъ огнемъ артиллеріи, расположенной въ полѣ противъ города, неимѣя возможности отвѣчать намъ, потому что для этого надлежало провезти батареи чрезъ городъ.

зано мнѣ своимъ существованіемъ. Не смотря на всѣ ваши увѣренія, Россія стремится овладѣть имъ (elle veut l'engloutir), но я не дамъ въ Польшѣ ничего.... ничего.

„Я не хочу воевать съ вами — продолжалъ Наполеонъ — но вы сами вызываете меня. Къ чему ведетъ протестъ, посланный вашимъ правительствомъ всѣмъ дворамъ европейскимъ? Не постигаю вашей политики: Россія воюетъ съ Англіею, воюетъ съ Турціею и враждуетъ съ Франціею. Самъ Императоръ Александръ объявилъ графу Лористону, что вы готовитесь къ войнѣ, и объявилъ тогда, когда я и не помышлялъ о разрывѣ съ вами. Находясь въ сомнѣніи, я по неволѣ долженъ принять мѣры предосторожности. Я также ставлю армію на военную ногу; мнѣ это стоитъ уже сто милліоновъ, но я не прекращу своихъ приготовленій годъ, два, три, пока не рѣшу съ вами всѣхъ спорныхъ вопросовъ.

„Вы повредили себѣ самимъ, уменьшивъ дѣйствующую армію въ Турціи, и отнявъ, чрезъ то, у себя возможность заключить выгодный миръ съ Турками. Ослабивъ свою армію пятью дивизіями, выведенными изъ Валахіи, вы не могли не только дѣйствовать наступательно, но оборонять даже съ успѣхомъ длинную линію по Дунаю отъ Виддина до Чернаго моря. За чѣмъ вы очистили Рущукъ, занятіе котораго, въ видѣ мостоваго укрѣпленія, и маневрированіе на обѣихъ сторонахъ рѣки были единственными средствами къ оборонѣ Валахіи? Истинное искусство обороны состоитъ въ умѣньѣ переходить къ наступленію.

„Повторяю еще, что не хочу ни воевать съ вами, ни возстановлять Польшу. Но, въ случаѣ войны, если успѣхъ будетъ на моей сторонѣ, то первымъ слѣдствіемъ его будетъ самобытность Польши.

„Я призвалъ къ оружію конскриптовъ, усилилъ полки мои новыми баталіонами, увеличилъ данцигскій гарнизонъ. Въ ноябрѣ буду имѣть 200 тысячъ человѣкъ, кромѣ 80 тысячъ посланныхъ на укомплектованіе арміи въ Испанію; въ будущемъ году наберу 200 тысячъ конскриптовъ, не считая войскъ Рейнскаго союза и герцогства варшавскаго; черезъ два года, могу выставить противъ васъ 600 тысячъ. Вы надѣетесь на союзниковъ вашихъ..... гдѣ они? Не на Австрійцевъ-ли, съ которыми вели войну въ 1809 году и у коихъ взяли область при заключеніи мира?... Не на Шведовъ-ли, у которыхъ отняли Финляндію?... Не на Пруссію-ли, отъ которой отторгли часть владѣній, не смотря на то, что были съ нею въ союзѣ? Пора намъ кончить наши споры. Императоръ Александръ и графъ Румянцовъ будутъ отвѣчать предъ лицемъ свѣта за всѣ бѣдствія, могущія постигнуть Европу въ случаѣ войны..... Легко начать войну, но трудно опредѣлить, когда и чѣмъ она кончится..... Напишите вашему Императору о всемъ, что отъ меня слышали. Я увѣренъ, что онъ обсудитъ, какъ слѣдуетъ, общее наше дѣло" (43).

Императоръ Александръ, получивъ донесеніе о неожиданной выходкѣ Наполеона, приказалъ канцлеру написать князю Куракину, что это не охладитъ дружественныхъ отношеній Россіи къ французскому правительству, которыя останутся неизмѣнными, но что Государь съ удивленіемъ и прискорбіемъ замѣтилъ выраженіе наполеоново: будтобы Онъ желаетъ пріобрѣсть Данцигъ, либо другую часть герцогства варшавскаго. Императоръ Александръ приказалъ объявить опредѣлительно, что онъ нисколько не думаетъ о присвоеніи какой-либо части герцогства, и что, не помышляя о распространеніи границъ своей Имперіи, заботится только объ ея

спокойствіи и благосостояніи. Далѣе было писано, что послѣдній рекрутскій наборъ, по 4 человѣка съ 500 душъ, имѣлъ цѣлью не увеличеніе арміи, а только пополненіе убыли ея въ войнахъ съ Турками и Персіянами и въ слѣдствіе повальныхъ болѣзней. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщено объ отправленіи обратно въ Англію нѣсколькихъ кораблей прибывшихъ въ Петербургъ съ селитрою, не смотря на то, что мы имѣли въ ней большую нужду (44).

Императоръ Александръ отклонилъ предложеніе берлинскаго двора, который, будучи озабоченъ вооруженіями своихъ сосѣдей, предлагалъ посредничество между Россіею и Франціей. По этому поводу, Государь повелѣлъ сообщить тюильрискому кабинету, что онъ не придаетъ важности недоразумѣніямъ съ французскимъ правительствомъ, и по тому отказался отъ посредничества Пруссіи (45). Наполеонъ, впослѣдствіи пользуясь откровеннымъ объясненіемъ Императора Александра, сказалъ прусскому посланнику генералу Круземарку, будтобы нашъ Государь отозвался насмѣшливо (avec dérision) о предложенномъ Пруссіей посредничествѣ. Императоръ Александръ также не принялъ посредничества Австріи, находя его несовмѣстнымъ съ дружескими отношеніями Россіи къ Франціи. Наполеонъ, говоря о томъ съ Круземаркомъ, сказалъ: „вообще кажется, что въ настоящее время Россія съ Австріей находятся въ весьма холодныхъ отношеніяхъ; по неволѣ подумаешь, что въ нашъ вѣкъ недовѣряютъ ближайшимъ друзьямъ своимъ". (Il parait en général que dans ce moment-ci il regne beaucoup de froideur dans les relations de la Russie avec l'Autriche: on dirait que dans le siècle où nous vivons, le amis les plus naturels et les plus directs ne sauraient s'inspirer d'autres sentimens que ceux de la méfiance) (46).

залъ ему: „ступайте, любезный генералъ, и распорядитесь, какъ мною сказано“ (64).

Въ ночи съ 12-го на 13-е (съ 24-го на 25-е) октября, Наполеонъ возвратился въ Городню и долго совѣщался съ Бертье, Мюратомъ и Бессьеромъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. На слѣдующее утро, узнавъ, что наша армія оставалась въ занятой наканунѣ позиціи, и что въ ночи было слышно, вправо отъ большой дороги, движеніе кавалеріи, по всей вѣроятности посланной къ Медыни, онъ снова призвалъ къ себѣ на совѣтъ сперва Мюрата, потомъ Бессьера, и наконецъ Мутона (графа Лобау), которому оказывалъ большое довѣріе. Первые два, хотя и изъявляли надежду одержать побѣду надъ неустроенными, по ихъ мнѣнію, русскими ополченіями, однакоже совѣтовали уклониться отъ боя и отступать къ Смоленску. „А вы, что думаете?“ спросилъ Наполеонъ Мутона. „Отступать по кратчайшей и извѣстнѣйшей дорогѣ на Можайскъ къ Нѣману, и какъ можно поспѣшнѣе — какъ можно поспѣшнѣе“, повторилъ Мутонъ нѣсколько разъ. Наполеонъ отвѣчалъ, что онъ осмотритъ поле сраженія, прежде нежели рѣшитъ дѣло, и тотчасъ-же отправился по дорогѣ въ Малоярославецъ (65).

Между тѣмъ Платовъ, исполняя данное ему порученіе — сдѣлать поискъ въ тылу непріятеля, перевелъ въ ночи черезъ Лужу, по плотинѣ и мосту у мельницы, въ пяти верстахъ выше Малоярославца, шесть казачьихъ полковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Иловайскаго 3-го, и егерей 20-го полка, которыми занялъ лѣсъ для прикрытія обратной переправы. Казаки, въ трехъ партіяхъ, устремились на боровскую дорогу, отбили у Городни паркъ въ сорокъ гвардейскихъ орудій, изъ коихъ успѣли увезти только одиннадцать, и едва-было незахватили са-

сланника. Тогда-же Дюранъ и генералъ Эксельманъ вызвали на поединокъ князя Долгорукова, который имѣлъ намѣреніе выждать прибытіе на свое мѣсто другаго резидента, а потомъ выдти на дуэль по очереди съ обоими Французами. Но когда состоявшій при посольствѣ камеръ-юнкеръ Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ, поссорясь съ Эксельманомъ, вызвалъ его на дуэль и противники положили рѣшить дѣло неотлагательно, князь Долгоруковъ счелъ должнымъ немедленно дать удовлетвореніе Дюрану. Слѣдствіемъ того была одновременная встрѣча Долгорукова и Бенкендора съ Дюраномъ и Эксельманомъ, въ 7 часовъ утра, въ Пуццоле, у храма Сераписа. Дрались на шпагахъ; секундантомъ Русскихъ былъ единственный нашъ туристъ, тогда находившійся въ Неаполѣ, баронъ Григорій Александровичъ Строгановъ; секундантомъ Французовъ баронъ Форбенъ (Forbin). Всѣ участвовавшіе въ обоихъ поединкахъ, будучи ранены, помирились между собою (47).

Нерасположеніе къ Наполеону и Французамъ въ Россіи, возникшее со временъ Аустерлица и Тильзита, проявлялось во всѣхъ народныхъ сословіяхъ. За исключеніемъ немногихъ галломановъ, воспитанныхъ иностранцами, вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, ненавидѣла Наполеона и радовалась его неудачамъ въ Испаніи. Вѣсти о несогласіяхъ нашего правительства съ Наполеономъ ходили въ образованномъ кругу, жадно ловились публикою, проникали въ массу народа и были встрѣчаемы съ такимъ-же восторгомъ, какъ извѣстія объ успѣхахъ русскаго оружія въ Турціи (48). Одни желали войны съ Франціей, надѣясь поквитаться за Аустерлицъ и Фридландъ; другіе, напуганные постоянными неудачами европейскихъ коалицій, видя большую часть

Европы подъ пятою Наполеона, отчаявались въ успѣхѣ, но всѣ одинаково стремились выдти изъ тягостнаго положенія, въ которое были поставлены почти совершеннымъ прекращеніемъ торговли, упадкомъ курса, дороговизною необходимѣйшихъ предметовъ, чрезвычайными налогами, усиленными наборами. Одни порицали Румянцова и самаго Императора Александра, упрекая ихъ въ пристрастіи къ Наполеону и Франціи. Другіе оправдывали правительство невозможностью противиться завоевателю, побѣждавшему всѣхъ враговъ своихъ. Ненавидя Наполеона, какъ виновника золъ постигшихъ Россію, приписывали ему всѣ невзгоды: винили его клевретовъ въ пожарахъ городовъ, въ распространеніи фальшивыхъ ассигнацій*). Появившаяся осенью 1811-го года огромная комета была, во мнѣніи многихъ, провозвѣстницею новыхъ неслыханныхъ бѣдствій. Опасаясь нашествія на Россію Наполеона, во главѣ покоренныхъ имъ народовъ, думали видѣть въ немъ духа тьмы Аполліона, гонителя церкви Христовой. Въ такихъ ожиданіяхъ русскій народъ встрѣтилъ роковой, вѣчно славный, 1812 годъ.

---

*) Это обвиненіе было не безъ основанія: одинъ изъ наиболѣе заслуживающихъ довѣріе современныхъ историковъ, Бернгарди пишетъ, что Наполеонъ заплатилъ Королю Саксонскому шесть милліоновъ талеровъ долга фальшивыми русскими ассигнаціями, которыя въ послѣдствіи были захвачены нашими войсками въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ. (Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. Zw. Aufl. I. 248.)

селились на правый берегъ Оки. Еще болѣе страха навело на нихъ отступленіе нашей арміи ([71]). Фельдмаршалъ, оставя подъ Малоярославцемъ Милорадовича, съ корпусами: 2-мъ и 4-мъ пѣхотными, 2-мъ и 4-мъ кавалерійскими, и казачьими полками Карпова, отвелъ прочія войска къ Гончарову и перенесъ свою главную квартиру въ Детчино ([72]). Наполеонъ, получивъ, 14 (26) въ девять часовъ утра, донесеніе объ отступленіи нашихъ передовыхъ войскъ, удовольствовался тѣмъ, что честь его оружія была сохранена уклоненіемъ Кутузова отъ боя, и сталъ отступать по можайской дорогѣ. Войска, собранныя у Малоярославца, были отведены къ Боровску, подъ прикрытіемъ корпуса Даву и части резервной кавалеріи. Тогда-же посланы приказанія: Нею, съ его корпусомъ и обозами стоявшими у Боровска, перейти къ Вереѣ, и на слѣдующій день — къ Можайску; Понятовскому — расположиться у Егорьевскаго, для прикрытія съ фланга движенія арміи, а потомъ отступать къ Гжатску; маршалу Мортье и Клапареду — ускорить движеніе къ Можайску; Жюно — идти къ Вязьмѣ; отряду Эверса, шедшему изъ Вязьмы въ Юхновъ, возвратиться въ Вязьму ([73]). Такимъ образомъ обѣ арміи, въ одно и тоже время, отступали въ противоположныя стороны.

Фельдмаршалъ, получивъ донесеніе Милорадовича объ отступленіи Наполеона по боровской дорогѣ, поручилъ преслѣдованіе его Платову, съ казачьими полками и легкими отрядами, а самъ съ главными силами оставался болѣе сутокъ у Гончарова и Детчина. Между тѣмъ въ главную квартиру пришло извѣстіе — будтобы непріятель двинулся отъ Боровска и Вереи къ Медыни, что̀ заставило фельдмаршала, утромъ 15-го (27-го), выслать генерала Паскевича, съ 26-ю дивизіей и Нѣжинскими драгу-

нами, чрезъ Полотняные заводы, на медынскую дорогу, и выступить съ арміей, въ ночи на 16-е (28-е), къ Полотнянымъ заводамъ. Милорадовичъ съ авангардомъ получилъ приказаніе идти прямо къ Медыни, но будучи введенъ въ заблужденіе извѣстіемъ о движеніи всей наполеоновой арміи къ этому городу, направился къ Адамовскому, (на половинѣ дороги между Полотняными заводами и Медынью) (74). Извѣщая графа Витгенштейна о сраженіи при Малоярославцѣ, фельдмаршалъ писалъ ему: „Непріятель, по видимому, беретъ направленіе обратно къ Боровску, пробираясь фланговымъ маршемъ къ Гжатску. Полагаю ему нанести величайшій вредъ параллельнымъ движеніемъ и наконецъ дѣйствовать на его операціонную линію“ (75). Слѣдовательно — Кутузовъ, еще находясь въ Полотняныхъ заводахъ, имѣлъ намѣреніе преслѣдовать непріятеля съ фланга, заставя его обратиться на опустошенную можайскую дорогу и направя наши войска по другимъ путямъ, представлявшимъ болѣе средствъ для арміи.

Одновременно съ прибытіемъ князя Кутузова къ Полотнянымъ заводамъ, Наполеонъ вышелъ на большую смоленскую дорогу. При движеніи французской арміи чрезъ Верею, присоединились къ ней корпусъ Понятовскаго и отрядъ Мортье (76). Тамъ представлены были Наполеону генералъ-адъютантъ Винцингероде и ротмистръ Нарышкинъ, захваченные при оставленіи непріятелемъ Москвы. На канунѣ сраженія при Тарутинѣ и въ слѣдующіе дни, казаки отряда Винцингероде, дѣлая поиски въ окрестностяхъ Москвы, захватили множество плѣнныхъ, отъ коихъ узнали о выступленіи оттуда Наполеона и о приказаніи взорвать Кремль, данномъ маршалу Мортье. 10 (22) октября, Винцингероде, поручивъ временно свой отрядъ генералъ-маіору (Александру

Христ.) Бенкендорфу, отправился въ Москву, въ видѣ парламентера, съ ротмистромъ Изюмскаго гусарскаго полка Нарышкинымъ; впереди ихъ ѣхалъ, вмѣсто трубача, казакъ съ навязаннымъ на пику бѣлымъ платкомъ. Но наши парламентеры были задержаны Французами и препровождены къ Мортье, который приказалъ отправить ихъ въ главную квартиру. 11 (23) октября выступилъ изъ Москвы Мортье, а въ самую полночь запылалъ кремлевскій арсеналъ и вскорѣ за тѣмъ раздалось послѣдовательно семь взрывовъ: такъ простились наполеоновы полчища съ разоренною ими Москвою! На слѣдующій день, утромъ, генералъ-маіоръ Иловайскій 4-й, оставшійся старшимъ въ отрядѣ Винцингероде, вошелъ въ городъ съ Лейбъ-казаками и казачьими полками своимъ и Перекопскимъ татарскимъ. Наполеонъ, озлобленный неудачею покушенія на Калугу, угрожалъ разстрѣляніемъ генералу Винцингероде, какъ бывшему подданному одного изъ владѣній Рейнскаго Союза (77). Императоръ Александръ, узнавъ о томъ, писалъ князю Кутузову:

„Князь Михаилъ Иларіоновичъ! Вы должны конечно уже быть извѣщены, по рапортамъ генералъ-маіора Иловайскаго 4-го, о несчастномъ приключеніи, случившемся съ генералъ-адъютантомъ барономъ Винцингероде. Даже Турки и азіатскіе народы умѣютъ уважать выѣзжающихъ на переговоры. Но, кажется, всѣ правила, доселѣ свято чтимыя и во время самой революціонной войны соблюдаемыя, нынѣ презрѣны и уступили мѣсто жестокому своеволію Наполеона. Если вы до полученія сего повелѣнія не требовали обратно генерала Винцингероде, захваченнаго, невзирая на переговорный знакъ, который онъ имѣлъ въ рукахъ, предписываю вамъ послать нарочнаго парламентёра съ изъясненіемъ, что онъ взятъ про-

тивъ всѣхъ правилъ въ войнѣ соблюдаемыхъ и что слѣдуетъ его возвратить. Если-же онъ, не взирая на справедливость, почитаться будетъ плѣннымъ, то предложите его вымѣнять на аванпостахъ въ назначенный часъ на генерала Ферріера. Но буде-бы, паче чаянія, злость Наполеона простерлась на лишеніе жизни генерала Винцингероде, то объявите, что за сохраненіе его будетъ отвѣчать жизнь генерала Ферріера, котораго передъ аванпостами и прикажите разстрѣлять непремѣнно, если вы узнаете отъ посланнаго отъ васъ, что генерала Винцингероде уже въ живыхъ нѣтъ, и тогда дайте знать въ непріятельскій лагерь, что впредь пять Французовъ будутъ отвѣчать за одного носящаго россійскій мундиръ и лишеннаго жизни, начиная всегда съ старшихъ чиномъ изъ имѣющихся у насъ плѣнныхъ. Прикажите также вытребовать, или, по крайней мѣрѣ, размѣнять Изюмскаго гусарскаго полка ротмистра Нарышкина, захваченнаго вмѣстѣ съ барономъ Винцингероде.

„С.-Петербургъ. 18 октября 1812 года".

Кутузовъ, получивъ сей Высочайшій рескриптъ, отнесся къ Бертье съ требованіемъ объ освобожденіи генерала Винцингероде и ротмистра Нарышкина ([78]), но они въ это время уже были отправлены чрезъ Смоленскъ.

18 (30) октября, когда Наполеонъ съ главными силами арміи уже миновалъ Гжатскъ, Кутузовъ, продолжая двигаться по прежнему направленію, пришелъ въ Кременское; тогда-же Милорадовичъ, достигнувъ Егорьевскаго, соединился съ отрядомъ Паскевича и съ казаками Карпова; особые отряды были посланы къ Вереѣ, Можайску и по кратчайшему пути къ Смоленску. Фельдмаршалъ неповернулъ тот-

часъ къ Вязьмѣ, раздѣляя общее убѣжденіе, будто-бы Наполеонъ двинется отъ Гжатска, на Сычевку и Бѣлой, къ Двинѣ; но получивъ отзывъ состоявшаго при авангардѣ Милорадовича, генерала Ермолова, что наши главныя силы могутъ идти прямо на Вязьму, будучи совершеннно прикрыты авангардомъ направленнымъ къ Гжатску, выступилъ, 19 (31) октября, отъ Кременскаго къ Вязьмѣ ([79]).

Жребій былъ брошенъ! Непріятель отступалъ по опустошенной смоленской дорогѣ...... Русскіе сдѣлали первый шагъ къ Парижу.

неоставлю васъ, какъ вы въ письмѣ своемъ изъяснили, но выгоды собственныя ваши и вашихъ подданныхъ буду наблюдать какъ мои, зная, что милосердіе всемилостивѣйшаго Государя и ангело-подобнаго Императора безпредѣльно. Все старое забудемъ и останемся на вѣчныя времена друзьями“......

Въ условленный день для сдачи крѣпости, 8 (20) февраля, князь Циціановъ, съ конвоемъ изъ 200 человѣкъ, назначенныхъ для занятія Баку, подъѣхалъ къ колодцу, въ полуверстѣ отъ крѣпости, гдѣ ожидали его городскіе старшины съ ключами отъ воротъ и съ хлѣбомъ-солью. Циціановъ, принялъ хлѣбъ-соль и возвратилъ ключи, изъявивъ желаніе получить ихъ отъ самаго хана. Немедленно выѣхалъ изъ крѣпости Гуссейнъ-Кули-ханъ въ сопровожденіи пяти бековъ. Какъ только князь Циціановъ завидѣлъ его, то поѣхалъ къ нему на встрѣчу съ подполковникомъ княземъ Эристовымъ и однимъ казакомъ, оставя конвой у колодца. Но едва лишь они приближались къ бакинскимъ всадникамъ, какъ, по знаку, поданному ханомъ, состоявшіе въ его свитѣ беки выстрѣлили въ Циціанова и Эристова и стали рубить ихъ саблями; только одинъ казакъ успѣлъ ускакать. Въ ту-же минуту раздался съ крѣпостной стѣны залпъ орудій по отряду, стоявшему у колодца. Убійцы, захвативъ тѣла убитыхъ, отрѣзали голову князю Циціанову и послали ее въ подарокъ шаху. Вслѣдъ за тѣмъ, русскія войска, сѣвъ на суда, отправились въ Астрахань (6).

Такова была кончина героя на поляхъ брани, просвѣщеннаго, опытнаго администратора порученныхъ ему областей. Въ короткое время его управленія Закавказьемъ, многое было сдѣлано, еще болѣе было предпринято. Его дѣятельность не ограничивалась улучшеніемъ матеріальнаго быта жите

лей, проложеніемъ новыхъ путей, развитіемъ земледѣлія и торговли; убѣжденный въ томъ, что просвѣщеніе служитъ самою прочною основою народнаго благосостоянія, онъ, не смотря на скудость средствъ состоявшихъ въ его распоряженіи по этой части, заводилъ училища и старался о приготовленіи грузинскаго дворянства къ поступленію въ военную службу, „чтобы отвлечь этихъ молодыхъ людей отъ праздности, источника пороковъ, и научить ихъ предпочитать славу добычѣ“ (7).

На мѣсто князя Циціанова былъ назначенъ генералъ отъ инфантеріи графъ Гудовичъ. Новый главнокомандующій, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, больной, угрюмый, неприступный, не могъ вознаградить потерю начальника, обожаемаго войсками, страшнаго врагамъ Россіи.

Еще до прибытія Гудовича, владѣтель Карабаха Ибрагимъ-ханъ, измѣнивъ нашему правительству, обратился къ своему зятю, персидскому шаху, прося его защиты. Двадцать тысячъ Персіянъ, предводимыхъ Аббасъ-мирзою, перешли черезъ Араксъ и вторгнулись въ Карабахъ; другіе отряды двинулись къ озеру Гокча и къ Елисаветполю. Командовавшій временно въ Грузіи, генералъ-лейтенантъ Глазенапъ отрядилъ въ Карабахъ генералъ-маіора Небольсина и маіора Котляревскаго съ двумя баталіонами Троицкаго полка и съ командою 17-го егерскаго полка, всего въ числѣ до 1,700 человѣкъ. 13 (25) іюня, русскій отрядъ встрѣтился близъ Аскеранской крѣпости съ главнымъ непріятельскимъ корпусомъ. Раздраженный постоянными неудачами, Аббасъ-мирза заставилъ свое войско принести присягу — побѣдить „невѣрныхъ“, или умереть. Но не смотря ни на огромное превосходство въ числѣ войскъ, ни на выгодную позицію, ни на данную

градусовъ, упадокъ духа непріятельскихъ войскъ уже простирался до того, что многіе изъ солдатъ, бросивъ свое оружіе и оставя знамена, расходились по сторонамъ большой дороги, въ надеждѣ отыскать гдѣ-либо жизненные припасы, не слушали своихъ офицеровъ, грабили собственные обозы и видя явную невозможность увезти находившіяся при нихъ повозки и экипажи, жгли ихъ и взрывали зарядныя фуры. Нѣсколько тысячъ Русскихъ, большею частью захваченныхъ при занятіи непріятелемъ Москвы, питались сырою кониною; когда-же эти несчастные не могли идти далѣе и падали отъ изнуренія силъ, непріятели разстрѣливали ихъ, либо разбивали имъ головы прикладами (3).

Между тѣмъ Кутузовъ, получивъ отъ Ермолова свѣдѣніе, что армія можетъ идти кратчайшимъ путемъ къ Вязьмѣ, подъ прикрытіемъ авангарда, выступилъ съ главными силами, 19 (31) октября, изъ Кременскаго на Спасъ-Кузовы, и направилъ Милорадовича, съ авангардомъ, въ промежуткѣ между арміею и большою смоленскою дорогою, къ Гжатску и Царево-Займищу; Платовъ съ казаками преслѣдовалъ непріятеля съ тыла; партизанскіе отряды Давыдова, Сеславина и Фигнера дѣлали набѣги съ фланга въ тылъ Французамъ; полковникъ Ефремовъ устремился на Сычевку въ обходъ другаго фланга; отрядъ генералъ-адъютанта графа Ожаровскаго былъ посланъ на городъ Ельню прямо къ Смоленску.

20 октября (1 ноября), Наполеонъ оставался въ Вязьмѣ, между тѣмъ какъ войска его продолжали отступать, забирая на маршѣ всѣхъ раненыхъ и больныхъ, остававшихся въ госпиталяхъ. Ему совѣтовали бросить часть артиллеріи и отдать лошадей подъ остальныя орудія; но онъ несогласился на это предложеніе; тѣмъ не менѣе однакоже Даву

возвратился въ Севастополь. Извѣстіе о заключеніи Тильзитскаго трактата остановило военныя дѣйствія и имѣло послѣдствіемъ заключеніе перемирія съ Турціею и Персіей, въ Узинъ-Килиссѣ.

Почти весь 1808-й годъ прошелъ въ бездѣйствіи: Турки вели съ нами переговоры, затрудняемые посредничествомъ Наполеона, а Персіяне долго не могли забыть неудачи своихъ прежнихъ покушеній. Но, наконецъ, въ октябрѣ, Аббасъ-мирза, получивъ извѣстіе о предстоящемъ разрывѣ нашего перемирія съ Турками, выступилъ къ Нахичевани. Фельдмаршалъ немедленно послалъ противъ него отрядъ въ три тысячи человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Небольсина, который, перейдя черезъ снѣжныя вершины Карабаха, встрѣтился съ непріятелемъ, 28 октября (9 ноября), и послѣ упорнаго, двѣнадцать часовъ продолжавшагося, боя, обратилъ въ бѣгство Персіянъ и занялъ Нахичевань (9).

Въ февралѣ 1809 года, на мѣсто уволеннаго, по болѣзни, фельдмаршала графа Гудовича, былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Закавказьѣ генералъ отъ кавалеріи Тормасовъ. Силы, ему ввѣренныя, простирались до 42 тысячъ человѣкъ, но большая часть ихъ находилась на Кавказской линіи; остальныя-же войска, въ числѣ 18,500 человѣкъ, должны были охранять Грузію отъ нападеній горскихъ племенъ и со стороны враждовавшаго намъ имеретинскаго царя Саломона, удерживать въ повиновеніи Грузинъ, волнуемыхъ сношеніями съ Персіянами, и сопротивляться вторженіямъ полчищъ Турціи и Персіи. Междуусобія сосѣдственныхъ нашимъ границамъ турецкихъ пашей недозволяли имъ предпринять какое-либо важное покушеніе на подвластную Россіи страну; со стороны-же Персіи мы были на время обезпечены переговорами о мирѣ,

которые однакоже неимѣли успѣха, по проискамъ англійскаго посланника въ Тегеранѣ. Великобританское правительство выслало Персіянамъ значительное количество орудій и ружей, командировало офицеровъ для обученія персидскихъ сарбазовъ и не щадило ни золота, ни пышныхъ обѣщаній, для возбужденія шаха къ продолженію войны противъ Русскихъ. Вмѣсто мира съ Россіею, Баба-ханъ заключилъ союзъ съ непріязненною намъ Портою и выслалъ, въ августѣ 1810 года, одного изъ сорока своихъ сыновей, Мамадъ-Али-мирзу, съ двѣнадцатью тысячами конницы, на границу Бомбаки. Охранявшій эту область, небольшой отрядъ генералъ-маіора Портнягина двинулся противъ Персіянъ. 17 (29) августа; появленіе его авангарда, состоявшаго изъ двухъ эскадроновъ Нарвскихъ драгунъ, заставило непріятеля кинуться въ турецкія владѣнія, откуда Персіяне вторгнулись въ землю Борчалинцевъ, грабя и разоряя татарскія владѣнія. Непріятели, дѣйствуя одною конницею, безъ артиллеріи и обозовъ, появлялись внезапно — то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, опустошали страну, уводили жителей, отгоняли скотъ, но уклонялись отъ встрѣчи съ нашими войсками, а, между тѣмъ, писали, отъ имени Бабахана, въ Грузію, Имеретію, къ ахалцыхскому пашѣ и горскимъ народамъ, возбуждая ихъ къ вооруженію противъ Русскихъ. Войска наши, окруженныя со всѣхъ сторонъ явными либо тайными врагами, изнурялись безпрестанными усиленными переходами съ одного мѣста на другое (10). Не смотря однакоже на то, главнокомандующій, пользуясь вліяніемъ нашихъ постоянныхъ успѣховъ на Персіянъ, обратилъ часть силъ противъ измѣнившаго русскому правительству, Имеретинскаго Царя Саломона; полковникъ Симоновичъ разбилъ встрѣченныя имъ въ Имеретіи

полчища, привелъ жителей страны къ присягѣ на вѣрность Россіи и взялъ въ плѣнъ царя Соломона(11). Въ послѣдствіи ему удалось уйти изъ Тифлиса, но его враждебныя покушенія уже немогли быть для насъ опасны. Войска наши дѣйствовали стольже удачно противъ закубанскихъ горцевъ и на прибрежьѣ Чернаго моря. Еще въ ноябрѣ 1809 года, генералъ-маіоръ князь Орбеліани, пройдя черезъ Имеретію, овладѣлъ крѣпостью Поти. Въ іюлѣ 1810 года, капитанъ-лейтенантъ Додтъ заставилъ сдаться крѣпость Сухумъ-Кале, въ коей найдено 64 орудія и болѣе 1,000 пудовъ пороха; по возстановленіи разрушенныхъ верковъ, Додтъ, оставя въ крѣпости гарнизонъ, отплылъ обратно въ Севастополь (12). Крѣпость Суджукъ-Кале была взята, въ декабрѣ тогоже года, отрядомъ высланнымъ изъ Анапы, по распоряженію дюка де Ришельё (13).

По случаю экспедиціи, сдѣланной командовавшимъ на Кавказской линіи, генераломъ отъ инфантеріи Булгаковымъ, противъ Закубанскихъ и Кабардинскихъ народовъ, Императоръ Александръ пожелалъ знать мнѣніе объ этомъ предпріятіи генерала Тормасова. Исполняя волю Государя, Тормасовъ, въ письмѣ военному министру, изложилъ свои мысли слѣдующимъ образомъ:

„Народы сіи, какъ всѣ Азіятцы вообще, имѣютъ нравъ буйный, горячій и мстительный; для обузданія ихъ неоспоримо нуженъ страхъ, но необходимо также въ отношеніи къ нимъ соблюдать справедливость. Горцы, при послабленіи, дѣлаются наглы, а при строгости, даже жестокой, но справедливой, покорны до рабства и вѣрны, во всемъ значеніи этого слова; при несправедливой-же, и въ особенности при продолжительной строгости, выходятъ изъ всѣхъ границъ и готовы на все, даже превышающее

всякое сообщеніе съ Англичанами, и во 2-хъ, содѣйствовать Наполеону противъ Россіи тридцати или сорока-тысячною арміею; а въ вознагражденіе за то Наполеонъ обязывался: возвратить Швеціи отъ Россіи Финляндію и купить у Шведовъ на 20 милліоновъ франковъ колоніальныхъ товаровъ, заплативъ за нихъ, какъ только они будутъ доставлены въ Данцигъ, или въ Любекъ (9).

Какъ не подлежало сомнѣнію, что Швеція, заключивъ союзъ съ Франціей противъ Россіи, навлекла-бы на себя войну съ Англіей, блокаду морскихъ береговъ, совершенное прекращеніе торговли и общую бѣдность, то шведское правительство, отклонивъ предложенія Наполеона (10), заключило союзный трактатъ съ Россіею: 1) обѣ державы взаимно ручались за цѣлость владѣній; 2) условлено послать на берега Германіи, противъ Франціи и ея союзниковъ, корпусъ войскъ, въ числѣ отъ 25-ти до 30-ти тысячъ человѣкъ Шведовъ и отъ 15-ти до 20-ти тысячъ Русскихъ; 3) Императоръ Александръ обязался содѣйствовать присоединенію Норвегіи къ Швеціи, по соглашенію съ Королемъ Датскимъ, либо силою оружія: въ первомъ случаѣ, намѣревались предложить Королю вознагражденіе въ Германіи; въ случаѣ-же отказа его, союзники положили дѣйствовать противъ Даніи соединенными силами; 4) по присоединеніи Норвегіи къ Швеціи, союзная армія долженствовала двинуться въ Германію; 5) положено пригласить Короля Великобританскаго къ принятію участія въ союзѣ (11). Наполеонъ, зная, что Наслѣдный принцъ шведскій имѣлъ виды на присоединеніе Норвегіи, послалъ къ нему шведскаго консула въ Парижѣ Синьоля (Signeul), которому было поручено убѣдить принца, чтобы онъ оставилъ притязаніе на помянутую страну, и предложить ему,

лучшей земли, сдѣлало Кабардинцевъ недовѣрчивыми къ намъ; жестокость начальниковъ привела ихъ въ унынiе, а принятая нами система — поселять вражду между владѣльцами, узденями и народомъ и производить посреди ихъ междуусобiя — прiучила ихъ къ войнѣ. Наконецъ, суетное желанiе нѣкоторыхъ изъ начальствовавшихъ на линiи — отличить себя военными дѣйствiями противъ Кабардинцевъ, вмѣсто того, чтобы привлечь ихъ къ себѣ кроткимъ и справедливымъ управленiемъ, ввело въ обыкновенiе предпринимать каждый годъ дѣйствiя противъ нихъ, или другихъ народовъ, нерѣдко безъ всякой причины. Такъ поступали мы съ ними съ самаго устроенiя Кавказской Линiи.

„И такъ весьма естественно, что горскiе народы не могутъ быть привязаны къ Россiи, и хотя нѣкоторые изъ нихъ, по слабости своей, показываютъ видъ покорности, однако прежнiя впечатлѣнiя долго останутся неизгладимы. Не находя силъ своихъ достаточными для сопротивленiя, они покоряются, даютъ аманатовъ, присягаютъ и, скрывъ на-время свою ненависть къ намъ, снова обнаруживаютъ ее при первомъ удобномъ къ тому случаѣ“.

Изъ всего этого, сдѣлавъ выводъ не только о безполезности, но и вредѣ экспедицiи Булгакова противъ Закубанцевъ и Кабардинцевъ, тѣмъ болѣе, что между сими народами свирѣпствовала зараза, генералъ Тормасовъ полагалъ вѣрнѣйшими средствами для усмиренiя и привлеченiя ихъ: во 1-хъ, прервать сообщенiе горцевъ съ Турцiей, что̀ завладѣнiемъ черноморскихъ крѣпостей и пристаней уже исполнено; во 2-хъ, мирнымъ туземцамъ, занимающимся земледѣлiемъ и скотоводствомъ, оказывать покровительство и доставлять всевозможныя выгоды, что̀ отчасти исполнено учрежденiемъ въ прошломъ году, для

преданности, уступили мѣсто грубому инстинкту самосохраненія; всякой заботился только о себѣ; едва лишь кто падалъ, изнуренный голодомъ и усталостью, какъ сослуживцы его наперерывъ бросались къ нему, срывали покрывавшія его отрепья и дополняли ими свою скудную одежду. Страдальцы, окоченѣвшіе отъ стужи, блуждали, какъ тѣни, кругомъ огней разведенныхъ ихъ товарищами, и были немилосердно отгоняемы прикладами, если не приносили своего полѣна. На каждомъ ночлегѣ замерзало по нѣскольку сотъ человѣкъ ([13]).

Подходя къ Смоленску, Наполеонъ получилъ изъ Парижа извѣстіе о покушеніи генерала Малета— низпровергнуть Имперію и возстановить Республику. Наполеонъ, пораженный тѣмъ, что такое безумное предпріятіе едва-было неудалось, благодаря слухамъ о его смерти, сказалъ: „Et Napoleon II; on n'y pensait donc pas!“ (А Наполеонъ II-й; о немъ и не подумали!).

28 октября (9 ноября), главная квартира французской арміи была переведена въ Смоленскъ. Самъ Наполеонъ и вся его свита, прозябши отъ мороза въ 12 градусовъ при сильномъ вѣтрѣ, слѣзли съ лошадей и шли пѣшкомъ нѣсколько верстъ ([14]). Войска надѣялись, что, по прибытіи въ Смоленскъ, они остановятся, отдохнутъ и получатъ жизненные припасы; но ихъ даже не впустили въ городъ, а расположивъ въ полѣ, приказали ожидать тамъ правильной раздачи провіанта изъ магазиновъ. А между тѣмъ Смоленскъ наполнился толпами безоружныхъ мародёровъ. Только лишь гвардія была снабжена хлѣбомъ на двѣ недѣли; прочія-же войска продолжали питаться кониною и осаждали магазины, кидаясь на всякаго, встрѣченнаго съ кускомъ хлѣба, и вступая въ борьбу съ караульными, которые отгоняли и били солдатъ

въ 4-хъ, что̀ касается до строжайшаго содержанія кордонной стражи на линіи, то такая мѣра, при всей пользѣ своей, оказалась неисполнимою, даже и въ послѣднее время, когда у насъ было на Кавказѣ несравненно болѣе войскъ, нежели прежде. Горецъ отправлялся въ набѣгъ на хорошей свѣжей лошади, когда ему вздумалось, и избиралъ для прорыва слабѣйшій пунктъ; напротивъ того, казакъ долженъ былъ находиться постоянно въ готовности къ отраженію непріятеля, уставалъ самъ, изнурялъ лошадь, и, всё-таки, подвергался нечаянному нападенію. Наконецъ, въ отношеніи къ водворенію у туземцевъ торговли, просвѣщенія и осѣдлости въ городахъ, должно замѣтить, что горцы нелюбятъ городской жизни, предпочитая удобствамъ ея просторъ и отсутствіе полиціи. Торговыя-же сношенія съ горцами производились успѣшно только тамъ, гдѣ не мѣшалось правительство, съ карантинными и таможенными чиновниками ([15]).

Генералъ Тормасовъ, стараясь выиграть время, продолжалъ и въ 1810 году переговоры съ Персіянами въ Аскерани и поддерживалъ вражду между сосѣдственными намъ турецкими пашами. Предвидя однакоже, что, съ наступленіемъ лѣта, непріятели не оставятъ его въ покоѣ, онъ выслалъ отряды для охраненія пограничныхъ областей. Когда-же, въ маѣ 1810 года, получено было въ Тифлисѣ извѣстія о наступленіи Персіянъ къ Араксу, Тормасовъ направилъ противъ нихъ генералъ-маіора Небольсина, съ находившимися въ Карабахѣ полками Троицкимъ, 17-мъ егерскимъ, донскимъ казачьимъ Попова 16-го и татарскою милиціей; полковнику-же Котляревскому, съ однимъ изъ баталіоновъ 17-го егерскаго полка, было поручено овладѣть крѣпкимъ пунктомъ Мигри. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что непріятель, на-

вести его и склонить Турокъ „подписать объ Азіи статью *темную, запутанную*, которая, при выполненіи условій, дала-бы возможность сохранить то, что теперь занимаемъ“. Такъ писалъ Кутузовъ, еще при веденіи переговоровъ, и — сдержалъ слово (15).

Совершивъ великій подвигъ заключенія мира, Кутузовъ писалъ Государю: „Предаюсь великодушію Вашего Императорскаго Величества. Что я ничего лучшаго сдѣлать не могъ, тому причиною положеніе дѣлъ въ Европѣ; что я никакихъ не упустилъ стараній и способовъ, тому свидѣтель Богъ. Уважьте, Всемилостивѣйшій Государь, что, при всѣхъ лестныхъ обѣщаніяхъ, отъ Франціи Портѣ дѣлаемыхъ, и при ожиданіи непріятностей, въ случаѣ отказа Порты, заключить миръ, выгоднѣйшій Ясскаго и Кайнарджискаго, ибо Порта лишается своихъ лучшихъ пяти крѣпостей и съ немалымъ пространствомъ земли, дѣло не пустое. Но ежели за всѣмъ тѣмъ выгоднѣе будетъ разорвать все мною сдѣланное, въ такомъ случаѣ приму безъ роптанія все, что касательно меня послѣдовать можетъ; несчастіе частнаго человѣка съ пользою общею ни въ какой разсчетъ невходитъ“.

Адмиралъ Чичаговъ былъ весьма недоволенъ заключеніемъ мира, лишившимъ его вліянія на наши дѣла съ Турціею. Онъ старался выказать въ глазахъ Императора Александра невыгоды Бухарестскаго трактата, и предлагалъ Государю отказать въ ратификаціи его и домогаться, чтобы Порта заключила съ нами союзъ противъ Франціи, либо, по крайней мѣрѣ, дозволила намъ провести Молдавскую армію, чрезъ турецкія владѣнія, въ Иллирію и Италію, для отвлеченія туда части наполеоновыхъ силъ. Въ случаѣ же отказа Турокъ и возобновленія съ ними войны, Чичаговъ предполагалъ обѣщать жителямъ Молдавіи и Валахіи, что они никогда не будутъ воз-

вращены Портѣ, и уже началъ формировать въ Княжествахъ туземныя войска. Чичаговъ предполагалъ дѣйствовать рѣшительно, направясь чрезъ Балканы прямо на Константинополь, одновременно съ дѣйствіями эскадры, на которой должна была отплыть изъ Одессы туда-же дивизія герцога Ришельё (16). Но Императоръ Александръ зналъ, что всякое покушеніе на столицу султановъ могло возбудить недоброжелательство Англичанъ, и считалъ болѣе полезнымъ собрать вооруженныя силы на западной границѣ Имперіи, для противодѣйствія Наполеону, нежели отдѣлить особую армію противъ Турокъ, и потому Государь, хотя и былъ недоволенъ условіями Бухарестскаго трактата, однакоже утвердилъ его. Кутузовъ, 12 (24) мая, сдавъ начальство надъ арміей Чичагову, отправился въ свое помѣстье Горошки, волынской губерніи, откуда, по полученіи извѣстія о переходѣ Наполеона чрезъ Нѣманъ, поѣхалъ въ Петербургъ (17).

Остается сказать объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи.

Послѣдствіемъ Тильзитскаго мира былъ разрывъ между сими державами (18), но обѣ онѣ уклонялись отъ враждебныхъ дѣйствій одной противъ другой, и взаимная непріязнь обнаружилась только стѣсненіемъ торговли, происками Англичанъ, замедлившими заключеніе мира Россіи съ Персіей и Турціей, содѣйствіемъ шведскому флоту въ Балтійскомъ морѣ и отводомъ въ Портсмутъ эскадры Сенявина.

При такомъ взаимномъ расположеніи обѣихъ державъ, возстановленіе между ними дружественныхъ связей должно было послѣдовать немедленно по открытіи войны Наполеономъ противъ Россіи.

Сравнивая политическія отношенія въ 1812 году Россіи и Франціи къ прочимъ державамъ, находимъ,

3-го (15-го), Клапаредъ, обогнавъ Вестфальцевъ, пришелъ въ Красный; за нимъ въ нѣсколькихъ верстахъ двигался Наполеонъ съ гвардіей. Главныя силы Кутузова, кромѣ отряженныхъ впередъ 3-го корпуса и кирасиръ, оставались на днёвкѣ, въ разстояніи небольшаго перехода отъ Краснаго. Милорадовичъ, съ корпусами 2-мъ и 7-мъ пѣхотными и 1-мъ кавалерійскимъ, приблизясь у деревни Ржавки къ большой дорогѣ, въ то время, когда по ней тянулась французская гвардія, открылъ по ней сильную канонаду, а высланные впередъ, Лейбъ-гусары, а также полковникъ Гогель и генералъ-маіоръ Юрковскій, съ Елисаветградскими и Сумскими гусарами, вышли на дорогу, отбили 11 орудій и взяли въ плѣнъ 2,000 человѣкъ ([23]).

Наполеонъ, достигнувъ Краснаго, поставилъ свою гвардію. въ числѣ до пятнадцати тысячъ человѣкъ, на бивакахъ у города. Здѣсь, узнавъ о расположеніи Русскихъ, вблизи его у Кутькова, онъ приказалъ генералу Рогѣ, съ одною изъ дивизій Молодой гвардіи, атаковать ихъ, въ ночи съ 3-го на 4-е (съ (15-го на 16-е) ноября; отрядъ Ожаровскаго, потерпѣвъ значительный уронъ, отошелъ къ деревнѣ Палкиной ([24]). Наполеонъ, узнавъ отъ плѣнныхъ, что Кутузовъ находился въ разстояніи перехода отъ Краснаго, рѣшился остаться въ занятомъ имъ расположеніи, для содѣйствія отступленію вице-короля, Даву и Нея.

Вице-король, съ 5-ю или 6-ю тысячами человѣкъ, выступилъ изъ Смоленска 3 (15) ноября. Тѣснимый казаками Платова, онъ на всемъ маршѣ встрѣчалъ слѣды разрушенія „Великой арміи“: дорога была загромождена брошенными обозами и артиллеріею; на каждомъ шагу попадались оружіе, аммуниція, упряжь и множество труповъ, которыми были на-

полторы тысячи верстъ, вдоль Кавказа, раздроблятъся на множество отрядовъ, и противодѣйствовать соединеннымъ усиліямъ Персіянъ и Турокъ, было весьма затруднительно. Жители Имеретіи и Грузіи страдали отъ голода; въ войскѣ обнаружилась чума, что было главною причиною неудачи давно уже задуманнаго Тормасовымъ покушенія овладѣть Ахалцыхомъ ([20]). Въ Дагестанѣ готовилось возстаніе. Главнокомандующій, имѣя въ Закавказьѣ неболѣе 18,000 человѣкъ, просилъ Государя о присылкѣ новой дивизіи для занятія Линіи и крѣпостей, съ тѣмъ, чтобы войска, уже привыкшія къ азіятской войнѣ, были обращены противъ Персіи и заставили-бы шаха исполнить требованія нашего правительства. Но въ то время отношенія Наполеона къ Россіи становились болѣе и болѣе сомнительны. Надлежало собрать по возможности вооруженныя силы на западныхъ границахъ, и самъ Тормасовъ, по собственной просьбѣ его, былъ отозванъ въ сентябрѣ 1811 года изъ Грузіи, для принятія начальства надъ 3-ю резервною обсерваціонною арміей, стоявшею на Волыни.

Прибывшій на его мѣсто изъ Петербурга, маркизъ Паулуччи, италіянскій уроженецъ, бывшій дежурный генералъ и начальникъ штаба Грузинскаго корпуса, предполагалъ открыть дѣйствія взятіемъ крѣпости Ахалкалаки. Исполненіе этого труднаго предпріятія было поручено полковнику Котляревскому, съ двумя баталіонами Грузинскаго гренадерскаго полка и сотнею казаковъ. Подобно тому, какъ и при экспедиціи къ Мигри, ему надлежало идти не по дорогѣ, ведущей долиною Куры и чрезъ Борджомское ущелье, а по тропинкамъ, чрезъ Тріалетскія горы, зимою, когда на вершинахъ горныхъ хребтовъ стужа невыносима. Взявъ съ собою на

жавъ рѣшительную побѣду надъ Русскими, побудить Императора Александра къ заключенію съ нимъ союза и къ принятію участія въ его предпріятіи: такимъ образомъ, Россія, доставя Наполеону сильный контингентъ и огромныя средства, послужила-бы ему ступенью при исполненіи гигантскихъ его замысловъ. Чрезвычайныя затрудненія похода въ нашу страну не укрылись отъ его вниманія, но онъ надѣялся преодолѣть ихъ, дѣлалъ огромныя приготовленія и принималъ мѣры (хотя весьма недостаточныя) на случай неудачи.

Наполеонъ предполагалъ собрать въ Данцигѣ годовой запасъ провіанта на 400 или 500 тысячъ человѣкъ и фуража на 100 тысячъ лошадей, и въ дѣйствительности успѣлъ въ томъ; но ему предстояло еще болѣе трудное дѣло — устроить подвозы этихъ запасовъ въ слѣдъ за войсками. На средства нашихъ западныхъ губерній нельзя было надѣяться, и въ особенности весною, когда сами жители нерѣдко терпятъ нужду въ хлѣбѣ. И по тому Наполеонъ находился въ необходимости имѣть при войскахъ огромные обозы: кромѣ восьми фурштадтскихъ баталіоновъ, съ полутора тысячью сухарныхъ фуръ, возимыхъ на четырехъ лошадяхъ и вмѣщавшихъ въ себѣ трехъ-дневный запасъ провіанта для одного баталіона, у него было четыре баталіона одноконныхъ повозокъ и пять баталіоновъ воловыхъ фуръ, которыя могли двигаться по самымъ дурнымъ дорогамъ, и къ тому-же волы не требовали почти никакого присмотра и по доставкѣ провіанта назначались въ пищу войскамъ. Вообще-же эти семнадцать фурштадтскихъ баталіоновъ, съ пятью или шестью тысячами повозокъ, состояли изъ 8-ми или 10-ти тысячъ погонщиковъ съ 18-ю или 20-ю тысячами лошадей и воловъ; въ кавалеріи и артиллеріи было

болѣе 100 тысячъ строевыхъ и подъемныхъ лошадей. Очевидно, что для такого множества животныхъ нельзя было ни найти на мѣстѣ, ни вести за собою, достаточное количество фуража, и по тому Наполеонъ отложилъ походъ до появленія подножнаго корма, въ концѣ мая.

Кромѣ двухъ понтонныхъ парковъ, во сто понтоновъ каждый, Наполеонъ приказалъ имѣть при арміи канаты, якори и прочіе пеньковые и желѣзные матеріалы, для постройки мостовъ изъ лѣса найденнаго на мѣстахъ переправы. „Съ такими средствами для насъ нѣтъ препятствій" (nous dévorerons tous les obstacles) писалъ онъ. Готовясь идти въ невѣдомую страну, Наполеонъ старался по возможности пріобрѣсть свѣдѣнія о Россіи и приказалъ гравировать Сто-листовую, или, такъ называемую, Подробную карту нашихъ западныхъ губерній, съ переводомъ надписей на французскій языкъ; эта, весьма плохая, карта была разослана многимъ изъ его генераловъ, но не могла имъ принести пользы. Французскимъ агентамъ въ Россіи, и въ числѣ ихъ секретарю посольства Превô, поручено было собрать подробныя свѣдѣнія о губерніяхъ: эстляндской, лифляндской, курляндской, псковской, витебской, могилевской, минской, виленской, гродненской, бѣлостокской, волынской, кіевской, подольской и херсонской ([21]).

Не смотря на безпрестанныя войны, веденныя Россіею съ 1805-го по 1812-й годъ, и на бывшее послѣдствіемъ ихъ разстройство нашихъ финансовъ, русская армія была значительно усилена и получила несравненно лучшее тактическое образованіе противъ прежняго; въ особенности-же артиллерія, благодаря дѣятельности графа Аракчеева, была дове-

дена, по современному ея состоянію въ Европѣ, до высокой степени совершенства. Въ 1811 году, когда уже не сомнѣвались въ неизбѣжности войны съ Наполеономъ, составлены изъ гарнизонныхъ баталіоновъ 13-ть новыхъ пѣхотныхъ полковъ, сформирована вновь 27-я пѣхотная дивизія изъ 6-ти полковъ ([22]), вообще-же армейская пѣхота усилилась 23-мя полками, (считая въ томъ числѣ и Морскіе полки). Лейбъ-гвардіи Финляндскій баталіонъ переформированъ въ трехъ-баталіонный Л. Гв. Финляндскій полкъ, а одинъ изъ баталіоновъ Преображенскаго полка — въ Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ ([23]). Сформированъ 3-й учебный гренадерскій баталіонъ([24]). Учреждены вновь два кирасирскихъ полка ([25]). Полевая артиллерія значительно усилена сформированіемъ новыхъ ротъ, Л. Гв. конная артиллерія раздѣлена на двѣ роты, а Л. Гв. артиллерійскій баталіонъ переименованъ въ Л. Гв. артиллерійскую бригаду ([26]). Въ началѣ 1812 года, русская армія находилась въ составѣ: 514-и баталіоновъ, 410-и эскадроновъ, 159-ти артиллерійскихъ ротъ и 2-хъ піонерныхъ полковъ, вообще-же въ числѣ, по штатному положенію, 480-и тысячъ человѣкъ съ 1,600 орудіями, (не считая учебныхъ и гарнизонныхъ войскъ и вновь сформированныхъ, 1-го мая 1812 года, изъ рекрутъ, 12-ти пѣхотныхъ полковъ). Значительная часть войска была размѣщена по южнымъ границамъ Имперіи ([27]). Дѣйствующія арміи, вообще въ числѣ 200 тысячъ человѣкъ, расположились въ западныхъ пограничныхъ губерніяхъ. Первая линія резервовъ, составленная изъ части запасныхъ войскъ (вторыхъ баталіоновъ и 5-хъ, 9-хъ и 10-хъ эскадроновъ) дѣйствующей арміи, въ числѣ до 35-ти тысячъ человѣкъ, стояла по Западной Двинѣ, Березинѣ, Днѣпру и у Мозыря на Припети ([28]). Вторую линію ре-

III-й ПЕРІОДЪ

царствованія Императора Александра I.

(1812—1815 г.).

ГЛАВА XXXI.

Приготовленія къ войнѣ обѣихъ сторонъ.

„Si vis pacem, para bellum“, (если желаешь мира, будь готовъ къ войнѣ): это правило древнихъ Римлянъ, какъ и многія другія народныя повѣрья, не всегда оправдывается на дѣлѣ, и даже весьма часто случается, что ведутъ войну за тѣмъ только, чтобы приготовленія къ ней не остались напрасны.

Въ 1811-мъ году и въ началѣ 1812-го года, обѣ великія державы, Россія и Франція, вооружались, увѣряя одна другую и объявляя во всеуслышаніе Европы, что имѣютъ въ виду единственно огражденіе собственной безопасности и не нарушать мира, но это не помѣшало ихъ столкновенію. Наполеонъ, уже рѣшась вторгнуться въ Россію, все еще увѣрялъ Императора Александра въ своей преданности ему. 13 (25) февраля 1812 года, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Марè пригласилъ къ себѣ флигель-адъютанта Чернышева и отправился вмѣстѣ съ нимъ въ тюильрискій дворецъ. Наполеонъ, при-

10*

сей день одними плѣнными шесть тысячъ человѣкъ и 45 орудій (по другимъ свѣдѣніямъ—девять тысячъ человѣкъ и 70 орудій); отбиты два знамя и огромные обозы, въ которыхъ, между прочимъ, найдены жезлъ маршала Даву и часть канцеляріи самаго Наполеона. Съ нашей стороны, уронъ не превышалъ семисотъ человѣкъ (34).

Наполеонъ, въ три часа по полудни, прибылъ въ Ляды, куда въ ночи собрались остатки гвардіи и корпуса Даву; на слѣдующій день они двинулись къ Дубровнѣ. Русскія войска, вечеромъ послѣ боя, расположились частью между Добрымъ и Краснымъ, частью въ окрестностяхъ Краснаго. Тогда-же, по Высочайшему повелѣнію, обѣ гренадерскія дивизіи соединены въ 3-й корпусъ, подъ начальствомъ графа Строганова; изъ 3-й и 4-й дивизій составленъ 2-й пѣхотный корпусъ, подъ начальствомъ произведеннаго въ генералъ-лейтенанты принца Евгенія виртембергскаго, а 17-я дивизія поступила въ 8-й корпусъ, за болѣзнью Бороздина 1-го, ввѣренный бывшему посланнику въ Неаполѣ, генералъ-лейтенанту князю Долгорукову (35).

По отступленіи Наполеона къ Лядамъ, корпусъ Нея былъ обреченъ гибели, или плѣну. Маршалъ Ней прибылъ въ Смоленскъ, 3 (15) ноября, по полудни. Магазины, находившіеся въ городѣ, тогда уже были разграблены; безпрестанно прибывали толпы безоружныхъ, полумертвыхъ мародёровъ; отъ бивачныхъ огней, разложенныхъ въ улицахъ, загорѣлось много домовъ. 4 (16), въ восемь часовъ вечера, Ней получилъ депешу, въ коей Даву извѣщалъ своего товарища о пораженіи вице-короля, объясняя обстоятельства, побуждавшія его самаго ускорить отступленіе. Но отважный маршалъ, которому было разрѣшено отложить выступленіе изъ

Государь обязался исполнять по условіямъ Тильзитскаго трактата *). Напрасно Россія льститъ себя возможностью, воюя съ Англіею, вести съ нею недозволенную торговлю (un commerce illicite): подобное нарушеніе договоровъ моглабы позволить себѣ только какая-либо небольшая бѣдная страна, подобная Швеціи.... По моему мнѣнію, обнародованіе новаго русскаго тарифа было знакомъ измѣненія вашей политической системы". Далѣе — Наполеонъ привелъ въ доказательство непріязни къ нему Императора Александра протестъ по ольденбургскому герцогству. „Несчитаю себя отвѣтственнымъ въ моихъ поступкахъ предъ Европою — сказалъ онъ. — Государь вашъ своимъ протестомъ сдѣлалъ мнѣ вызовъ; желая искренно мира съ Россіей, я не принялъ этого вызова и не отвѣчалъ на него, потому что могъ отвѣчать только объявленіемъ войны. Впрочемъ, если вы будете поступать по прежнему, то я объявлю, что герцогъ ольденбургскій, не выславъ своего контингента, въ послѣднюю войну противъ Австріи **), и слѣдовательно нарушивъ обязанности члена Рейнскаго Союза, потерялъ права̀ на свои владѣнія, на которыя не признаю правъ Россійскаго Императорскаго дома. Только лишь изъ снисхожденія къ вашему Государю я до сей поры не объявилъ о томъ, желая устроить это дѣло по дружески". Наполеонъ снова повторилъ свои жалобы

*) *Собственноручная замѣтка Государя:* «Jamais le traité de Tilsit n'a rien stipulé sur les décrêts de Berlin et de Milan, qui n' y sont pas nommés seulement» (Въ Тильзитскомъ трактатѣ ничего не постановлено о Берлинскомъ и Миланскомъ декретахъ, которые тамъ даже не упомянуты).

**) *Собственноручная замѣтка Государя:* «il n' y a pas été même requis de le faire, car ce contingent existait à peine et commençait seulement à se former» (Онъ даже не былъ приглашенъ къ тому; его контингентъ едва лишь собирался и только началъ формироваться).

выгодъ, доставляемыхъ выжидательною системою. Генералъ Фрейгангъ, служившій въ 1812 году поручикомъ генеральнаго штаба, (Свиты Е. В. по квартирмейстерской части), разсказывалъ, что, по отъѣздѣ Императора Александра, въ маѣ 1812 года, изъ Шавли, гдѣ онъ производилъ смотръ 1-му корпусу, офицеры генеральнаго штаба спрашивали у генерала Доврѐ и полковника Дибича: „что̀ будетъ?“ — „Мы отступимъ.“ — „Далеко-ли?“ — „Какъ угодно будетъ Наполеону, хоть до Волги“, отвѣчали они.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что предположеніе истощить наступающую непріятельскую армію походомъ и голодомъ было достаточно распространено въ Россіи, и что у насъ, для приведенія въ исполненіе такого плана дѣйствій, не имѣлось большой надобности во внушеніяхъ иностранцевъ. Очевидно, что онъ не былъ готовымъ планомъ соображеній кого-либо одного изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ нашего управленія, а развился постепенно, вмѣстѣ съ ходомъ войны. Первоначальный-же планъ образовался изъ различныхъ мнѣній, предположеній и видовъ, и въ этомъ предварительномъ трудѣ главными участниками, кромѣ самаго Императора, были Фуль и Барклай де-Толли. Императоръ Александръ обладалъ искусствомъ военныхъ соображеній, на сколько это доступно человѣку большаго ума, не посвященному на опытѣ во всѣ подробности военнаго ремесла: обсуживая довольно правильно стратегическіе планы, онъ нигдѣ не выказалъ искусства въ тактическомъ отношеніи, и даже, по свидѣтельству современниковъ, близкихъ къ нему, затруднялся оріентироваться на полѣ сраженія. Не имѣвъ случая въ молодости изучить теорію военнаго искусства, онъ пользовался наставленіями трудолюбиваго составителя военныхъ плановъ Фуля. Генералъ Фуль,

(je l'ai fait tout de bon). Наполеонъ поставилъ на видъ, что онъ предупреждалъ о томъ графа Шувалова *), и въ особенности князя Куракина, 15 августа. „Получивъ свѣдѣніе о вашихъ вооруженіяхъ,— продолжалъ онъ — я долженъ былъ принять мѣры, чтобы неотлагательно расположить мои аванпосты на Вислѣ и главныя силы на Одерѣ. Быть-можетъ,

*) Графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ получилъ дозволеніе представиться Наполеону, который долго говорилъ съ нимъ о недоразумѣніяхъ возникшихъ между Россіею и Франціей. На счетъ ольденбургскаго дѣла, Наполеонъ выразился, будтобы никто не повѣритъ участію Императора Александра въ судьбѣ его дяди, и что это послужило только предлогомъ къ протесту. За тѣмъ, говоря о передвиженіяхъ русскихъ войскъ изъ Молдавіи къ западнымъ границамъ Имперіи, сказалъ: «меня увѣряютъ, что вашъ Государь хочетъ провозгласить себя Королемъ Польскимъ, и что въ настоящее время хлопочетъ о томъ бывшій вашъ министръ, князь Адамъ Чарторыскій». Когда-же Шуваловъ, засмѣявшись, отвѣчалъ: «Ваше Величество, конечно, вы этому не вѣрите», Наполеонъ согласился съ нимъ, но замѣтилъ, что не понимаетъ нашихъ дѣйствій. «Чего хочетъ отъ меня Императоръ Александръ?— спросилъ онъ.— Пусть оставятъ меня въ покоѣ. Откуда взяли, будтобы я намѣренъ возстановить Польшу?»—«Я этого не думаю—отвѣчалъ Шуваловъ — потому что варшавское герцогство для васъ выгоднѣе Польши. Что-же касается до насъ, то безпокойный характеръ Поляковъ и сформированная ими армія заставляетъ насъ принимать мѣры предосторожности». — Вы правы — сказалъ Наполеонъ — но въ ихъ арміи не 60 ту-
сячъ, а только 30. Я не хочу воевать съ Россіею; это не имѣло-бы
какой цѣли; я, слава Богу, не сошелъ съ ума. Неужели думают
я пожертвую — быть можетъ — двумя стами тысячъ Францу
Польши? Король Саксонскій писалъ мнѣ, что вы угрожаете
варшавскому; я отвѣчалъ ему, чтобы онъ вооружилъ Д
слалъ туда войска Рейнскаго Союза и приказалъ объяв
лано для защиты противъ Англичанъ, но я ихъ пос
Я долженъ принять мѣры для своей безопасности»
сталъ говорить о дружбѣ своей къ нашему Г
Богъ знаетъ, какъ я люблю его — сказалъ онъ
со мною? Объявляетъ протесты, вмѣсто вза
касается моей чести: если я скажу вам
пите; но ежели я скажу, вы солгали
союзу со мною величайшими выгод
войска дѣйствовали побѣдоносно
ніемъ государственнаго долга,
неудачныхъ войнъ, пріобрѣ
Польши», и проч. (Изъ п
(15-го) мая 1812 года, и

ь
вія
йлась;
сказавъ,
державамъ
за пустяковъ
я буду воевать
дсти, безъ малѣй-
удобномъ случаѣ, го-
ракать вмѣстѣ со мною
вамъ мои истинныя чув-
къ Императору Александру,
ѣреннаго въ дѣлахъ, и остаюсь
це можно уладить дѣло, не про-

ливая крови ста тысячъ храбрыхъ, за то, что мы поспорили о цвѣтѣ какой-нибудь ленточки (parce que nous ne sommes pas d'accord sur la couleur d'un ruban). Если у васъ дѣйствительно хотятъ избѣжать разрыва съ Франціей, пришлите поскорѣе кого-либо для переговоровъ; чѣмъ долѣе станете медлить, тѣмъ болѣе будутъ мои приготовленія; если-же вы рѣшились воевать, то все будетъ зависѣть не отъ политики, а отъ военныхъ соображеній" (1). За тѣмъ, Наполеонъ отпустилъ Чернышева, вручивъ ему письмо къ Императору Александру, слѣдующаго содержанія:

„Государь, братъ мой! По прибытіи курьера съ донесеніемъ отъ графа Лористона, отправленнымъ 6-го числа сего мѣсяца, я счелъ нужнымъ поговорить съ полковникомъ Чернышевымъ о непріятныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ теченіи послѣднихъ пятнадцати мѣсяцевъ. Отъ Вашего Величества единственно зависитъ все кончить. Прошу В. В. никогда не сомнѣваться въ моемъ желаніи явить доказательства отличнаго уваженія къ Вашей Особѣ.

„Парижъ.

„24-го февраля 1812" (2).

По отбытіи полковника Чернышева изъ Парижа, французская полиція открыла, что онъ незадолго предъ тѣмъ добылъ подробное расписаніе наполеоновой арміи. Это надѣлало много шума и стоило жизни одному изъ чиновниковъ французскаго военнаго министерства, Мишелю, который сообщилъ помянутыя свѣдѣнія Чернышеву (3).

Въ дѣйствительности-же доставленное имъ знаменитое расписаніе не имѣло большой важности, потому что весьма точныя извѣстія о составѣ и передвиженіяхъ французскихъ войскъ постоянно получались въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ отъ князя Куракина.

Въ то время, когда полковникъ Чернышевъ прибылъ въ Петербургъ съ лаконическимъ посланіемъ Наполеона, приготовленія французскаго правительства къ нашествію на Россію были уже окончены, и самъ Наполеонъ намѣревался вскорѣ выѣхать изъ Парижа. Предпринимая гигантское предпріятіе, онъ собралъ огромныя средства. Кромѣ Франціи, Италіи и Рейнскаго Союза, непосредственно повиновавшихся его волѣ, онъ старался ополчить противъ Россіи всѣхъ ея сосѣдей, чтò отчасти и удалось ему. Только лишь Швеція, оскорбленная вторженіемъ Французовъ въ принадлежавшую ей часть Помераніи, и Турція, предпочитавшая миръ сомнительнымъ успѣхамъ войны, отклонили предложенія Наполеона. Напротивъ того, Пруссія и Австрія были принуждены принять его сторону.

Положеніе Пруссіи, при разрывѣ Россіи съ Франціей, казалось безвыходно. Наполеонъ не могъ дозволить прусскому правительству оставаться неутральнымъ: оставалось принять сторону одной изъ воюющихъ державъ. Народъ и войска прусскія ненавидѣли Французовъ и повелителя ихъ, и самъ Король справедливо считалъ Наполеона заклятымъ врагомъ своимъ. Но отъ Короля, менѣе нежели когда-либо, можно было тогда ожидать рѣшительнаго шага. Совершенно подавленный бѣдствіями, постигшими его страну, не имѣя никакихъ надеждъ на лучшую будущность, Фридрихъ-Вильгельмъ, во время болѣзни, прекратившей дни его супруги, Королевы Луизы, сказалъ: «Wenn sie nicht mein wäre, würde sie leben, aber da sie meine Frau, stirbt sie gewiss». (Еслибы она не принадлежала мнѣ, то жила-бы, но какъ она жена моя, то умретъ на-вѣрно). Къ тому-же Пруссія находилась въ рукахъ Французовъ и не могла разсчитывать на неотлагательную защиту Русскихъ,

въ продолженіи осени и зимы, суровый климатъ нашей страны затрудняетъ его дѣйствія; наши превосходныя легкія войска тревожатъ и изнуряютъ его; наша армія отличается мужествомъ и твердостью въ перенесеніи трудовъ и лишеній; напротивъ того, войска Наполеона истощены войною въ Испаніи и во всѣхъ повинующихся ему странахъ раздается ропотъ неудовольствія: въ такихъ обстоятельствахъ, ведя благоразумно и упорно войну, мы вправѣ надѣяться на успѣхъ дѣйствій.

Въ отвѣтъ на эту записку, военный министръ приказалъ: „сообщить автору, что онъ съ большимъ удовольствіемъ прочелъ его мемуаръ, въ которомъ изложены мысли справедливыя и вполнѣ удобныя къ примѣненію на самомъ дѣлѣ."

Въ письмѣ къ канцлеру, графу Румянцову, полковникъ Чернышевъ, сказавъ, что, Наполеонъ, въ случаѣ войны противъ Россіи, какъ и во всѣхъ веденныхъ имъ войнахъ, будетъ стремиться къ быстрой развязкѣ дѣла, и замѣтивъ, что всегда должно дѣлать противное желанію непріятеля, говоритъ: „Необходимо продлить борьбу по возможности. Самый опытъ показалъ намъ, что таковъ единственный способъ, могущій дать намъ почти несомнѣнную надежду побѣдить Наполеона, который всегда приходилъ въ замѣшательство и запутывался, какъ только встрѣчалъ сколько-нибудь продолжительное сопротивленіе; но доселѣ еще никогда не умѣли пользоваться затрудненіями, въ коихъ онъ находился, потому что не заботились своевременно собрать необходимыя къ тому силы. Должно вести медленную, нерѣшительную войну, удерживать непріятеля, пользуясь каждою преградою, имѣть всегда подъ рукою значительные резервы, для поддержанія дѣйствующей арміи въ случаѣ неудачи, либо для того, чтобы

въ Помераніи и прибывшій въ Берлинъ, не скрывалъ негодованія на господство „проклятыхъ Вельховъ“ (Sakerments-Welschen) и „дъявольскаго Бонапарта“ (Schwernotskerl von Bonaparte). Цастровъ и подобные ему дипломаты дрожали отъ страха, слыша такія рѣчи, и даже нежаловавшій Французовъ Гарденбергъ находилъ опаснымъ пребываніе въ Берлинѣ „стараго рубаки.“ Король, вспомнивъ, что Блюхеръ не получилъ награды за оказанныя имъ въ 1806 году заслуги, пожаловалъ ему помѣстье Кунцендорфъ (Kunzendorf), близъ Нейссе, въ Силезіи, куда онъ тогда-же отправился (6).

Положеніе Австріи, сохранившей огромныя средства, было болѣе независимо, и она могла-бы остаться неутральною. Но вѣнскій дворъ, во всѣ времена славившійся дальновидностью своей политики, (хотя иногда и ошибавшійся въ разсчетахъ), сообразилъ, что, въ случаѣ успѣха дѣйствій наполеоновыхъ, казавшагося несомнѣннымъ, можно было, находясь съ нимъ въ союзѣ и содѣйствуя ему, получить какія-либо выгоды, и напротивъ того, отказавшись отъ участія къ войнѣ, навлечь на себя неудовольствіе Наполеона и новыя бѣдствія. Со стороны-же Императора Александра, при успѣхѣ его, Австрія была обезпечена увѣренностью въ незлобіи его характера и собственными пользами Россіи, требовавшими союза съ германскими державами противъ бича Европы. На основаніи такого разсчета, 2 (14) марта, былъ подписанъ договоръ, по условіямъ котораго Австрія и Франція взаимно ручались за цѣлость владѣній, обязывались помогать одна другой тридцати-тысячнымъ корпусомъ войскъ съ 60-ю орудіями и принимали подъ свою защиту владѣнія Оттоманской Порты; австрійское правительство подтверждало условіе соблюдать запретительную систему противъ Англіи.

По особому секретному трактату, Австрія, будучи освобождена отъ участія въ войнахъ Франціи за Пиренеями, давала обѣщаніе, въ случаѣ войны Наполеона съ Россіею, выставить вспомогательный корпусъ, который долженъ былъ состоять подъ начальствомъ австрійскаго генерала, но дѣйствовать по распоряженіямъ (dans la ligne prescrite) Его Величества Императора Французовъ. Наполеонъ обязался сохранить за Австріей владѣніе Галиціею, даже и въ случаѣ возстановленія Польши. Еслибы Императоръ Австрійскій счелъ удобнымъ получить въ замѣну Галиціи иллирійскія провинціи, то Наполеонъ обязывался согласиться на то, а по успѣшномъ окончаніи войны обѣщалъ не только вознаградить Австрію, за всѣ пожертвованія и убытки, но доставить ей такое увеличеніе владѣній, которое послужило бы памятникомъ искренняго союза между обѣими державами (7).

Въ отношеніи Швеціи, Наполеонъ сперва ограничился соблюденіемъ континентальной системы въ Помераніи, потомъ распространилъ такія-же домогательства на всѣ шведскія владѣнія, и наконецъ потребовалъ совершеннаго исключенія не только англійскихъ, но и американскихъ судовъ изъ шведскихъ гаваней. Въ послѣднихъ-же числахъ 1810 года, онъ изъявилъ свою волю, чтобы Швеція объявила войну Англіи, угрожая, въ случаѣ ослушанія, войною съ Франціею. Король шведскій былъ принужденъ исполнить это требованіе. По мѣрѣ его уступчивости возрастали притязанія французскаго правительства: желая поставить Швецію въ зависимость отъ себя на-равнѣ съ Рейнскимъ Союзомъ, Наполеонъ хотѣлъ отправить 6,000 (по другимъ свѣдѣніямъ 2,000) шведскихъ матросовъ на французскій флотъ, стоявшій въ Брестѣ; Король Карлъ XIII-й,

отклонилъ это домогательство, какъ противное основнымъ законамъ государства. Вслѣдъ за тѣмъ Швеція была принуждена принять въ Готенбургъ французскую таможенную стражу. Англичане, не обращая вниманія на объявленную имъ Шведами войну, не принимали никакихъ враждебныхъ мѣръ противъ ихъ торговли; напротивъ того, Наполеонъ, считавшійся ихъ союзникомъ, дозволялъ французскимъ каперамъ перехватывать шведскія суда и забирать насильно въ нѣмецкихъ гаваняхъ шведскихъ матросовъ. А, между тѣмъ, французскій резидентъ въ Стокгольмѣ баронъ Алькьѐ (Alquier), человѣкъ весьма дерзкій *), позволялъ себѣ неумѣстныя выходки въ сношеніяхъ съ шведскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, барономъ Энгештромомъ, чтò заставило Наполеона, въ октябрѣ 1811 года, смѣнить своего неугомоннаго агента. За тѣмъ, недоразумѣнія, возникшія по поводу драки экипажей двухъ французскихъ каперовъ съ нѣсколькими шведскими солдатами, въ Стральзундѣ, подали Французамъ предлогъ къ занятію вооруженною рукою Помераніи, въ концѣ генваря (въ началѣ февраля) 1812 года. Жители этой области были обложены тяжкими податями; нѣсколько судовъ, принадлежавшихъ правительству, захвачены; два шведскихъ полка обезоружены и отправлены во Францію ([8]). Наполеонъ, надѣясь, что эти строгія мѣры заставятъ шведское правительство покориться его произволу, сообщилъ черезъ герцога Бассано супругѣ Наслѣднаго шведскаго принца, тогда находившейся въ Парижѣ, ноту, заключавшую въ себѣ обѣщаніе возвратить Померанію, если Швеція согласится: во 1-хъ, прервать строжайшими мѣрами

*) Наполеонъ, говоря объ Алькьѐ, сказалъ: «Ce buffle me faira encore des ennemis partout». (Этотъ буйволъ надѣлаетъ мнѣ вездѣ непріятелей).

Основаніемъ плана дѣйствій, составленнаго Фулемъ былъ сдѣланный имъ, изъ дѣйствій Фридриха Великаго и принца Генриха, односторонній выводъ: *вести оборонительную войну двумя арміями, изъ которыхъ одна удерживала-бы непріятеля съ фронта, между тѣмъ какъ другая дѣйствовала-бы ему во флангъ и тылъ.* Кромѣ того, Фуль занялъ отъ Бюлова идею, будтобы *лучшій способъ удерживать наступающаго противника заключается въ томъ, чтобы расположиться въ сторонѣ отъ прикрываемаго пути, занявъ* — такъ называемую — *фланговую позицію.* По плану Фуля, предполагалось вести оборонительную войну, на пространствѣ, ограниченномъ съ одной стороны западными предѣлами Имперіями, а съ другой Двиною и Днѣпромъ *), двумя арміями, одною во 120, а другою въ 80 тысячъ человѣкъ. Полагая наиболѣе вѣроятнымъ, что Наполеонъ направится на Вильно, и далѣе къ Петербургу, либо къ Москвѣ, Фуль совѣтовалъ сосредоточить при открытіи дѣйствій первую армію у Свенцянъ за Вильною, а вторую у Луцка; при дальнѣйшемъ-же наступленіи непріятеля, слѣдовало, по мнѣнію Фуля, первой арміи отступить въ укрѣпленный лагерь при Дриссѣ, который, находясь въ разстояніи одного перехода отъ Друи, двухъ переходовъ отъ Плоцка и пяти или шести отъ Витебска, могъ служить: 1) для прикрытія пути дѣйствій, проходящаго отъ Вильна чрезъ Великія-Луки къ Боровичамъ, и 2) въ видѣ фланговой позиціи, для охраненія путей, ведущихъ отъ Вильна: 1) чрезъ Друю на Петербургъ, 2) чрезъ Полоцкъ на Петербургъ, и 3) чрезъ Витебскъ къ Москвѣ. Сосредочивъ главную армію въ дрисскомъ

*) Основываясь на дѣйствіяхъ въ войну 1807 года, происходившихъ на небольшомъ пространствѣ между Вислою и Нѣманомъ, полагали, что Наполеонъ, ни въ какомъ случаѣ, не пойдетъ далѣе Двины и Днѣпра.

лагерѣ и владѣя обоими берегами Двины, мы надѣялись остановить непріятеля, принужденнаго раздѣлить силы для обложенія нашего лагеря; а между тѣмъ предполагалось направить 2-ую армію усиленную казачьими полками Платова, на сообщенія непріятеля, который, находясь въ опустошенной странѣ, не могъ оставаться тамъ и долженъ былъ отступить (40). Но многія данныя, на которыхъ Фуль основывалъ успѣхъ своего плана, существовали только въ его воображеніи: 2-я армія, вмѣсто 80-ти тысячъ человѣкъ, по отдѣленіи отъ ней почти половины войскъ для непосредственнаго прикрытія волынской губерніи, была въ числѣ только сорока тысячъ; Динабургъ, гдѣ предполагалось устроить магазины подъ защитою укрѣпленій, тогда еще не былъ укрѣпленъ; Себежъ, другой пунктъ, назначенный для складовъ провіанта, не былъ ни снабженъ запасами, ни прикрытъ укрѣпленіями. Лагерь при Дриссѣ находился на весьма невыгодной для обороны мѣстности и былъ укрѣпленъ генераломъ Оппермавомъ (по проекту самаго Фуля) чрезвычайно дурно: слѣдовательно — не удовлетворялъ главному условію всякаго укрѣпленнаго лагеря, служить надежнымъ убѣжищемъ арміи.

Барклай не раздѣлялъ убѣжденія въ достоинствѣ этого плана, но уступая вліянію — съ одной стороны Беннигсена, Багратіона и другихъ военныхъ людей, предлагавшихъ дѣйствовать наступательно, а съ другой — Фуля, поддержаннаго самимъ Государемъ, колебался въ нерѣшимости и нѣсколько разъ измѣнялъ свои предположенія. До пріѣзда его въ армію, всѣ были увѣрены въ томъ, что мы будемъ вести наступательную войну, и даже въ такомъ смыслѣ даны были предписанія: князю Багратіону, графу Витгенштейну, Эссену 1-му, Лаврову (41) и генералъ-интен-

данту Клаузевицу [42]. По прибытіи-же Барклая въ главную квартиру 1-й арміи, объявлены были корпуснымъ командирамъ утвержденныя Государемъ правила для военныхъ дѣйствій, состоявшія въ томъ, что каждая изъ армій, въ случаѣ наступленія противъ нея превосходныхъ силъ, должна была отступать, между тѣмъ какъ другая армія, не имѣющая противъ себя столь значительныхъ въ числѣ войскъ, назначалась для рѣшительнаго наступленія во флангъ и тылъ непріятеля [43]. Въ послѣдствіи, огромное превосходство Наполеона въ силахъ побудило насъ принять мѣры къ сосредоточенію нашихъ главныхъ армій; а убѣдясь въ неудобствахъ Дрисскаго лагеря, мы произвели отступленіе внутрь страны. Такимъ образомъ сама необходимость привела насъ къ исполненію плана, давно уже нами усвоеннаго. И хотя отечественная война не явилась вдругъ, какъ Минерва во всеоружіи изъ головы Юпитера, однакоже мы не видимъ надобности въ сочиненіяхъ Вольцогена и Клаузевица, которые, принявъ на себя обязанность нашихъ наставниковъ, не сказали намъ ничего новаго.

Императоръ Александръ, готовясь къ войнѣ, но желая сохранить миръ и избѣгая для достиженія этой цѣли сдѣлать новыя предложенія, повелѣлъ князю Куракину вручить Наполеону собственноручное письмо свое, въ которомъ изъявлялъ согласіе на принятіе герцогомъ Ольденбургскимъ другаго владѣнія и за облегченіе нашего тарифа въ пользу французской торговли, вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы, для избѣжанія всякихъ поводовъ къ столкновенію между Россіею и Франціею, выведены были наполеоновы войска изъ Пруссіи и уменьшенъ гарнизонъ въ Данцигѣ.

Наполеонъ, принявъ русскаго посла, сказалъ ему, что онъ сожалѣетъ о времени, которое было потеряно въ напрасныхъ объясненіяхъ, единственно по тому, что резидентъ нашъ не имѣлъ полномочія заключить соглашеніе. „Вмѣсто того, чтобы условиться со мною — продолжалъ Наполеонъ — вы вооружились и поставили меня въ необходимость сдѣлать то-же. Не скрою передъ вами, что я готовъ совершенно. Мои войска стоятъ на Вислѣ.... Герцогъ Бассано сказалъ мнѣ, что вы хотите заставить меня очистить Пруссію. Не могу этого сдѣлать. Ваше требованіе обидно. Вы приступаете ко мнѣ съ ножемъ. Моя честь не позволяетъ мнѣ исполнить ваше желаніе. Вы, благородный человѣкъ, дѣлаете такое предложеніе!... Станемъ-те договариваться. Условимся между собою во взаимныхъ нашихъ требованіяхъ“. Князь Куракинъ отвѣчалъ, что, прежде всякаго объясненія, надлежало съ нашей стороны увѣриться въ исполненіи главнаго условія, предложеннаго Государемъ, — очищенія Пруссіи и уменьшенія данцигскаго гарнизона. „Вы поступаете — прервалъ Наполеонъ — какъ Пруссаки передъ Іенскимъ сраженіемъ: они требовали, чтобы я вывелъ войска свои изъ Германіи. Не могу согласиться на очищеніе Пруссіи. Дѣло это касается моей чести“. — „Но, ваше величество, — продолжалъ нашъ посолъ — сами признали, совмѣстно съ Императоромъ Александромъ, что для прочности союза России и Франціи необходимо сохранить въ пространствѣ между ними независимое владѣніе: этому условію должна была удовлетворять Пруссія, и съ тою-же цѣлію герцогство варшавское отдано Саксоніи. Не въ правѣ-ли мы требовать того, что̀, по собственному мнѣнію вашего величества, существенно содѣйствуетъ къ сохраненію союза между Имперіями: именно — чтобы

Пруссія сохранила свою независимость и чтобы конвенція, заключенная съ нею вашимъ величествомъ, была приведена въ исполненіе". — „Не могу на это согласиться — отвѣчалъ Наполеонъ. — Будемъ вести переговоры, но не говорите о такомъ требованіи".

Князь Куракинъ настаивалъ въ необходимости исполнить волю своего Государя, и упомянулъ объ огромныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ французскаго правительства, заставившихъ Императора Александра принять мѣры предосторожности, безъ всякихъ замысловъ противъ Франціи. „Но ваша послѣдняя конвенція съ Пруссіею — продолжалъ русскій посолъ, — конвенція, которой условія, безъ сомнѣнія, противны пользамъ Россіи, потому что они не были сообщены нашему правительству; но слѣдствія этой конвенціи, очевидно обнаружившіяся движеніемъ вашихъ армій къ Одеру и вашихъ передовыхъ войскъ къ Вислѣ, ставятъ васъ, въ отношеніи къ намъ, въ положеніе враждебное. Я получилъ повелѣніе объявить министерству вашего императорскаго величества, что переходъ значительныхъ силъ французской арміи черезъ Одеръ будетъ принятъ нами за объявленіе войны, и что, въ такомъ случаѣ, и съ нашей стороны могутъ быть предприняты наступательныя дѣйствія, безъ всякой враждебной цѣли, а единственно для занятія позицій выгодныхъ въ оборонительномъ отношеніи". Наполеонъ отвѣчалъ, что корпусъ Даву уже на Вислѣ. — „Положеніе мое совершенно различно отъ вашего — сказалъ онъ. — Войска мои расположены въ земляхъ, принадлежащихъ мнѣ, либо моимъ союзникамъ. Герцогство варшавское, какъ владѣніе, принадлежащее къ Рейнскому Союзу, находится подъ моимъ покровительствомъ. Король Прусскій — союзникъ мой. Я обязанъ защищать ихъ. Напротивъ того, вы не можете пе-

рейти за черту своихъ границъ, не нарушивъ неприкосновенности чужихъ владѣній.... Не получая столь долго никакого отвѣта отъ Императора Александра на мое письмо, отправленное чрезъ полковника Чернышева, я приказалъ Даву быть готову къ отраженію силы силою, а Лористону — выѣхать изъ Петербурга со всѣми резидентами Рейнскаго Союза, при первомъ извѣстіи объ открытіи военныхъ дѣйствій".

За тѣмъ Наполеонъ сказалъ, что маршалъ Даву получилъ приказаніе остановиться на лѣвомъ берегу Вислы, но потомъ проговорился, что войска его подвинулись за Пассаржу — будто бы для удобнѣйшаго продовольствованія. „Дѣйствительно—замѣтилъ русскій посолъ — „трудно будетъ снабжать въ этой странѣ провіантомъ и фуражемъ полумилліонную армію, которая, по словамъ вашего величества, противъ насъ собрана". — „О! что касается до этого — возразилъ Наполеонъ — я не встрѣчу никакихъ затрудненій. Я предвидѣлъ все и заблаговременно учредилъ огромные магазины въ Торнѣ и Данцигѣ. У меня готово десять тысячъ повозокъ для перевозки провіанта, а фуражъ выростетъ подъ ногами лошадей (le fourrage naitra sous les pieds des chevaux), вездѣ, куда пойдетъ моя кавалерія.... Вы недовольны моимъ договоромъ съ Пруссіею. Она вамъ предлагала свое посредничество; вы отклонили его. Прусскому Королю не оставалось ничего болѣе, какъ сблизиться со мною. Австрія также предлагала вамъ свои услуги и получила тоже отказъ"... — „Какъ! — сказалъ Куракинъ — неужели изъ словъ вашего императорскаго величества я долженъ заключить, что Австрія также противъ насъ?" — „Да, безъ сомнѣнія, — отвѣчалъ Наполеонъ, — ежели откроется война, то Австрійцы будутъ дѣйствовать за-одно съ моими

небольшимъ прикрытіемъ, для занятія лагерныхъ мѣстъ у деревни Лошницы. Два Француза, захваченные въ плѣнъ, объявили, что вся наполеонова армія находилась въ разстояніи одного перехода. Графъ Паленъ, донося о томъ Чичагову, просилъ о подкрѣпленіи авангарда пѣхотою, но адмиралъ не обратилъ вниманія на его донесеніе (9).

Въ то время, когда Паленъ шелъ къ Лошницѣ, авангардъ корпуса Удино̀, соединившись съ остатками разбитаго подъ Борисовымъ отряда Домбровскаго, въ числѣ около четырехъ тысячъ человѣкъ съ двѣнадцатью орудіями, подъ начальствомъ генерала Кастекса, миновалъ Лошницу и встрѣтился, въ трехъ верстахъ отъ этого селенія, съ нашимъ авангардомъ. Атакованный превосходными силами, графъ Паленъ отступилъ къ Борисову, въ два часа по полудни. Положеніе Дунайской арміи, перешедшей со всѣми обозами черезъ Березину, и имѣвшей въ тылу у себя мостъ длиною въ двѣсти саженей, было весьма невыгодно, но Чичаговъ могъ отвести армію за рѣку, подъ прикрытіемъ части войскъ, оставленной въ аріергардѣ для удержанія непріятеля, и хотя плѣнные увѣряли, будтобы у Наполеона оставалось сто тысячъ человѣкъ, однакоже нетрудно было сообразить, что для выхода его арміи изъ лѣсныхъ дефиле требовалось довольно продолжительное время. Но, какъ нерѣдко случается на войнѣ, безотчетная самонадѣянность главной квартиры Чичагова повлекла за собою стольже безотчетную тревогу. Приказано было отступать, непринявъ никакихъ мѣръ для отступленія въ порядкѣ. Только генералъ-маіоръ князь Щербатовъ успѣлъ поставить батарею на оршинской дорогѣ, у плотины черезъ рѣчку Сху. Въ городѣ распространилась суматоха: главнокомандующій со всѣмъ своимъ штабомъ уѣхалъ на другую сторону

преданнаго. Сперанскій, стремясь оправдать благосклонность Государя новыми заслугами, посвящалъ все свое время общественнымъ дѣламъ и велъ бытъ отшельника, удѣляя лишь немногіе часы отдыху, въ кругу своего семейства и нѣсколькихъ лицъ къ нему близкихъ, и не заботясь о связяхъ, пріобрѣтеніе коихъ было-бы нетрудно для человѣка ласкаемаго Фортуною. Самъ онъ, говоря въ послѣдствіи о своей невзгодѣ, прибавлялъ: „Еслибы я былъ въ фамильныхъ связяхъ съ знатными родами, то, безъ сомнѣнія, дѣло приняло-бы другой оборотъ. Кто хочетъ держаться въ свѣтѣ, тотъ долженъ непремѣнно статъ на якорѣ изъ обручальнаго кольца“. Весьма естественно, что быстрое возвышеніе Сперанскаго возбудило противъ него всѣхъ тѣхъ, которые не сознавали, что таланты — даръ Божій — не даются каждому, что Сперанскій достигъ наградъ и почестей тяжкими трудами; никто изъ нихъ не подумалъ о безсонныхъ ночахъ, проведенныхъ имъ въ заботѣ о пользѣ общей. Сперанскаго ненавидѣли многіе: одни за то, что онъ, по ихъ понятіямъ, занялъ принадлежащее имъ мѣсто; другіе, за то, что предложенными имъ нововведеніями нарушилъ ихъ интересы. Мы уже имѣли случай сказать, сколько враговъ надѣлали ему постановленія о придворныхъ и о гражданскихъ чиновникахъ. Извѣстно было также, что Сперанскій считалъ освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ краеугольнымъ камнемъ всѣхъ улучшеній государственной администраціи и предполагалъ образовать среднее сословіе, ограничить число дворянъ и создать изъ крупныхъ собственниковъ аристократію, подобную той, какая существуетъ въ Англіи. Упрекали такъ-же Сперанскаго въ томъ, что онъ позволилъ напечатать сочиненіе графа Стройновскаго: *объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами.* Его-же обвиняли

эмигранта, графа д'Аллонвиля (d'Allonville), автора „Записокъ государственнаго человѣка" (Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état), поднесенный Императору Александру, въ генварѣ 1811 года, адмираломъ графомъ Николаемъ Семеновичемъ Мордвиновымъ, обратившій на себя вниманіе Государя и сообщенный тогда-же Барклаю де-Толли (Mémoire politique et militaire sur les circonstances présentes).

Оба эти плана, въ главныхъ основаніяхъ, согласны между собою: въ обоихъ предлагается противопоставить быстрымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ Наполеона препятствія, могущія вовлечь его въ войну медленную и продолжительную, избѣгать генеральныхъ сраженій, отступать внутрь страны, не теряя непріятеля изъ вида, задерживая его занятіемъ выгодныхъ позицій и укрѣпленныхъ лагерей, и дѣйствуя въ тылу его легкими отрядами. Но существенное различіе между этими планами состоитъ въ расположеніи главныхъ силъ на театрѣ войны: д'Аллонвиль совѣтовалъ держать по возможности силы сосредоточенными, а для противодѣйствія смѣлымъ обходамъ, которыми Наполеонъ рѣшалъ судьбу войнъ, имѣть позади дѣйствующей арміи другую армію — резервную, въ такомъ разстояніи, чтобы она могла поддерживать главныя силы и охранять ихъ сообщенія. Напротивъ того, Вольцогенъ предлагалъ имѣть двѣ арміи, расположенныя подъ входящимъ угломъ, что̀, по его мнѣнію, дозволяло намъ, при наступленіи непріятеля противъ одной изъ нашихъ армій, направить другую ему въ тылъ. Вообще-же Вольцогенъ ограничивался военными соображеніями, а д'Аллонвиль, кромѣ того, предлагалъ и политическія мѣры, наиболѣе сообразныя съ тогдашнимъ положеніемъ Россіи ([35]).

Подобныя-же идеи были изложены русскимъ воен-

тогда наполненной падшими сановниками, праздными барами и всякаго рода старовѣрами, ополчившимися на реформатора, во славу предразсудковъ и мраколюбія (1). Но, кромѣ ихъ, возстали противъ Сперанскаго болѣе для него опасные, Карамзинъ и Растопчинъ. Первый, въ поднесенной Государю запискѣ: „О древней и новой Россіи", высказалъ порицаніе многихъ дѣйствій Сперанскаго. Сама Великая Княгиня Екатерина Павловна, преданная Отечеству всѣми возвышенными чувствами души своей, видя презрѣніе Сперанскаго ко всему русскому и пристрастіе къ Франціи, считала его измѣнникомъ, готовымъ предать Государя, своего благодѣтеля, и при всякомъ случаѣ старалась остеречь обожаемаго ею брата отъ замысловъ его любимца. Ежедневно, Государь слышалъ отъ ближайшихъ къ нему лицъ одни и тѣже извѣты; вездѣ — и въ дворцахъ, и въ хижинахъ, ходила молва объ измѣнѣ Сперанскаго. Александръ долго не обращалъ вниманія на эти толки, но наконецъ былъ увлеченъ общимъ мнѣніемъ. Чтобы устоять противъ голоса всей Россіи, въ тотъ часъ, когда нашествіе Наполеона требовало отъ Царя, болѣе нежели когда-либо, сродниться душею съ народомъ, чтобы устоять тогда и прикрыть невиннаго щитомъ дарованной Богомъ власти — надлежало стать выше человѣчества, и.... Александръ рѣшился наказать Сперанскаго, какъ преступника, не имѣя достовѣрныхъ доказательствъ преступленію. Не разъ уже оскорбленный до глубины души неблагодарностью близкихъ людей, Государь не могъ обсудить хладнокровно дѣйствія Сперанскаго, хотѣлъ предать его смертной казни, и только лишь великодушное вмѣшательство Паррота спасло Монарха отъ поступка, котораго послѣдствіями были бы собственное раскаяніе и порицаніе Исторіи.

Еще въ 1802 году, при обозрѣніи Императоромъ Александромъ дерптскаго университета, профессоръ Парротъ обратилъ на себя вниманіе Государя замѣчательною рѣчью, произнесенною по случаю этого событія. Сочувствуя всему прекрасному, юный Монархъ пожелалъ видѣть Паррота у себя и поставилъ его въ самыя близкія отношенія къ своей Особѣ. Парротъ, исполняя волю Государя, весьма часто писалъ ему, въ тонѣ не подданнаго, а друга, о предметахъ правительственныхъ и домашнихъ, и получалъ отъ него весьма искреннія — можно сказать — задушевныя письма; а пріѣзжая въ Петербургъ, шелъ прямо въ государевъ кабинетъ и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ Императоромъ, довѣрявшимъ ему свои государственныя и семейныя тайны. Въ то время, когда гроза монаршаго негодованія готовилась разразиться надъ Сперанскимъ, Парротъ, проведя нѣсколько дней въ Петербургѣ и собравшись ѣхать обратно въ Дерптъ, посѣтилъ Государя въ послѣдній разъ, ввечеру 15 (27) марта, и услышавъ отъ него строгій приговоръ Сперанскому, рѣшился на слѣдующій день послать Монарху письмо, въ которомъ старался отклонить его отъ принятаго имъ въ пылу гнѣва намѣренія [2]. Вотъ эти замѣчательныя строки, дѣлающія столько-же чести подданному, написавшему ихъ, сколько и Государю, благосклонно принявшему отзывъ своего друга.

„Одиннадцать часовъ ночи. Вокругъ меня глубокая тишина. Сажусь писать моему возлюбленному, моему боготворимому Александру, съ которымъ не хотѣлъ-бы никогда разлучаться. Уже сутки прошли со времени нашего прощанья, но сердце влечетъ меня еще разъ возобновить его на письмѣ.... Въ минуту, когда Вы вчера довѣрили мнѣ горькую скорбь Вашего сердца объ измѣнѣ Сперанскаго, я

видѣлъ Васъ въ первомъ пылу страсти и, надѣюсь, что теперь Вы уже далеко откинули отъ себя мысль разстрѣлять его. Не могу скрыть, что слышанное мною отъ Васъ набрасываетъ на него большую тѣнь; но въ томъ-ли Вы расположеніи духа, чтобы взвѣсить справедливость обвиненій, а еслибъ и были въ силахъ нѣсколько успокоиться, то Вамъ-ли его судить; всякая-же коммисія, наскоро для того наряженная, могла-бы состоять только изъ его враговъ. Не забудьте, что Сперанскаго ненавидятъ за то, что Вы слишкомъ его возвысили. Никто не долженъ стоять надъ министрами кромѣ Васъ самихъ. Не подумайте, чтобы я хотѣлъ ему покровительствовать: я не состою съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, и знаю даже, что онъ нѣсколько меня ревнуетъ къ Вамъ. Но если-бы и предположить, что онъ точно виновенъ, чего я еще вовсе не считаю доказаннымъ, то, все-же, опредѣлить его вину и наказаніе долженъ законный судъ, а у Васъ, въ настоящую минуту, нѣтъ ни времени, ни спокойствія духа, нужныхъ для назначенія такого суда. По моему мнѣнію, совершенно достаточно будетъ удалить его изъ Петербурга и надсматривать за нимъ такъ, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ средствъ сноситься съ непріятелемъ. Послѣ войны всегда еще будетъ врèмя выбрать судей изъ всего, чтò около Васъ найдется правдивѣйшаго. Мои сомнѣнія въ дѣйствительной виновности Сперанскаго подкрѣпляются, между прочимъ, и тѣмъ, что въ числѣ второстепенныхъ доносщиковъ на него находится отъявленный негодяй Р..... уже однажды продавшій другаго своего благодѣтеля. Докажите умѣренностію Вашихъ распоряженій въ этомъ дѣлѣ, что Вы не поддаетесь тѣмъ крайностямъ, которыя стараются Вамъ внушить. Отъ находящихъ свой интересъ слѣдить за Вашимъ

характеромъ, не укрылась, я это знаю, свойственная Вамъ черта подозрительности, и ею-то и хотятъ на Васъ дѣйствовать. На нее-же вѣроятно разсчитываютъ и непріятели Сперанскаго, которые не перестанутъ пользоваться открытою ими слабою струною Вашего характера, чтобы овладѣть Вами“ (3).

17 (29) марта, въ воскресенье, Сперанскій обѣдалъ у одной изъ своихъ знакомыхъ, Г-жи Вейкардтъ. Туда пріѣхалъ фельдъегерь съ приказаніемъ Сперанскому явиться къ Государю, въ 8 часовъ вечера. Сперанскій, котораго не требовали съ докладомъ уже болѣе мѣсяца, поспѣшилъ домой, чтобы приготовить и взять съ собою бумаги по важнѣйшимъ дѣламъ, и прибывъ во дворецъ въ назначенное время, нашелъ въ секретарской комнатѣ пріѣхавшаго также съ докладомъ, князя Александра Николаевича Голицына. Сперанскаго позвали прежде. Государь долго занимался съ нимъ обычнымъ порядкомъ. Окончивъ докладъ и уложивъ на-скоро бумаги въ портфѣль, Сперанскій ожидалъ разрѣшенія уйти, но Императоръ, быстро вставъ съ кресла, отошелъ нѣсколько шаговъ назадъ, и принявъ свойственную ему величественную позу, сказалъ: „подождите, Михаилъ Михайловичъ, мнѣ нужно еще поговорить съ вами“, и за тѣмъ сталъ упрекать своего бывшаго любимца — въ нарушеніи государственной тайны, въ порицаніи дѣйствій правительства, въ стремленіи ниспровергнуть издавна существующій порядокъ управленія и поколебать государство разстройствомъ финансовъ. „Вы хотѣли даже уничтожить сенатъ — созданіе Петра Великаго“, сказалъ онъ. Изливъ свое неудовольствіе, Государь, видимо тронутый, кончилъ рѣчь словами: „Послѣ смерти отца моего, я сегодня перенесъ наибольшее огорченіе. Прощайте, Михаилъ Михайловичъ“. Сперанскій, откланявшись и уже

притворяя за собою дверь, замѣтилъ смущеніе Государя и невольно увлеченный волновавшими его самаго чувствами, опять вошелъ въ кабинетъ и бросился цѣловать руку своего вѣнчаннаго благодѣтеля, но Александръ не дозволилъ того и обнялъ Сперанскаго, сказавъ: „Прощайте! Я дамъ вамъ знать, кому вы должны передать ваши обязанности“ (4). Выйдя отъ Государя, уже въ десять часовъ, Сперанскій, съ заплаканными глазами, почти въ безпамятствѣ, сталъ убирать въ секретарской свои бумаги, оборотясь къ князю Голицыну спиною, чтобъ скрыть свое смятеніе, и замкнувъ портфѣль, ушелъ изъ комнаты; но потомъ, какъ-бы придя въ себя, отворивъ дверь, сказалъ князю: „прощайте, ваше сіятельство“, и удалился. Спустя нѣсколько минутъ, Государь выслалъ сказать князю Голицыну, что не можетъ его принять и проситъ пріѣхать завтра, послѣ засѣданія государственнаго совѣта.

Вотъ все, чтὸ можно сказать достовѣрнаго на счетъ послѣдней аудіенціи Сперанскаго у Государя въ 1812 году; самъ онъ избѣгалъ говорить о томъ, и даже на вопросы своей дочери отвѣчалъ, что „про то вѣдаетъ и долженъ быть судьею—одинъ Богъ“ (5).

Изъ дворца Сперанскій проѣхалъ къ Магницкому (6), гдѣ засталъ жену его въ слезахъ и узналъ, что Магницкаго въ тотъ-же вечеръ увезли въ Вологду. Возвратясь къ себѣ, (въ домъ у Таврическаго сада), Сперанскій нашелъ у подъѣзда почтовую кибитку, а въ передней — частнаго пристава Шипулинскаго. На вопросъ Сперанскаго: „чтὸ вамъ нужно?“ приставъ указалъ дверь въ его кабинетъ. Тамъ нашелъ онъ одного изъ главныхъ недоброжелателей своихъ, министра полиціи Балашова и правителя канцеляріи министерства де-Санглена, завѣдывавшаго всѣми дѣлами по тайной полиціи. Бала-

шовъ объявилъ Сперанскому волю Государя — опечатать его кабинетъ, а его самого отправить въ Нижній Новгородъ. Сперанскій, желая оградить себя отъ новыхъ извѣтовъ, просилъ позволенія отложить нѣкоторыя изъ своихъ бумагъ въ особый пакетъ, за своею печатью, для передачи, вмѣстѣ съ нѣсколькими строками имъ тогда-же написанными, прямо Государю. Балашовъ согласился. Въ числѣ бумагъ, запечатанныхъ въ пакетѣ на имя Государя, были двѣ дешифрированныя депеши, присланныя отъ нашего посла при копенгагенскомъ дворѣ и взятыя Сперанскимъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, безъ Высочайшаго на то разрѣшенія, за чтò въ послѣдствіи былъ посаженъ въ крѣпость выдавшій ихъ чиновникъ министерства Бекъ. По поводу этого дѣла, Императоръ Александръ сказалъ министру юстиціи Дмитріеву: „Сперанскій до того былъ нагл, что захотѣлъ участвовать въ государственныхъ тайнахъ“ (7).

По передачѣ бумагъ Балашову, надлежало ѣхать. Сперанскій не имѣлъ духа разбудить тещу и дочь, чтобы съ ними проститься, и осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ дверь ихъ спальни, оставилъ записку, въ которой, извѣщая ихъ о своемъ отъѣздѣ на-время въ Нижній Новгородъ, приглашалъ обѣихъ пріѣхать къ нему весною. За тѣмъ, уже послѣ полуночи, онъ, въ сопровожденіи пристава, отправился въ ссылку (8).

Неожиданная вѣсть о паденіи Сперанскаго, быстро разнесшаяся по всей Россіи, была встрѣчена общею радостью. Никто не сожалѣлъ о немъ, и напротивъ того, многіе, удивляясь милосердію Государя, роптали на его кротость, спасшую измѣнника отъ заслуженной кары; общая ненависть къ изгнанному временщику была такъ сильна, такъ распространена въ народѣ, что Сперанскій, пожелавъ взгля-

нуть на Макарьевскую ярмарку, едва не былъ убитъ въ гостиномъ дворѣ разъяренною чернью (9).

Еще и теперь не вполнѣ разъясненъ вопросъ: дѣйствительно-ли былъ виновенъ Сперанскій? Но если и можно его въ чемъ либо упрекнуть, то конечно не въ томъ, въ чемъ обвиняли его въ смутную эпоху 1812 года, когда пристрастіе къ Наполеону и Франціи было въ понятіяхъ русскаго народа государственною измѣною. Что Сперанскій не былъ измѣнникомъ, доказательствомъ тому служитъ довѣріе къ нему въ послѣдствіи Императора Александра и его преемника.

По удаленіи Сперанскаго, дѣла, бывшія пищею его кипучей дѣятельности, перешли въ вѣдѣніе нѣсколькихъ лицъ: старшему изъ статсъ-секретарей Оленину повелѣно докладывать бумаги въ государственномъ совѣтѣ; работы по коммисіи составленія законовъ поручены особому совѣту, подъ предсѣдательствомъ Розенкампфа; канцлеромъ Абоскаго университета избранъ графъ Армфельдтъ; важнѣйшимъ же изъ прежнихъ званій Сперанскаго, именно государственнаго секретаря, облеченъ поборникъ древняго языка Руси, посредственный писатель, но горячій патріотъ, вице-адмиралъ Шишковъ. Замѣтимъ, что Шишковъ, нося это званіе, не занимался дѣлами государственнаго совѣта, ограничиваясь редакціей манифестовъ и другихъ актовъ, и сопутствуя Государю при поѣздкахъ его въ 1812 году въ армію и въ послѣдующихъ годахъ за границу (10). Порученіе Шишкову такой обязанности показывало, что правительство, готовясь вести народную войну, выдвигало впередъ людей извѣстныхъ особенною любовью къ отечеству. Въ подобномъ-же духѣ было сдѣлано назначеніе московскимъ главнокомандующимъ графа Растопчина.

принималъ живое участіе въ судьбѣ своихъ подчиненныхъ; въ одной изъ поданныхъ имъ Государю записокъ, находимъ: „необходимо улучшить положеніе нашихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, которые терпятъ бо̀льшую нужду нежели солдаты, не требующіе ничего, кромѣ хорошаго обращенія, то есть чтобъ ихъ считали людьми способными любить отечество, если это чувство не подавлено въ нихъ палочными ударами“ ([16]). Но у Барклая недоставало дара одушевлять войска и говорить съ русскими солдатами; и народъ — и армія — считали его иностранцемъ, что̀ въ отечественную войну 1812 года было несчастіемъ для него самаго и мѣшало общей пользѣ. При всей твердости своего характера, Барклай нерѣдко былъ принужденъ, угождая общему мнѣнію, дѣйствовать противно своему собственному, что̀ поставляло его въ фальшивое положеніе и поселяло недовѣрчивость къ нему въ арміи.

Главнокомандующій 2-ю арміей, князь Багратіонъ, сроднившійся съ русскими войскали на полѣ чести, постоянно водившій ихъ къ побѣдѣ, либо прикрывавшій ихъ своею грудью, былъ, какъ выражался о немъ графъ Растопчинъ — „генералъ по образу и подобію Суворова“, котораго считался любимцемъ. Блистательные подвиги нашихъ войскъ: очаковскій и прагскій штурмы, переправа черезъ Адду, побѣды на Требіи и при Нови, бой при Шёнграбенѣ и битва при Прейсишъ-Эйлау: всѣ эти подвиги неразлучны съ именемъ Багратіона. Справедливый къ заслугамъ своихъ подчиненныхъ, онъ очаровывалъ всѣхъ окружавшихъ его и былъ ими обожаемъ. Довѣрчивость Багратіона къ ближайшимъ сподвижникамъ его была неограниченна, что̀ иногда подавало имъ возможность употреблять во зло его благосклонность. Уступая Барклаю де-Толли въ образованіи, теоретиче-

скихъ свѣдѣніяхъ и административной опытности, Багратіонъ умѣлъ говорить съ русскимъ солдатомъ, и напоминая Суворова, заставлять войска дѣйствовать по-суворовски.

Императоръ Александръ зналъ и цѣнилъ высоко способности обоихъ военачальникомъ, но будучи увѣренъ, что ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи бороться съ геніяльнымъ Наполеономъ, не назначилъ общаго вождя Западныхъ армій и оставилъ въ сомнѣніи вопросъ о взаимномъ ихъ старшинствѣ: Барклай соединялъ въ лицѣ своемъ должность военнаго министра и главнокомандующаго сильнѣйшей арміи; а Багратіонъ былъ старѣе въ чинѣ, хотя и произведенъ былъ одновременно съ Барклаемъ.

Подъ начальствомъ Барклая де-Толли и князя Багратіона командовали корпусами многіе отличные генералы. Въ числѣ ихъ были: великодушный, храбрый Витгенштейнъ, предназначенный утѣшать своими побѣдами Россію въ годину бѣдствій; мужественный видомъ и духомъ, рыцарь Багговутъ; Тучковъ, одинъ изъ трехъ братьевъ, купившихъ своею кровью предстоявшее торжество Русскихъ надъ Французами; непоколебимый въ опасностяхъ Дохтуровъ; вѣрный, и въ войнѣ, и въ мирѣ, защитникъ славы и чести Россіи, графъ Паленъ; ласковый, привѣтливый, начальникъ, образованный воинъ, Раевскій, и кумиръ Донцовъ, гроза Французовъ, Платовъ.

Императоръ Александръ, получивъ свѣдѣніе о сосредоточеніи французскихъ войскъ близъ западныхъ границъ Имперіи, отправился въ главную квартиру 1-й арміи, находившуюся въ Вильнѣ. 9-го апрѣля ст. ст. въ два часа по полудни, по совершеніи молебствія въ Казанскомъ соборѣ митрополитомъ

Амвросіемъ, Государь, сопровождаемый мольбами во множествѣ стекшагося на пути его народа, выѣхалъ изъ столицы и 14-го прибылъ въ Вильно. При Его Величествѣ находились: принцы Георгій Ольденбургскій и Александръ Виртембергскій, канцлеръ графъ Румянцовъ, графъ Кочубей, графъ Николай Александровичъ Толстой, государственный секретарь Шишковъ, генералы: Беннигсенъ, графъ Аракчеевъ, Балашовъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій и графъ Комаровскій, графъ Нессельродъ, графъ Армфельдтъ, баронъ Штейнъ, генералъ Фуль, и проч. (17).

Первыя двѣ недѣли пребыванія Государя въ Вильнѣ, съ половины до конца апрѣля, прошли въ смотрахъ войскъ и въ соображеніяхъ предстоявшихъ дѣйствій.

Въ концѣ апрѣля прибылъ въ нашу главную квартиру, съ письмомъ отъ Наполеона, графъ Нарбоннъ, бывшій камеръ-юнкеръ принцессы Аделаиды, тетки Короля Людовика XVI, военный министръ его, въ бурную эпоху Революціи, потомъ эмигрантъ, и наконецъ одинъ изъ генералъ-адъютантовъ Наполеона, который, отдавая справедливость уму и благородству характера Нарбонна, говорилъ, что изъ всѣхъ состоявшихъ при французскомъ императорскомъ дворѣ лицъ, чаще другихъ говорилъ правду бывшій королевскій придворный. Въ письмѣ Наполеона заключалось повтореніе прежнихъ домогательствъ его, на счетъ отмѣны тарифа 1810 года и совершеннаго прерванія торговли съ Англичанами; дѣйствительная-же цѣль поѣздки Нарбонна состояла въ томъ, чтобы вывѣдать намѣренія Императора Александра. Государь принялъ незванаго гостя благосклонно и пригласилъ его на смотръ 3-й дивизіи Коновницына. Впрочемъ — Россійскій Монархъ, по

словамъ Нарбонна, выказалъ себя предъ нимъ неизмѣннымъ въ принятой имъ рѣшимости отразить силу силою. Указавъ на лежавшую предъ нимъ карту Россіи, Императоръ Алелсандръ сказалъ: „Я не ослѣпляюсь мечтами; я знаю въ какой мѣрѣ Императоръ Наполеонъ обладаетъ способностями великаго полководца, но на моей сторонѣ — пространство и время. Во всей этой враждебной для васъ землѣ, нѣтъ мѣста, которое оставилъ-бы я безъ сопротивленія, прежде, нежели соглашусь заключить постыдный миръ. Я не начну войны, но не положу оружія, пока хотя одинъ непріятель будетъ оставаться въ Россіи" (18).

По прибытіи въ Вильну Штейна, 31 мая (12 іюня), Императоръ Александръ приказалъ графу Нессельроду спросить у него, какое мѣсто желалъ-бы занять онъ, и получилъ отвѣтъ, что онъ, не имѣя намѣренія вступить въ нашу службу, хотѣлъ-бы ограничить свою дѣятельность предметами касающимися Германіи. Государь, приказавъ оставить при себѣ прусскаго министра, принялъ его весьма милостиво и долго бесѣдовалъ съ нимъ о современной политикѣ, объясняя обстоятельства, побудившія къ заключенію мира въ Тильзитѣ. Тогда-же Императоръ Александръ изъявилъ Штейну свою непоколебимую рѣшимость вести войну со всевозможною настойчивостью, и охотнѣе подвергнуться всякимъ опасностямъ и бѣдствіямъ, нежели согласиться на безславный миръ (19). Государь, по предложенію Штейна, учредилъ особый комитетъ, долженствовавшій заниматься изысканіемъ средствъ для возбужденія войскъ и жителей Германіи противъ Наполеона; въ комитетъ были назначены членами: принцъ ольденбургскій Георгъ, графъ Кочубей, Штейнъ и прибывшій

Амвросіемъ, Государь, сопровождаемый мольбами во множествѣ стекшагося на пути его народа, выѣхалъ изъ столицы и 14-го прибылъ въ Вильно. При Его Величествѣ находились: принцы Георгій Ольденбургскій и Александръ Виртембергскій, канцлеръ графъ Румянцовъ, графъ Кочубей, графъ Николай Александровичъ Толстой, государственный секретарь Шишковъ, генералы: Беннигсенъ, графъ Аракчеевъ, Балашовъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій и графъ Комаровскій, графъ Нессельродъ, графъ Армфельдтъ, баронъ Штейнъ, генералъ Фуль, и проч. ([17]).

Первыя двѣ недѣли пребыванія Государя въ Вильнѣ, съ половины до конца апрѣля, прошли въ смотрахъ войскъ и въ соображеніяхъ предстоявшихъ дѣйствій.

Въ концѣ апрѣля прибылъ въ нашу главную квартиру, съ письмомъ отъ Наполеона, графъ Нарбоннъ, бывшій камеръ-юнкеръ принцессы Аделаиды, тетки Короля Людовика XVI, военный министръ его, въ бурную эпоху Революціи, потомъ эмигрантъ, и наконецъ одинъ изъ генералъ-адъютантовъ Наполеона, который, отдавая справедливость уму и благородству характера Нарбонна, говорилъ, что изъ всѣхъ состоявшихъ при французскомъ императорскомъ дворѣ лицъ, чаще другихъ говорилъ правду бывшій королевскій придворный. Въ письмѣ Наполеона заключалось повтореніе прежнихъ домогательствъ его, на счетъ отмѣны тарифа 1810 года и совершеннаго прерванія торговли съ Англичанами; дѣйствительная-же цѣль поѣздки Нарбонна состояла въ томъ, чтобы вывѣдать намѣренія Императора Александра. Государь принялъ незванаго гостя благосклонно и пригласилъ его на смотръ 3-й дивизіи Коновницына. Впрочемъ — Россійскій Монархъ, по

и льстивыми обѣщаніями. Это порученіе было возложено на Прадта, архіепископа мехельнскаго (Malines), которому предписано, между прочимъ: „довести Поляковъ до восторга, но не до безумія". Вслѣдъ за тѣмъ, Лористонъ получилъ повелѣніе — отправиться, для веденія переговоровъ, изъ Петербурга въ Вильну, но Императоръ Александръ не изъявилъ согласія на эту поѣздку; да еслибы она и состоялась, то не повела-бы къ отклоненію войны. По прибытіи графа Нарбонна въ Дрезденъ, когда курьеръ, посланный къ Лористону, еще неуспѣлъ доѣхать до Петербурга, Наполеонъ ускорилъ движеніе своихъ войскъ къ русскимъ границамъ и самъ выѣхалъ 16 (28) мая, изъ Дрездена въ Данцигъ, гдѣ пробылъ съ 26 по 31 (съ 7 по 12 іюня н. ст.) и объявилъ, что этотъ городъ присоединяется къ Французской Имперіи; а за тѣмъ перенесъ свою главную квартиру въ Кёнигсбергъ и проведя тамъ 4 дня, отправился въ Вильковишки, куда прибылъ 9 (21) іюня. Въ это время „Великая армія" уже приближалась къ Нѣману, и Наполеонъ могъ убѣдиться собственными глазами въ томъ, что страна, чрезъ которую прошла она, была разорена совершенно, и что кавалерія, артиллерія, и въ особенности обозы арміи, уже успѣли разстроиться. Немедленно были приняты мѣры для уменьшенія обозовъ, доставки провіанта и фуража водою изъ Данцига въ Вильну и для отправленія въ слѣдъ за арміею понтоновъ, осаднаго парка, одежды, обуви, и проч. Напрасно историки войны 1812 года обвиняли Наполеона въ недостаткѣ дѣятельности, въ нерадѣніи о войскахъ. Напрасно не узнавали въ немъ полководца дѣйствовавшаго со славою въ Италіи и Германіи. Снабженіе всѣмъ нужнымъ полумилліонной арміи, съ 200,000 лошадей, въ Пруссіи, странѣ истощенной прежнею

войною и несмѣтными контрибуціями, выходило изъ предѣловъ возможнаго. Тѣмъ не менѣе, однакоже, Наполеону удалось, противъ растянутыхъ на 300 верстъ нашихъ Западныхъ армій, собрать почти тройныя силы и расположить ихъ сообразно предположенному имъ плану дѣйствій. Имѣя свѣдѣнія о распредѣленіи русскихъ войскъ, и даже о видахъ русскихъ военачальниковъ ([22]), Наполеонъ, сколько можно судить изъ отданныхъ имъ приказаній, имѣлъ намѣреніе прорвать длинную линію, занимаемую нашими арміями и разобщить ихъ одну отъ другой. Переправа черезъ Нѣманъ близъ Ковна представляла удобнѣйшій пунктъ для вторженія въ Россію по многимъ обстоятельствамъ: во 1-хъ, рѣка Нѣманъ тамъ образуетъ входящій уголъ, откуда можно было въ три перехода достигнуть Вильны, средоточія всѣхъ главныхъ пунктовъ окрестной страны; во 2-хъ, переправясь у Ковна, Наполеонъ могъ овладѣть обоими берегами Виліи и не позволить намъ оборонять переправу чрезъ сію рѣку, и въ 3-хъ, мѣстность у Ковна, по превышенію лѣваго берега Нѣмана надъ правымъ, представляла непріятелю выгоды въ тактическомъ отношеніи. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Наполеонъ сосредоточилъ противъ Ковна у Пильвишекъ главныя силы, въ числѣ до 220-ти тысячъ человѣкъ ([23]). Другая масса войскъ, до 80-ти тысячъ человѣкъ ([24]), подъ начальствомъ вице-короля, назначенная для содѣйствія разобщенію нашихъ армій, была расположена у Маріамполя и Кальвари, правѣе и нѣсколько позади главныхъ силъ, чтобы преждевременнымъ появленіемъ не побудить насъ къ сосредоточенію силъ; съ подобною-же цѣлью была оставлена, еще болѣе назади, у Новогрода и впереди Пултуска, третья масса войскъ, также въ числѣ 80-ти тысячъ человѣкъ ([25]), подъ начальствомъ

Короля Вестфальскаго, долженствовавшая направиться противъ 2-й Западной арміи, не прежде какъ по отрѣзаніи ея отъ 1-й арміи главными силами: такимъ образомъ, Наполеонъ предполагалъ, занявъ Вильну, устремить свою главную массу противъ Барклая, къ Двинѣ, а другую часть, подъ начальствомъ маршала Даву, вправо, во флангъ князя Багратіона, атакованнаго, между тѣмъ, съ фронта войсками Короля Іеронима; кромѣ того, на оконечностяхъ „Великой арміи“ двигались Шварценбергъ, съ 30,000 Австрійцевъ, къ Дрогичину на Бугѣ, и Макдональдъ, съ своднымъ корпусомъ, также въ числѣ до 30,000 человѣкъ, къ Тильзиту на нижнемъ Нѣманѣ, для встрѣчи русскихъ войскъ, отброшенныхъ въ стороны главными силами Наполеона ([26]). Отдавая справедливость этому искусному плану дѣйствій, нельзя однакоже не замѣтить, что онъ былъ весьма сложенъ, и по тому исполненіе его требовало чрезвычайной точности; главное-же неудобство его заключалось въ томъ, что армія Короля Вестфальскаго, находясь слишкомъ далеко назади прочихъ наполеоновыхъ войскъ и двигаясь по дурнымъ дорогамъ, не могла принять указаннаго ей участія въ дѣйствіяхъ.

По прибытіи въ Вильковишки, Наполеонъ, 10 (22) іюня, объявилъ въ приказѣ по войскамъ слѣдующее воззваніе:

„Солдаты! Вторая польская война началась! Первая кончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ, гдѣ Россія клялась вѣчно сохранять союзъ съ Франціей и враждовать съ Англіей. Она нарушила эту клятву! Она отказывается объяснить свои странныя дѣйствія, пока французскіе орлы не отойдутъ за Рейнъ, предоставя ей въ жертву нашихъ союзниковъ. Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ

судьбы своей. Неужели она думаетъ, что мы измѣнились? Развѣ мы уже не воины Аустерлица? Она предлагаетъ намъ безчестіе, либо войну: выборъ не подлежитъ сомнѣнію. И такъ — впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи! Вторая польская война будетъ славна для Франціи столькоже сколько и первая, но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и прекратитъ полувѣковое кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы“ (27).

На слѣдующій день, въ 9 часовъ вечера, началась наводка понтонныхъ мостовъ на Нѣманѣ, у селенія Понѣмуня, близъ Ковна, и въ часъ по полуночи заколыхались мосты подъ тяжестью необозримыхъ колоннъ и обозовъ. Извѣстіе о переправѣ непріятеля пришло въ Вильну ночью съ 12-го (24-го) на 13-е (25-е) іюня. Государь, въ то время, находился на балѣ, данномъ генералъ-адъютантами Его Величества, въ Закретѣ. Министръ полиціи Балашовъ тихонько доложилъ о томъ Государю. Императоръ Александръ, повелѣвъ Балашову сохранять въ тайнѣ роковую вѣсть, оставался на балѣ еще около часа, а потомъ провелъ въ трудахъ большую часть ночи: корпусамъ 1-й арміи предписано отступать къ Свенцянамъ, Платову — ударить во флангъ непріятелю, князю Багратіону — поддерживать Платова (28); государственный секретарь Шишковъ получилъ отъ Государя повелѣніе: „написать приказъ войскамъ и въ Петербургъ къ фельдмаршалу графу Салтыкову о вступленіи непріятеля въ наши предѣлы, и между прочимъ сказать, что не будетъ мира, доколѣ хотя одинъ непріятельскій воинъ будетъ оставаться въ нашей землѣ“ (29).

Бумаги эти, подписанныя Государемъ въ туже ночь, были слѣдующаго содержанія:

„Приказъ нашимъ арміямъ.

„Изъ давняго времени примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки Французскаго Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ нашей Имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго нами спокойствія. Французскій Императоръ, нападеніемъ на войска наши при Ковнѣ, открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего инаго, какъ, призвавъ на помощь свидѣтеля и заступника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ".

„Въ Вильнѣ. Іюня 13-го 1812 года.

„Александръ".

„Фельдмаршалу графу Салтыкову.

„Графъ Николай Ивановичъ!

„Французскія войска вошли въ предѣлы нашей Имперіи. Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое наблюденіе союза. Я для сохраненія мира истощилъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ Престола и пользою моего народа. Всѣ старанія мои были безуспѣшны. Императоръ

Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Незапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается мнѣ инаго, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученные мнѣ Провидѣніемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе моего народа и храбрость войскъ моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостію и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное наше дѣло. Оборона Отечества, сохраненіе независимости и чести народной, принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ моемъ. Пребываю къ вамъ благосклонный".

„Вильна. Іюня 13-го дня 1812 года.

„Александръ".

Императоръ Александръ, предпринимая борьбу съ сильнымъ противникомъ, скорбѣлъ о бѣдствіяхъ, угрожавшихъ его подданнымъ, и не упускалъ никакого средства къ отвращенію войны, даже и тогда, когда исчезла послѣдняя надежда на сохраненіе мира. 13 (25) іюня, въ девять часовъ вечера, Государь, пославъ за генералъ-адъютантомъ Балашовымъ, сказалъ ему: „Ты вѣрно не знаешь, зачѣмъ тебя я призвалъ: Я намѣренъ тебя послать къ Императору Наполеону. Я сейчасъ получилъ донесеніе изъ Петербурга, что нашему министерству иностранныхъ дѣлъ прислана нота отъ французскаго посольства, въ которой изъяснено, что какъ нашъ посолъ въ Парижѣ князь Куракинъ неотступно требовалъ, два въ одинъ день, паспортовъ ѣхать изъ Франціи,

то это принимается за разрывъ и повелѣвается равномѣрно и графу Лористону просить паспортовъ и ѣхать изъ Россіи". Государь прибавилъ: „И такъ, я хотя весьма слабую, но вижу причину, въ первой еще разъ, которую беретъ предлогомъ Наполеонъ для войны; но и та ничтожна, потому что Куракинъ сдѣлалъ это самъ собою, а отъ Меня не имѣлъ повелѣнія; онъ увидѣлъ, что всѣ ѣдутъ изъ Парижа, не только Наполеонъ, но и Бассано, и счелъ, что ему не у кого будетъ послѣ вытребовать себѣ паспортовъ, и для того настоятельно требовалъ его прежде ихъ еще выѣзда. А какъ, между тѣмъ, присылка была ко Мнѣ отъ Наполеона его генералъ-адъютанта графа Нарбонна, который и министромъ былъ военнымъ прежде, то въ соотвѣтственность сего и рѣшился Я послать тебя. Хотя впрочемъ, между нами сказать, Я не ожидаю отъ сей посылки прекращенія войны, но пусть-же будетъ извѣстно Европѣ и послужитъ новымъ доказательствомъ, что начинаемъ ее не мы".

Государь прочелъ и вручилъ Балашову собственноручное письмо свое къ Наполеону, повелѣвъ объявить ему, что: „если онъ намѣренъ вступить въ переговоры, то они сейчасъ начаться могутъ, съ условіемъ однимъ, но непреложнымъ, чтобы арміи его вышли за границу; въ противномъ-же случаѣ, Государь даетъ слово, покуда хотя одинъ вооруженный Французъ будетъ въ Россіи, не говорить и не принять ни одного слова объ мирѣ" ([30]).

---

13 (25) іюня, главныя силы Наполеона двинулись къ Вильнѣ, кромѣ корпуса Удино, посланнаго по правой сторонѣ Виліи, по дорогѣ къ Вилькомиру, а 16 (28) Наполеонъ торжественно вступилъ въ

Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Незапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается мнѣ инаго, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученные мнѣ Провидѣніемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе моего народа и храбрость войскъ моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостію и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное наше дѣло. Оборона Отечества, сохраненіе независимости и чести народной, принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ моемъ. Пребываю къ вамъ благосклонный".

„Вильна. Іюня 13-го дня 1812 года.

„Александръ".

Императоръ Александръ, предпринимая борьбу съ сильнымъ противникомъ, скорбѣлъ о бѣдствіяхъ, угрожавшихъ его подданнымъ, и не упускалъ никакого средства къ отвращенію войны, даже и тогда, когда исчезла послѣдняя надежда на сохраненіе мира. 13 (25) іюня, въ девять часовъ вечера, Государь, пославъ за генералъ-адъютантомъ Балашовымъ, сказалъ ему: „Ты вѣрно не знаешь, зачѣмъ тебя я призвалъ: Я намѣренъ тебя послать къ Императору Наполеону. Я сейчасъ получилъ донесеніе изъ Петербурга, что нашему министерству иностранныхъ дѣлъ прислана нота отъ французскаго посольства, въ которой изъяснено, что какъ нашъ посолъ въ Парижѣ князь Куракинъ неотступно требовалъ, два раза въ одинъ день, паспортовъ ѣхать изъ Франціи,

хомъ" — отвѣчалъ Балашовъ. „Вы ничего не могли сдѣлать вмѣстѣ съ Австріею — продолжалъ Наполеонъ, — а теперь со мною идетъ вся Европа; на кого вы надѣетесь?" — „Мы сдѣлаемъ, что̀ сможемъ" — сказалъ Балашовъ. Наполеонъ, узнавъ, что Русскіе заключили миръ съ Турками, отозвался съ презрѣніемъ о Турціи и Швеціи, угрожалъ уничтожить Пруссію и кончилъ рѣчь изъявленіемъ наклонности къ миру. „Увѣрьте отъ моего имени Императора Александра — сказалъ онъ — что я ему преданъ по прежнему.... что умѣю цѣнить его высокія качества. Боже, Боже мой! Какъ прекрасно былобы его царствованіе, еслибы онъ не разладилъ со мною... Не стану долѣе удерживать васъ, генералъ! Вы получите отъ меня письмо къ вашему Государю".

По выходѣ отъ Наполеона, Балашовъ былъ приглашенъ Дюрокомъ къ обѣду Императора, въ семь часовъ. На этомъ обѣдѣ, куда, кромѣ Балашова, были приглашены Бертье, Бессьеръ и Коленкуръ, Наполеонъ, между прочимъ, спросилъ у Балашова: „Много-ли жителей въ Москвѣ?" — „300 тысячъ".— „А домовъ?" — „10 тысячъ". — „А церквей?" — „Болѣе 240".—„Къ чему такое множество?" — „Русскій народъ набоженъ".—„Полноте, какая теперь набожность?" — „Извините меня, ваше величество — сказалъ Балашовъ — можетъ быть въ Германіи и Италіи мало набожныхъ; но ихъ еще много въ Испаніи и Россіи". Наполеонъ, недовольный намёкомъ на Испанію, замолчалъ, но вдругъ, снова обратясь къ Балашову, спросилъ: „по какой дорогѣ можно пройти къ Москвѣ?" — „Ваше величество поставили меня въ большое затрудненіе — отвѣчалъ Балашовъ.— Русскіе, какъ и Французы, говорятъ, что къ Риму можно пройти по всякой дорогѣ. Въ Москву тоже многіе пути. Карлъ XII туда шелъ на Полтаву".

(72) Сенатскій указъ, 28 августа 1807 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,599).

(73) Именной указъ каменецъ-подольскому военному губернатору, 19 октября 1807 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,651).

(74) Сенатскій указъ, 15 февраля 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,027).

(75) Баронъ Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. Т. I. 148—149 и 157.

(76) Бар. Корфъ. Т. I. 155.

(77) Бар. Корфъ. Т. I. 157—160.

(78) Карамзинъ. О древней и новой Россіи.

(79) Именные указы, 3 іюля и 3 ноября 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. №№ 22,191 и 22,340).

(80) Высочайше утвержденное Постановленіе о Лицеѣ, 12 августа 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,325).

(81) Указъ 28 февраля 1721 года (Полн. Собр. Закон. Т. VI. № 3,720).

(82) Именной указъ Синоду, отъ 26 іюня 1808 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 23,122).

(83) Русск. Вѣстн. 1868. IV. 494—497.

(84) Именной указъ министру народнаго просвѣщенія, 31 марта 1811 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,574).

(85) Высочайше утвержденный докладъ министра народнаго просвѣщенія 5 августа 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,314).

(86) Высочайше утвержденный докладъ министра народнаго просвѣщенія, 1 сентября 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,262).

вилась ему депутація, присланная изъ Варшавы. Депутаты надѣялись, что онъ изъявитъ имъ свои намѣренія на счетъ Польши; но, вмѣсто того, услышали вызовъ къ вооруженію противъ Россіи и обѣщаніе покровительства въ общихъ неопредѣлительныхъ выраженіяхъ (34). Не помышляя о мнимомъ возрожденіи Поляковъ къ новой политической жизни, Наполеонъ считалъ ихъ годными только на убой (chair à canon), вмѣстѣ съ прочими войсками „Великой арміи“. Да и не могъ онъ поступать иначе: еслибы онъ положительно объявилъ о возстановленіи Польши, то Австрія направила-бы ему въ тылъ всѣ свои вооруженныя силы.

Продолжительное пребываніе Наполеона въ Вильнѣ оказало невыгодное вліяніе на дѣйствія его арміи. Изъ всѣхъ военачальниковъ, получившихъ образованіе въ его практической школѣ, никто не могъ замѣнить его, и въ особенности при чрезвычайныхъ затрудненіяхъ войны въ Россіи. Усиленные переходы по дурнымъ дорогамъ, чрезвычайныя лишенія, ненастье и наступившіе послѣ него жары: все это имѣло послѣдствіемъ множество больныхъ, отсталыхъ и мародёровъ; число послѣднихъ въ іюлѣ доходило до 50,000. Армія, составленная изъ разноплеменныхъ солдатъ, большею частью уроженцевъ странъ пользующихся умѣреннымъ климатомъ, была не въ силахъ выдержать тяжкое испытаніе и замѣтно таяла (35). Весьма естественно, что, въ такихъ обстоятельствахъ, непріятелю не удалось отрѣзать ни малѣйшей части русскихъ войскъ: въ концѣ іюня (въ первой половинѣ іюля), 1-я Западная армія сосредоточилась въ лагерѣ при Дриссѣ. Какъ въ тоже самое время князь Багратіонъ, не успѣвъ ни присоединиться къ главнымъ силамъ у Вилейки, ни предупредить непріятеля въ Минскѣ, находился на

(7) Генеральный отчетъ о государственныхъ доходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1808 годъ (Въ особомъ Приложеніи).

(8) Серебряный рубль ходилъ на ассигнаціи:

въ маѣ 1809 года по	2 р.	11	коп.
» августѣ » »	2 »	40	»
» сентябрѣ » »	2 »	25	»
» ноябрѣ » »	2 »	80	»

Ассигнацій въ 1809 году выпущено на 55,832,720 рублей, что составило вмѣстѣ съ прежними 533,201,300 рублей.

(9) Генеральный отчетъ о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1810 годъ (Въ особомъ Приложеніи).

(10) Извлечено изъ протокола департамента Экономіи Государственнаго Совѣта, отъ 21 генваря 1810 года.

(11) Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,116.

(12) Протоколы Государственнаго Совѣта, въ разныхъ числахъ мая 1810 года.

(13) Протоколъ департамента Экономіи Государственнаго Совѣта, 30 іюля 1810 года.

(14) Манифестъ 10 сентября 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,346).

(15) Положеніе 19 декабря 1810 года о неутральной торговлѣ на 1811 годъ, въ портахъ Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей и по всей западной сухопутной границѣ (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,464).

(16) Серебряный рубль ходилъ на ассигнаціи:

въ генварѣ 1810 года по	2 р.	44	коп.
» іюлѣ » »	3 »	2	»
» сентябрѣ » »	3 »	75	»
» декабрѣ » »	4 »	1	»

Средняя цѣна серебрянаго рубля была въ продолженіи года около 3 р. 10 к. ассигнаціями.

Ассигнацій въ 1810 году выпущено на 43,798,700 рублей, что составило вмѣстѣ съ прежними 577 милліоновъ рублей.

(17) Генеральный отчетъ о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1810 годъ (Въ особомъ Приложеніи).

(18) Протоколы Государственнаго Совѣта.

(19) Серебряный рубль ходилъ на ассигнаціи:

въ генварѣ 1811 года по	4 р.	5	коп.
» февралѣ — » »	3 »	84	»
» маѣ — » »	4 »	4	»
» октябрѣ — » »	4 »	9	»
» декабрѣ — » »	3 »	75	»

(20) Генеральный отчетъ о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1811 годъ (Въ особомъ Приложеніи).

нашу видитъ Богъ и ниспошлетъ на васъ свое благословеніе“.

Пребываніе Императора Александра въ Дриссѣ ознаменовалось весьма важными мѣрами въ политическомъ, военномъ и административномъ отношеніяхъ. Дунайской арміи повелѣно, вмѣсто предположеннаго, по проекту Чичагова, движенія въ Италію обратиться на Волынь, для соединенія съ Тормасовымъ, которому тогда-же предписано открыть наступательныя дѣйствія (36). Императоръ Александръ, чрезъ Наслѣднаго шведскаго принца, открылъ переговоры о мирѣ съ Англичанами, что имѣло послѣдствіемъ заключеніе союза между Россіею и Великобританіей, 6 (18) іюля, въ Эребро (Oerebro). Тогда-же, по предложенію Штейна, Государь согласился дать завѣреніе вѣнскому двору, въ томъ, что русскія войска, въ случаѣ отступленія Шварценберга въ Галицію, не перейдутъ границъ сей области въ продолженіи полутора мѣсяца (37). Объявленъ манифестъ о наборѣ въ нѣсколькихъ губерніяхъ по 5-ти рекрутъ съ 500 душъ (38). Кромѣ 12-ти новыхъ полковъ, формируемыхъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, повелѣно генералъ-лейтенанту Клейнмихелю составить изъ рекрутскихъ депо еще шесть полковъ (39). Кіевскому военному губернатору, генералу отъ инфантеріи Милорадовичу предписано сформировать изъ рекрутскихъ депо въ Калугѣ корпусъ въ 55 баталіоновъ, 26 эскадроновъ и 14 артиллерійскихъ ротъ, и быть въ совершенной готовности къ выступленію. Тогда-же впервые выражено намѣреніе Государя — образовать общее ополченіе. „Я рѣшился — писалъ онъ Барклаю де-Толли — призвать народъ къ истребленію врага, вторгнувшагося въ наши предѣлы, какъ къ такому дѣлу, котораго тре-

буетъ самая Вѣра, Надѣюсь, что мы въ этомъ отношеніи не уступимъ Испанцамъ“ (40).

Въ лагерѣ при Дриссѣ былъ назначенъ начальникомъ штаба 1-й Западной, сто-тысячной арміи Ермоловъ. Такое назначеніе одного изъ младшихъ генераловъ въ арміи, (410-го по общему списку генералъ-маіоровъ), тридцати пяти лѣтъ отъ рода, не смотря на ходатайство уже сильнаго тогда графа Аракчеева объ одномъ изъ старшихъ генералъ-лейтенантовъ, Ник. Алексѣев. Тучковѣ, было основано на довѣріи, внушенномъ Императору Александру распорядительностью Ермолова въ командованіи 1-ю гвардейскою дивизіей. Государь, призвавъ его къ себѣ, непосредственно по назначеніи въ начальники штаба, поручилъ ему писать прямо на Высочайшее имя о всемъ, чтò найдетъ нужнымъ. Эти письма, заключавшія въ себѣ стольже откровенныя, сколько и рѣзкія сужденія о нѣкоторыхъ ошибкахъ Барклая де-Толли, о недовѣріи къ нему войскъ и о неспособности къ военному дѣлу генерала Эртеля, возбудили противъ Ермолова не только зависть и недоброжелательство главной квартиры, но и холодность барклаева преемника, Кутузова. Самъ Барклай никогда немогъ простить Ермолову этихъ писемъ, а враги Ермолова не упустили случая выставить его интригантомъ. Но общественное мнѣніе постоянно было на его сторонѣ. Никто не имѣлъ болѣе Ермолова — ни ожесточенныхъ недоброжелателей въ старшихъ и равныхъ себѣ, ни усердно преданныхъ поклонниковъ въ своихъ подчиненныхъ. Офицеры и солдаты, плѣняясь его воинственнымъ видомъ, его прямодушіемъ (невсегда искреннимъ) и краснорѣчивою русскою рѣчью, покорялись его вліянію и готовы были идти за нимъ въ огонь и въ воду. Если мы къ этимъ немногимъ чертамъ прибавимъ, что

Ермоловъ, одаренный большимъ умомъ и счастливою памятью, развилъ самообразованіемъ свои высокія природныя качества, то дадимъ нѣкоторое понятіе о семъ замѣчательномъ военномъ человѣкѣ, дипломатѣ и администраторѣ, тѣмъ, которые не имѣли случая знать его лично.

Неудобства занятаго 1-ю Западною арміей лагеря при Дриссѣ были очевидны для многихъ. Находясь въ сторонѣ отъ главныхъ путей ведущихъ внутрь Имперіи, онъ не прикрывалъ ни одного изъ нихъ непосредственно; въ тактическомъ-же отношеніи онъ также былъ весьма невыгоденъ: укрѣпленія его были весьма слабы; лѣсъ, въ разстояніи полуверсты отъ лѣваго крыла нашей позиціи, способствовалъ непріятелю скрытно приблизиться и повести атаку сосредоточенными силами; лагерь былъ изрѣзанъ глубокими оврагами, затруднявшими передвиженіе войскъ; спуски къ мостамъ были круты; наконецъ — броды на Двинѣ, выше и ниже лагеря, дозволяли непріятелю перейти на правую сторону рѣки и обложить нашу армію. Самъ Барклай выражалъ сомнѣніе въ достоинствѣ укрѣплённаго лагеря ([41]); прочіе наши генералы были такого-же мнѣнія, а исправлявшій временно должность начальника штаба, генералъ Паулуччи не давалъ покою Фулю, называя — какъ-бы ошибкою — нашу позицію лагеремъ подъ Пирною ([42]). Но никто не рѣшался сказать, что для спасенія арміи надлежало оставить лагерь, котораго укрѣпленіе стоило намъ годовой работы и немалыхъ издержекъ. Къ счастью, въ штабѣ главнокомандующаго былъ весьма свѣдущій офицеръ и — что еще важнѣе — человѣкъ съ твердымъ характеромъ, отважившійся сказать правду. Полковникъ Мишо, сардинскій инженеръ, перешедшій въ русскую службу, пріѣхавъ въ Дриссу, 26-го

впереди достигли. на закатѣ солнца, 17-й версты: наконецъ, уже въ 10-мъ часу вечера,. узнали, что Императоръ остается ночевать въ Перхушковѣ (первой станціи отъ Москвы). гдѣ встрѣтилъ его графъ Растопчинъ. Народъ хлынулъ назадъ, но подмосковные крестьяне села Покровскаго остались на дорогѣ ожидать Государя и отправили въ Перхушково двухъ гонцевъ, которые, прискакавъ во всю прыть, извѣстили своихъ о выѣздѣ царскаго экипажа изъ села Перхушкова. Дѣйствительно. Императоръ Александръ, уклоняясь отъ торжественной встрѣчи, пожелалъ въѣхать въ столицу ночью. Несмотря однакоже на то, вся дорога съ послѣдней станціи до заставы была полна народа, такъ что отъ взятыхъ многими фонарей было свѣтло, какъ днемъ. Государь пріѣхалъ въ Москву около полуночи; при немъ находились: оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Аракчеевъ, генералъ-адъютанты: Балашовъ, князь Волконскій, графъ Комаровскій, и вице-адмиралъ Шишковъ ([47]).

12 (24) іюля, едва лишь стала заниматься заря, повалилъ народъ на Красную площадь; уже всѣ знали о пріѣздѣ Государя. Съ восходомъ солнца, ярко сіявшаго въ сей торжественный день, наполнился Кремль Русскими, жаждавшими видѣть Царя своего, котораго съ ними еще ближе froднила опасность, угрожавшая общей Матери-Россіи. Александръ вышелъ изъ дворца въ девять часовъ, и въ тоже мгновеніе раздался звонъ колоколовъ, и громогласное ура! огласило московскіе стогны. Еслибы Наполеонъ могъ быть свидѣтелемъ встрѣчи Россійскаго Монарха москвитянами, то оставилъ-бы дерзкую надежду покорить страну, гдѣ преданность къ Царю соединяетъ неразрывно чувствованія и помыслы многихъ милліоновъ. Александръ, выйдя на Красное

крыльцо, остановился, видимо растроганный зрѣлищемъ, напоминавшимъ времена Минина и Пожарскаго; казалось въ свѣтломъ взорѣ благодушнаго Царя отражалась любовь подданныхъ — дѣтей его. Прошло нѣсколько минутъ; началось шествіе Государя къ Успенскому собору, замедляемое народомъ, немогшимъ наглядѣться на Александра, провожавшимъ его криками: „Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! Да сохранитъ тебя Господь Богъ!“ При входѣ въ соборъ, преосвященный викарій московскій Августинъ, привѣтствуя Монарха краткимъ словомъ, въ заключеніе сказалъ: „съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!“ Послѣ обѣдни совершено благодарственное молебствіе, съ колѣнопреклоненіемъ и пушечною пальбою, по случаю полученнаго Государемъ въ Смоленскѣ извѣстія о ратификаціи мира съ Турками.

15 (27) іюля, назначено было собраться дворянству и купечеству въ обширныхъ залахъ Слободскаго дворца. Еще до прибытія Государя, графъ Растопчинъ приказалъ прочесть въ обоихъ собраніяхъ Высочайшій манифестъ и пламенною рѣчью приглашалъ всѣхъ и каждаго къ принятію участія въ защитѣ отечества. Дворянство положило выставить десятаго человѣка, по примѣру Смольянъ, и образовать ополченіе въ 80,000 человѣкъ. Купечество назначило общій денежный сборъ и открыло частную подписку. Войдя въ залу дворянскаго собранія, Государь, встрѣченный съ восторгомъ, объяснилъ въ краткихъ словахъ положеніе Государства — „которое войска, при всѣхъ усиліяхъ храбрости и самоотверженія не могли отстоять отъ многочисленной арміи Наполеона, составленной изъ порабощенныхъ имъ народовъ“, и напомнивъ, что уже не разъ государство было обязано своимъ спасеніемъ дворян-

скому сословію, сказалъ: „Настало время для Россіи показать Свѣту ея могущество! Я твердо рѣшился истощить всѣ средства Моей обширной Имперіи, прежде, нежели покоримся высокомѣрному непріятелю. Въ полной увѣренности взываю къ вамъ: вы, подобно вашимъ предкамъ, не позволите восторжествовать врагамъ; этого ожидаютъ отъ васъ Отечество и Государь!“ Въ отвѣтъ Монарху раздались восклицанія: „Готовы умереть за тебя, Государь! Не покоримся врагу; все, что̀ имѣемъ, отдаемъ тебѣ“. Трудно было разслышать слова, внушаемыя преданностью, но въ смыслѣ ихъ не могло быть сомнѣнія: его выражали невольныя слезы бывшихъ въ собраніи. Государь, самъ чрезвычайно растроганный, узнавъ отъ московскаго губернскаго предводителя дворянства Вас. Дмитр. Арсеньева о готовности дворянъ выставить по десяти ратниковъ со ста душъ, сказалъ: „Иного я не ожидалъ отъ васъ; вы оправдали Мое о васъ мнѣніе“ (48). Потомъ, перейдя въ залу, гдѣ было собрано купечество, Государь объявилъ депутатамъ, что для отраженія непріятелей требовались значительныя денежныя средства, что вскорѣ будутъ возобновлены дружественныя сношенія съ Англіею, готовою открыть свои гавани русской торговлѣ, но что всѣмъ надеждамъ на благосостояніе нашей страны угрожаетъ нашествіе Наполеона. И здѣсь Государь изъявилъ свою увѣренность въ содѣйствіи своихъ вѣрныхъ подданныхъ; и здѣсь встрѣтилъ такую-же готовность жертвовать ему и Россіи имуществомъ и собою. По отбытіи Императора, въ продолженіи двухъ часовъ, купечество подписалось на полтора милліона рублей (49). За обѣдомъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, куда были приглашены почетнѣйшіе изъ московскихъ жителей, Императоръ Алек-

сандръ нѣсколько разъ повторилъ, что онъ этого дня никогда не забудетъ (50).

Во время пребыванія Государя въ Москвѣ, получены были тамъ мирный трактатъ, заключенный съ Великобританіею, въ Эребро, 6 (18) іюля, и союзный договоръ, подписанный въ Великихъ Лукахъ, 8 (20) числа того-же мѣсяца, уполномоченными Россіи и Испанскихъ Кортесовъ (51).

Возбудивъ Москву, а съ нею вмѣстѣ и всю Россію, къ дружному возстанію противъ Наполеона, Императоръ Александръ писалъ къ графу Николаю Ивановичу Салтыкову: „Пріѣздъ Мой въ Москву имѣлъ настоящую пользу. Въ Смоленскѣ дворянство предложило Мнѣ на вооруженіе 20,000 человѣкъ; къ чему уже тотчасъ и приступлено. Въ Москвѣ, одна сія губернія даетъ Мнѣ десятаго съ каждаго имѣнія, что составитъ до 80,000, кромѣ поступающихъ охотою изъ мѣщанъ и разночинцевъ. Денегъ дворяне жертвуютъ до трехъ милліоновъ; купечество-же — слишкомъ до десяти. Однимъ словомъ, нельзя не быть тронуту до слезъ, видя духъ оживляющій всѣхъ, и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ“ (52).

Въ самый день отъѣзда Государя изъ Москвы, 18 (30) іюля, обнародованъ манифестъ о сформированіи ополченія въ 16-ти губерніяхъ, ближайшихъ къ театру войны (53), изъ числа коихъ повелѣно вооружить и собрать ратниковъ въ десяти, а въ прочихъ шести—только назначить людей, но до особаго повелѣнія не собирать ихъ и не отрывать отъ сельскихъ работъ.

Императоръ Александръ, выѣхавъ изъ Москвы, въ ночи съ 18-го (30-го) на 19-е (31-е) іюля, остановился на однѣ сутки въ Твери, у Великой Княгини Екатерины Павловны, и прибылъ въ Петер-

Именно:	руб.	коп.
На Высочайшій Дворъ	9,842,329	$40\frac{3}{4}$
(Въ томъ числѣ: въ Кабинетъ Его Величества 3,800,000 рубл. въ Придворную Контору и проч. 3,680,689 р. $97\frac{1}{2}$ коп. и на театры 313,966 р.).		
На Духовный штатъ	1,529,945	$9\frac{3}{4}$
(Въ томъ числѣ на иновѣрческія духовенства 96,677 р. $9\frac{1}{4}$ к.).		
На Министерство Военно-сухопутныхъ силъ	44,303,475	43
(Въ томъ числѣ: въ Коммисаріатскій департаментъ 24,162,893 р. 33 к. въ Провіантскій департаментъ 11,733,299 р. $56\frac{3}{4}$ к. по части артиллеріи 1,724,921 р. 80 к. по инженерной части 1,692,282 р. на исправленіе тульскаго завода 117,782 р. въ вѣдѣніе генералъ-интенданта князя Волынскаго, на учрежденіе для войскъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ 1,800,952 р. и на заготовленіе и перевозку къ арміи провіанта 442,072 р. 79 к. на покупку свинца 97,500 р. пожаловано генералу отъ инфантеріи Мих. Ил. Голенищеву-Кутузову, на уплату долговъ, 50,000 р.).		
На Министерство Морскихъ силъ	14,836,295	$47\frac{1}{2}$
» » Иностранныхъ дѣлъ . .	1,804,410	$92\frac{3}{4}$
» » Внутреннихъ дѣлъ . . .	18,740,779	$95\frac{1}{2}$
(Въ томъ числѣ: на извлеченіе и развозку соли 7,873,633 р. 42 к. на составленіе соляныхъ запасовъ 141,885 р. на содержаніе присутственныхъ мѣстъ 4,376,386 р. $43\frac{1}{2}$ к. на постройку общественныхъ зданій 1,061,938 р. $50\frac{1}{2}$ к. на водвореніе иностранныхъ колонистовъ 586,071 р. и на покупку дома для Грузинской Царицы Даріи 50,000 рубл.).		
На Министерство Народнаго Просвѣщенія	2,766,512	$8\frac{1}{4}$
(Въ томъ числѣ: на содержаніе университетовъ, гимназій и училищъ 2,430,687 рубл. на содержаніе виленскаго учебнаго округа 240,580 р. и на обстройку дома училища Св. Екатерины 40,000 рублей).		
На Министерство Юстиціи	2,728,360	$26\frac{1}{4}$
» » Финансовъ	22,885,451	$68\frac{1}{4}$
(Въ томъ числѣ: на содержаніе учрежденій его 1,989,488 р. на содержаніе лѣснаго управленія 440,518 р. на пенсіи статскимъ чиновникамъ 115,215 р. и на временныя пенсіи 2,120,843 р. Аренды 1,453,959 р. на заплату винныхъ		

поставщикамъ 4,984,673 р. расходъ по горной части 1,345,757 р. въ Заемный Банкъ и 25-ти лѣтнюю экспедицію сего Банка, капитала и процентовъ 1,024,343 р. въ Удѣльный департаментъ капитала 200,000 р. и процентовъ 18,750 р. въ Ассигнаціонный Банкъ 2,383,021 р. за купленное у герцогини курляндской имѣніе 197,933 р. сложено съ откупщиковъ 120,747 р. на платежъ внутренняго долга 197,508 р. купцу Кремеру заимообразно на 10 лѣтъ безъ процентовъ 128,584 р. пенсія князю Іосифу Понятовскому, съ 15-го мая 1802 года по 1807 годъ, 92,555 р. генералъ-лейтенанту князю Багратіону, подъ залогъ имѣнія жены его, 2,200 душъ, 250,000 рублей).

	рубл.	коп.		
На Министерство Коммерціи	2,832,824	55¼		
(Въ томъ числѣ: на содержаніе учрежденій его 92,888 р. на таможни 685,900 р. на производство работъ и водяныхъ сообщеній 624,724 р.)				
На счетъ другихъ вѣдомствъ, съ возвратомъ въ 1807 г.	188,497	38½		
За тѣмъ оставалось къ 1-му генваря 1807 года			20,353,564	13½
Въ томъ числѣ заключались:				
Поступившіе изъ Ассигнаціоннаго Банка въ Госуд. казнач. для безостановочной уплаты суммъ Провіантскимъ и Морскимъ департаментами	11,672,051	—		
Принадлежащіе запасной суммѣ, за употребленные въ 1806 году, по особымъ Высочайшимъ указамъ, серебромъ 60,049 р. а на ассигнаціи по курсу съ лажемъ по 25%, 75,061 р. 25 к. и кромѣ того ассигнаціями 11,150 рубл. всего-же	86,211	25		
Слѣдующихъ на удовлетвореніе неуплаченныхъ расходовъ за прошлое время и за 1806 г.	8,195,117	46¼		
Итого . . .	19,953,379	71¼		
А за тѣмъ чистый остатокъ	400,184	42¼		

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ расходахъ и остаткахъ за 1807-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1806-й годъ, состояло оставшихся къ 1-му генваря 1807 года суммъ, всего	20,353,564	13½

нуться на встрѣчу князю Багратіону, къ Сѣнну. Между тѣмъ непріятель устремился къ Бѣшенковичамъ съ трехъ сторонъ: Мюратъ отъ Замоши, чрезъ Дисну; Наполеонъ отъ Глубокаго, чрезъ Ушачъ, и вице-король отъ Докшицъ на Камень *). 12-го (24-го), Наполеонъ съ главными силами находился у Бѣшенковичей, въ 60-ти верстахъ отъ Витебска. Барклай, получивъ свѣдѣніе о наступленіи Французовъ, выслалъ, для задержанія ихъ, къ Островну, 4-й пѣхотный корпусъ графа Остермана съ частью кавалеріи. На слѣдующій день, 13-го (25-го), Мюратъ атаковалъ его кавалерійскими дивизіями Брюйера и Сенъ-Жермена, поддержанными пѣхотою Дельзона. Неустрашимый Остерманъ оборонялся нѣсколько часовъ противъ сильнѣйшаго непріятеля. Когда картечь вырывала цѣлые ряды нашихъ полковъ, и у него спросили: „что̀ дѣлать?“ онъ отвѣчалъ: „ничего; стоять и умирать.“ 14-го (26-го), Коновницынъ, съ 3-ею пѣхотною дивизіей, смѣнивъ Остермана, сражался весь день противъ двойныхъ силъ Мюрата, и уже въ ночи отступилъ за рѣку Лучосу. На слѣдующее утро, Наполеонъ двинулся къ Витебску, и хотя еще не успѣлъ собрать своей арміи, однакоже могъ ввести въ бой болѣе 100 тысячъ человѣкъ противъ 85-ти тысячъ Барклая де-Толли, который, не смотря на то, рѣшился принять сраженіе. Но, когда прибылъ адъютантъ Багратіона, поручикъ князь Меншиковъ, съ извѣстіемъ, что 2-я Западная армія, не успѣвъ пройти къ Могилеву, обратилась къ Смоленску, и когда Ермоловъ, поддержанный корпусными командирами на военномъ совѣтѣ, предложилъ отступить, Барклай, поручивъ

*) Корпусъ Макдональда былъ оставленъ противъ Риги, а корпусъ Удино у Дриссы, противъ графа Витгенштейна.

отряду графа Палена (Петр. Петр.) замедлить движеніе непріятеля, снялся съ позиціи и отвелъ войска по дорогамъ къ Порѣчью и Руднѣ. Графъ Паленъ, съ 8,000 человѣкъ, оставленный въ виду стотысячной наполеоновой арміи, дѣйствовалъ стольже смѣло, сколько искусно, заставилъ непріятеля потерять весь день въ пріуготовленіяхъ къ битвѣ и на слѣдующее утро разбилъ шедшую въ авангардѣ французскую кавалерію. Наполеонъ, прекративъ преслѣдованіе, далъ отдыхъ своимъ изнуреннымъ войскамъ, чтобы присоединить отсталыхъ и собрать въ окрестной странѣ жизненные запасы ([1]).

Одновременно съ движеніемъ Наполеона къ Витебску, Даву, командовавшій, по отъѣздѣ Короля Іеронима, всѣми войсками, направленными противъ князя Багратіона ([2]), занялъ Могилевъ и Оршу, отразилъ 11 (23) іюля, у Салтановки, Раевскаго, и чрезъ то не дозволилъ Багратіону пройти на Могилевъ къ Оршѣ, но, оставаясь въ бездѣйствіи, допустилъ его безпрепятственно достигнуть Смоленска, гдѣ и соединились наши арміи, 22 іюля (3 августа). Силы ихъ, вмѣстѣ съ прибывшими къ нимъ подкрѣпленіями, вообще простирались до 120-ти тысячъ человѣкъ ([3]). Наканунѣ сосредоточенія армій, князь Багратіонъ пріѣхалъ въ Смоленскъ и явился Барклаю де-Толли, который, узнавъ о его прибытіи, надѣлъ шарфъ, взялъ шляпу и встрѣтилъ его въ передней комнатѣ. „Какъ только меня извѣстили о вашемъ пріѣздѣ, я готовъ былъ ѣхать къ вамъ“ — сказалъ Барклай. Князь Багратіонъ, добровольно подчинился Барклаю де-Толли, уже не разъ бывшему подъ его начальствомъ. Оба они, въ своихъ донесеніяхъ Государю, отдали справедливость другъ другу. Императоръ Александръ, получивъ ихъ отзывы, выразилъ имъ свое совершенное удоволь-

ствіе. „Я весьма обрадовался — писалъ онъ Барклаю — услышавъ о добромъ согласіи вашемъ съ княземъ Багратіономъ. Вы сами чувствуете всю важность настоящаго времени, и что всякая личность должна быть устранена, когда дѣло идетъ о спасеніи отечества.“ Тогда-же Государь отвѣчалъ Багратіону: „Зная ваше усердіе къ службѣ и любовь къ отечеству, Я увѣренъ, что въ настоящее, столь важное для онаго время, вы отстраните всѣ личныя побужденія, имѣвъ единственнымъ предметомъ пользу и славу Россіи. Вы будете къ сей цѣли дѣйствовать единодушно и съ непрерывнымъ согласіемъ, чѣмъ пріобрѣтете новое право на Мою признательность“ (4).

Соединеніе Западныхъ армій у Смоленска стоило намъ многихъ магазиновъ, доставшихся въ руки непріятеля, либо уничтоженныхъ, и временнаго пожертвованія страною до Двины и Днѣпра. Что-же касается до урона армій въ войскахъ, то онъ, за исключеніемъ отъ 12-ти до 15-ти тысячъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, не превышалъ 10-ти тысячъ человѣкъ. Напротивъ того, непріятель, съ перехода черезъ Нѣманъ до занятія Могилева и Витебска, потерялъ цѣлую треть наличнаго числа людей, т. е. около 100 тысячъ человѣкъ, не считая урона понесеннаго корпусами дѣйствовавшими на Двинѣ и на Волыни (5). Подъ непосредственнымъ начальствомъ Наполеона оставалось до 125-ти тысячъ и подъ начальствомъ Даву до 75-ти тысячъ, слѣдовательно всего около 200 тысячъ человѣкъ, расположенныхъ отъ Суража и Витебска до Могилева, на пространствѣ двухъ сотъ верстъ. Не смотря однакоже на такое растянутое положеніе войскъ, Наполеонъ, выдвинувъ къ Руднѣ до 20-ти тысячъ кавалеріи, легко могъ, подъ прикрытіемъ ея, сосредоточить въ двое сутокъ, за

лѣсами и болотами, отдѣлявшими его отъ русской арміи, болѣе ста тысячъ человѣкъ.

Первые три дня, по соединеніи Западныхъ армій у Смоленска, были употреблены на укомплектованіе полковъ и на изготовленіе сухарей. А, между тѣмъ, предстояло рѣшить вопросъ: продолжать-ли отступленіе, или атаковать непріятеля? Войска и начальники ихъ нетерпѣливо хотѣли боя и были недовольны Барклаемъ, приписывая отступленіе арміи его нерѣшительности, считая его иностранцемъ, равнодушнымъ къ бѣдствіямъ Россіи. Извѣстія, не вполнѣ точныя, о разобщеніи наполеоновыхъ корпусовъ на значительномъ пространствѣ, и преувеличенныя свѣдѣнія, полученныя отъ плѣнныхъ, о плохомъ состояніи французскихъ войскъ, усилили общее нетерпѣніе и возбудили ропотъ противъ Барклая де-Толли, который, по мнѣнію многихъ, упускалъ случай нанести ударъ непріятелю. Для рѣшенія вопроса о выгоднѣйшемъ способѣ дальнѣйшихъ дѣйствій, Барклай собралъ, 25-го іюля (6-го августа), военный совѣтъ, на коемъ, кромѣ обоихъ главнокомандующихъ, присутствовали: Великій Князь Константинъ Павловичъ; начальники штабовъ обѣихъ армій, Ермоловъ и графъ Сенъ-Пріестъ; генералъ-квартирмейстеры: 1-й арміи полковникъ Толь и 2-й — генералъ-маіоръ Вистицкій, и полковникъ Вольцогенъ. Еще до созванія совѣта, Толь подалъ Барклаю де-Толли записку, предлагая двинуться быстро и рѣшительно на Рудню къ Витебску, чтобы разобщить непріятельскую армію на двѣ отдѣльныя части и разбить ихъ порознь сосредоточенными силами, (т. е. дѣйствовать на основаніи системы *внутреннихъ линій* генерала Жомини, которой Толь былъ жаркимъ приверженцемъ). Такое-же мнѣніе изъявилъ Толь и на совѣтѣ; съ нимъ согласились всѣ при-

сутствовавшіе, кромѣ Вольцогена, предложившаго укрѣпить Смоленскъ и принять бой подъ стѣнами этого города, и Барклая де-Толли, по словамъ котораго: „Государь, отъѣзжая изъ Дриссы, сказалъ, что порученная ему армія есть единственная, и что потерявъ ее, онъ подвергнулъ-бы опасности Россію. И потому — продолжалъ Барклай — я долженъ дѣйствовать съ величайшею осмотрительностью и всевозможно избѣгать пораженія ввѣренныхъ мнѣ войскъ. Сомнѣваясь въ успѣхѣ предлагаемаго наступленія, я прошу однакоже графа Сенъ-Пріеста и полковника Толя изложить планъ наступленія къ Руднѣ и представить его мнѣ на обсужденіе“ (6).

Совѣтъ разошелся не рѣшивъ ничего, но легко было предвидѣть, что главнокомандующій не устоитъ противъ общаго мнѣнія. Самъ Государь изъявлялъ ему надежду свою, что соединеніе нашихъ армій будетъ началомъ рѣшительнаго оборота войны. „Я не могу умолчать — писалъ Императоръ, что хотя, по многимъ причинамъ и обстоятельствамъ, при начатіи военныхъ дѣйствій нужно было оставить предѣлы нашей земли, однакоже неиначе, какъ съ прискорбіемъ долженъ былъ видѣть, что сіи отступательныя движенія продолжались до Смоленска. Съ величайшимъ удовольствіемъ слышу Я увѣренія ваши о хорошемъ состояніи нашихъ войскъ, о воинственномъ духѣ и пылкомъ ихъ желаніи сражаться. Немнѣе доволенъ также опытами отличной ихъ храбрости во всѣхъ бывшихъ доселѣ битвахъ и терпѣливостію, оказанною ими во всѣхъ многотрудныхъ и долгихъ маршахъ.

„Вы развязаны во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ безъ всякаго препятствія, а потому и надѣюсь Я, что вы не пропустите ничего къ пресѣченію намѣ-

реній непріятельскихъ и къ нанесенію ему всевозможнаго вреда.

„Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о вашихъ наступательныхъ движеніяхъ, которыя, по словамъ вашимъ, почитаю теперь уже начатыми“.... (7).

Главнокомандующій, колеблясь между собственнымъ убѣжденіемъ въ численномъ превосходствѣ непріятельской арміи и общимъ порывомъ заслонить отъ врага родную страну, (чего было нельзя достигнуть, оставаясь у Смоленска), рѣшился дѣйствовать наступательно (8). Въ тотъ самый день, когда былъ собранъ совѣтъ, Барклай, призвавъ къ себѣ вечеромъ Толя и Сенъ-Пріеста, объявилъ имъ, что онъ предприметъ наступленіе къ Руднѣ, но съ тѣмъ, чтобы войска не отдалялись отъ Смоленска болѣе трехъ переходовъ. „Мы будемъ имѣть дѣло съ предпріимчивымъ противникомъ, который не упуститъ никакого случая обойти насъ, и чрезъ то вырвать изъ нашихъ рукъ побѣду“ — сказалъ главнокомандующій. Это замѣчаніе, вмѣстѣ съ условіемъ ограничившимъ наступленіе тремя переходами, предвѣщало медленныя нерѣшительныя дѣйствія, не могшія имѣть никакихъ важныхъ послѣдствій (9).

И дѣйствительно, Барклай, имѣя въ виду постоянную цѣль заботъ своихъ — сохраненіе ввѣренной ему арміи — помышлялъ менѣе о разобщеніи непріятельскихъ войскъ и пораженіи ихъ по частямъ, нежели о прикрытіи своихъ сообщеній съ Смоленскомъ и противодѣйствіи обходамъ. Сначала онъ направилъ 1-ю Западную армію къ Руднѣ, но потомъ, получивъ донесеніе генерала Винцингероде, о появленіи Французовъ на дорогѣ ведущей изъ Порѣчья въ Смоленскъ, сдѣлалъ фланговое передвиженіе вправо; когда-же обнаружилось, что непріятель сталъ сосредоточивать силы къ Днѣпру, Барклай

пятью по смоленской дорогѣ. Невѣровскій, оставшись съ одною пѣхотою и видя противъ себя съ фронта нѣсколько полковъ Нея, между тѣмъ какъ огромныя массы кавалеріи Мюрата двигались въ тылъ нашей позиціи, началъ отступать къ Смоленску. Построивъ свои войска въ густыя колонны, Невѣровскій объѣхалъ ихъ, говоря солдатамъ: „Ребята! помните, чему васъ учили; никакая кавалерія не побѣдитъ васъ; только стрѣляйте мѣтко, не торопясь; никто не смѣй начинать безъ моей команды". Началось отступленіе! Окруженные со всѣхъ сторонъ несчетными массами кавалеріи, безпрестанно налетавшими на наши каре, русскіе солдаты, дружно сплотясь между собою, встрѣчали непріятеля градомъ пуль и отбивались штыками. „Хорошо ребята!—кричалъ Невѣровскій послѣ отбитыхъ атакъ.— Видите, какъ легко управляться съ кавалеріей; благодарю!... Поздравляю васъ!" — „Рады стараться! Ура!" отвѣчали солдаты. Успѣшной оборонѣ способствовала широкая почтовая дорога, обрытая рвами и обсаженная въ два ряда большими березами, по которой нельзя было кавалеріи вести атаки длиннымъ фронтомъ. Только однажды, у входа въ селеніе, гдѣ не было преграды образуемой рвами и аллеями, Французамъ удалось отхватить уголъ русской колонны. Къ вечеру Невѣровскій подошелъ къ позиціи, на коей стояли наши орудія, съ прикрытіемъ егерей 50-го полка. Непріятель, встрѣченный картечью, остановился, что̀ позволило расположиться на отдыхъ нашей утомленной пѣхотѣ. Уронъ русскаго отряда вообще простирался до полуторы тысячи человѣкъ; со стороны непріятеля убито и ранено до 500 человѣкъ ([13]). Сами Французы отдали справедливость мужеству Невѣровскаго и его воиновъ. Шамбрѐ говоритъ, что „это отступленіе представ-

ляетъ достопамятный примѣръ превосходства хорошо обученной и предводимой искуснымъ начальникомъ пѣхоты надъ конницею".—По словамъ другаго французскаго историка, графа Сегюра: „Невѣровскій отступалъ какъ левъ" (14). Князь Багратіонъ, въ донесеніи Государю, писалъ: „Нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, съ какою дивизія, совершенно новая, дралась противъ чрезмѣрно превосходныхъ силъ непріятельскихъ. Можно даже сказать, что примѣра такой храбрости ни въ какой арміи показать нельзя." Успѣшному отступленію Невѣровскаго много способствовала ошибка Мюрата, который какъ будтобы позабылъ о своей конной артиллеріи, оставилъ ее далеко за собою и велъ многократно повторяемыя атаки, не подготовивъ успѣха огнемъ орудій (15).

Дѣло подъ Краснымъ, замедливъ наступленіе Наполеона къ Смоленску, дало намъ возможность предупредить его. Князь Багратіонъ, еще въ ночи на 3-е (15-е) августа, послалъ приказаніе Раевскому, успѣвшему отойти отъ Смоленска только 12 верстъ, возвратиться въ сей городъ и идти по дорогѣ къ Красному, въ помощь Невѣровскому. На разсвѣтѣ 4-го (16-го), Раевскій перешелъ на лѣвый берегъ Днѣпра, въ Смоленскѣ, двинулся на встрѣчу отступавшему отряду и вмѣстѣ съ нимъ отошелъ въ городъ. Къ ночи, въ виду ихъ, появилась кавалерія Мюрата; за нею расположилась пѣхота Нея, освѣтивъ горизонтъ широкимъ заревомъ бивачныхъ огней. Для отраженія огромной арміи, предводимой Наполеономъ, у Раевскаго было всего отъ 13-ти до 15-ти тысячъ человѣкъ. Но „Раевскому, какъ говорилъ о немъ въ послѣдствіи одинъ изъ знаменитыхъ людей 1812 года, Ермоловъ — не трудно казалось исполнить то, что немногіе рѣшились бы сдѣлать". Наши

генералы сознавали превосходство надъ собою Наполеона, но каждый изъ нихъ рвался преградить ему путь въ родную землю.

4 (16) августа, въ 9 часовъ утра, когда прибылъ къ корпусу Нея самъ Наполеонъ и подошли войска Даву, начался бой подъ стѣнами Смоленска. Несмотря на чрезвычайное превосходство непріятеля въ силахъ, русскія войска успѣли отстоять городъ. Еще въ началѣ сраженія, Раевскій получилъ отъ князя Багратіона записку: „Другъ мой! Я не иду, а бѣгу; желалъ-бы имѣть крылья, чтобы скорѣе соединиться съ тобою. Держись. Богъ тебѣ помощникъ!“ Затѣмъ вскорѣ пришла 2-я кирасирская дивизія, но Раевскій, не находя возможности употребить кирасиръ для обороны города, оставилъ ихъ на правой сторонѣ Днѣпра. Въ 7 часовъ по полудни подоспѣли четыре полка 2-й гренадерской дивизіи, которые поступили въ резервъ, а ввечеру и въ ночи собрались къ Смоленску — съ правой стороны Днѣпра главныя силы Западныхъ армій, а съ лѣвой „Великая армія“ Наполеона ([16]).

Нерѣшительность нашего наступленія къ Руднѣ снова поселила недоразумѣніе между Барклаемъ де-Толли и княземъ Багратіономъ; по возвращеніи-же къ Смоленску, ихъ виды на счетъ предстоявшихъ дѣйствій были совершенно различны: Барклай принялъ на себя оборону Смоленска, но, по всей вѣроятности, уже и тогда рѣшился отступать далѣе; напротивъ того, Багратіонъ полагалъ, что слѣдовало отстаивать Смоленскъ до послѣдней крайности. „Надѣюсь — писалъ онъ Государю — что военный министръ, имѣя предъ Смоленскомъ готовую къ дѣйствіямъ всю 1-ю армію, удержитъ Смоленскъ. А я, въ случаѣ покушенія непріятеля пройти далѣе на московскую дорогу, буду отражать его“ ([17]).

5 (17) августа, въ 4 часа утра, 8-й пѣхотный и 4-й кавалерійскій корпусы 2-й арміи выступили по московской дорогѣ и оставя аррієргардъ противъ Шеина-острога, на 4-й верстѣ отъ Смоленска, отошли за рѣчку Колодню; 7-й корпусъ, которому на смѣну еще въ ночи присланъ 6-й отъ 1-й арміи, двинулся въ слѣдъ за прочими корпусами князя Багратіона. Для обороны-же Смоленска, кромѣ 6-го пѣхотнаго корпуса, были назначены: 27-я дивизія Невѣровскаго и 6-й егерскій полкъ, оставленные Раевскимъ, и 3-я дивизія Коновницына, всего до 20-ти тысячъ человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ Дохтурова. Войска его были размѣщены слѣдующимъ образомъ: 24-я дивизія Лихачева, на правомъ крылѣ, заняла Красненское предмѣстье и Королевскій бастіонъ; 7-я дивизія Капцевича, въ центрѣ, расположилась для обороны Мстиславльскаго и Рославльскаго предмѣстій; 27-я дивизія и 6-й егерскій полкъ, на лѣвомъ крылѣ, стали въ предмѣстьяхъ Никольскомъ и Раченкѣ; еще лѣвѣе, близъ Днѣпра, построились три драгунскихъ полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Скалона; 3-я дивизія находилась въ резервѣ, у Малаховскихъ воротъ. На правомъ берегу Днѣпра, выше и ниже Смоленска, были поставлены сильныя батареи, для обстрѣливанія съ фланговъ непріятельскихъ войскъ, при наступленіи ихъ къ городу ([18]).

Утромъ 5-го (17-го), армія Наполеона построилась къ бою: на лѣвомъ крылѣ, противъ Красненскаго предмѣстья, стали три дивизіи Нея; въ центрѣ — пять дивизій Даву; на правомъ крылѣ, противъ Раченки — двѣ дивизіи Понятовскаго; еще правѣе — кавалерія Мюрата; въ резервѣ гвардія ([19]). Число всѣхъ этихъ войскъ простиралось до 140 тысячъ человѣкъ*).

*) Корпусъ Вице-короля тогда находился на маршѣ, между Крас-

	руб.	коп.
18,425 р. 65 к. и на закупку аптечныхъ матеріаловъ 266.997 р. 95 к.).		
На Министерство Народнаго Просвѣщенія	3,603,544	10½
(Въ томъ числѣ: на содержаніе университетовъ, гимназій и училищъ 1,805.590 р. 20 к.).		
На Министерство Юстиціи	2.648,497	15½
(Въ томъ числѣ на присутственныя мѣста 2,401.831 р.).		
На Министерство Финансовъ	82,779,890	32
(Въ томъ числѣ: содержаніе министерства 2,367.626 р. 51 к. Временныя пенсіи 2,527,575 рубл. Арендныхъ доходовъ съ пожалованныхъ разнымъ лицамъ имѣній 1,784.709 р. На расходы по горной части 2.145.265 р. Виннымъ поставщикамъ за вино 7.340.623 р. Лифляндскому и Эстляндскому дворянскимъ банкамъ, съ возвратомъ черезъ 25 лѣтъ за ассигнаціи, вмѣсто процентовъ, серебромъ 1.150.000 рубл. Крестьянамъ пермской и вятской губерній, причисленнымъ къ казеннымъ горнымъ заводамъ, на 14 лѣтъ 1.186.067 рубл. Банкирамъ Штиглицу, Берингу и Бетлингу, на извѣстное Его Величеству употребленіе 12,574.066 р. и 658.000 р. Прусскому посланнику барону Шладену 2.570.625 р. Негоціанту Миллеру 1.134.751 рубл. Процентовъ по генуэзскому долгу 140.000 рубл. Придворнымъ банкирамъ на разные заграничные расходы 4.054.000 р.).		
На Министерство Коммерціи	4.141.275	27½
(Въ томъ числѣ: на содержаніе министерства и на водяныя сообщенія 1.488.480 р. На окончаніе Маріинскаго и Вышневолоцкаго каналовъ 20.000 р.).		

За тѣмъ осталось къ 1-му генваря 1810 года 78.467.916 16

Въ томъ числѣ:

	руб.	коп.
Капиталы Государственнаго казначейства, для безостановочнаго удовлетворенія расходовъ по военной части	6.084.303	94
	18.425.738	16½
На неуплаченные расходы прежняго времени	29.329.397	36½
Итого . . .	53.839.439	47
За тѣмъ чистый остатокъ	24.628,476	69

повелъ атаку въ центрѣ на Малаховскія ворота, взялъ съ боя предмѣстья и оттѣснилъ Капцевича и Коновницына въ городъ. Здѣсь въ цѣпи стрѣлковъ убитъ одинъ изъ нашихъ бригадныхъ командировъ Валла. Настойчивость непріятельскаго нападенія заставила Дохтурова послать къ Барклаю де-Толли съ просьбою о помощи. Барклай отвѣчалъ: „передайте Дмитрію Сергѣевичу, что отъ его мужества зависитъ спасеніе всей арміи“, и послалъ въ подкрѣпленіе сражавшимся войскамъ 4-ю дивизію принца Евгенія Виртембергскаго и Л.-Гв. егерскій полкъ. Наполеонъ, между тѣмъ, приказалъ подвести къ стѣнамъ Смоленска 36 батарейныхъ орудій гвардейской артиллеріи и громилъ городъ изъ полутораста жерлъ, но крѣпкая городская ограда выдержала усиленную канонаду; за то снаряды перелетавшіе черезъ стѣну наносили большой вредъ войскамъ стоявшимъ въ улицахъ и на площадяхъ, убивали жителей и произвели нѣсколько пожаровъ. Въ пять часовъ по-полудни, Наполеонъ приказалъ маршалу Даву штурмовать городъ. Французы отважно пошли на приступъ, но въ эту минуту подоспѣли въ помощь Дохтурову войска принца виртембергскаго: Тобольскій и Волынскій полки, вмѣстѣ съ гвардейскими егерями, были посланы къ Раченкѣ; Кременчугскій и Минскій — на правое крыло; самъ-же принцъ Евгеній съ 4-мъ егерскимъ полкомъ и Коновницынъ съ частью своей дивизіи ударили въ штыки на непріятеля штурмовавшаго Малаховскія ворота и опрокинули его. Здѣсь канонада и перестрѣлка велись на самомъ близкомъ разстояніи; прислуга и лошади нашей батареи были нѣсколько разъ истреблены и быстро замѣнялись новыми. Коновницынъ, раненый пулею въ руку, оставался на полѣ битвы, и даже не позволилъ сдѣлать себѣ перевязку; а принцъ

виртембергскій, съ своими егерями, кинулся изъ Малаховскихъ воротъ въ прикрытый путь и выбилъ непріятеля оттуда въ поле. Въ семь часовъ, Французы снова пошли на штурмъ и снова были отбиты; покушенія непріятеля утвердиться въ Рачевкѣ и Красненскомъ предмѣстьѣ также не имѣли успѣха. Наполеонъ ограничился сильною канонадою. Отъ множества гранатъ, навѣсно брошенныхъ изъ гаубицъ, загорѣлся городъ. Русскія войска, охваченныя пламенемъ, продолжали отчаянную оборону. Наконецъ, въ 9 часовъ, канонада смолкла на всѣхъ пунктахъ. Наши стрѣлковыя цѣпи заняли прикрытый путь и предмѣстья ([21]).

Барклай, не видя возможности оборонять долѣе пылающія развалины Смоленска, приказалъ Дохтурову въ ночи очистить городъ. При совершенномъ безвѣтріи, пламя подымалось надъ городомъ въ видѣ огненнаго столба, представляя, по выраженію Наполеона, зрѣлище подобное изверженію Везувія ([22]). Жители города, потерявъ все имущество, а многіе, лишась своихъ кровныхъ, уходили въ слѣдъ за войсками и не знали, гдѣ найдутъ пристанище. Еще въ сумерки, чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери былъ вынесенъ изъ города и врученъ войскамъ, какъ священный залогъ побѣдоноснаго возврата ихъ въ древній городъ, уже не въ первый разъ искупавшій понесенными имъ бѣдствіями торжество Россіи надъ ея врагами ([23]).

Потери въ сраженіи подъ Смоленскомъ простирались съ нашей стороны отъ 6-ти до 7-ми, а со стороны непріятеля — отъ 10-ти до 12-ти тысячъ человѣкъ ([24]). По свидѣтельству очевидцевъ — Французовъ, ввечеру 5 (17) августа, на бивакахъ, старые офицеры, нѣкогда бывшіе въ египетской экспедиціи, сравнивали Смоленскъ съ Сенъ-Жанъ д'Ак-

ромъ, гдѣ Наполеонъ впервые претерпѣлъ неудачу ([25]). Упрекали Наполеона въ томъ, что онъ не направился отъ Витебска и Рудни прямо къ Смоленску, что̀ заставило-бы насъ принять генеральное сраженіе, либо отступить безъ боя. Но въ послѣднемъ случаѣ онъ не достигъ-бы своей цѣли — отбросить русскую армію отъ Москвы и южныхъ областей Имперіи, служившихъ главными источниками средствъ для пополненія и снабженія всѣмъ нужнымъ нашихъ войскъ. Упрекали также и Барклая де-Толли въ напрасной оборонѣ Смоленска, безъ всякой надежды отстоять его, что̀ сопряжено было съ великимъ урономъ и подавало непріятелю возможность отрѣзать нашу армію отъ главнѣйшаго изъ ея сообщеній. Но могъ-ли нашъ главнокомандующій поступить иначе? Упорная битва подъ стѣна̀ми Смоленска была жертва общественному мнѣнію, жаждавшему боя, и даже многіе полагали, что Барклай долженъ былъ продолжать оборону города. Начальникъ штаба 2-й арміи, графъ Сенъ-Пріестъ писалъ Государю: „Первая армія, находясь на правомъ, господствующемъ берегу Днѣпра и имѣя возможность, по усмотрѣнію, сосредоточить свои силы и поддерживать свѣжими войсками тѣ, которыя защищали городъ, занимала позицію, которою не могъ овладѣть Наполеонъ, несмотря на многочисленность его арміи. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Французы могли взять городъ не иначе, какъ понеся неисчислимый уронъ. Такъ полагала вся армія, и, должно быть, военный министръ имѣлъ причины, для меня непостижимыя, очистить Смоленскъ, въ противнсоть мнѣнія всѣхъ генераловъ и князя Багратіона, и отступать къ Дорогобужу“ ([26]).

Несравненно убѣдительнѣе доводы, коими Барклай оправдывалъ отступленіе отъ Смоленска: „Если-

бы я предпринялъ долѣе оборонять городъ, — писалъ онъ — то слѣдовало-бы мнѣ смѣнить тамъ войска, бывшія 5-го числа, въ теченіи 24-хъ часовъ, въ безпрестанномъ огнѣ, остаткомъ арміи, т. е. отборными войсками, стоявшими въ резервѣ.... Надлежало подвергнуть ихъ потерѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ, нежели какъ 5-го августа, ибо непріятель, занявъ высоту, анфилировалъ днѣпровскій мостъ, и тѣмъ пресѣкалъ сообщенія арміи съ городомъ. Но предположивъ даже, что я удержалъ-бы городъ, 6-го, непріятелю достаточно было переправить черезъ Днѣпръ, ниже Смоленска, часть своей арміи и угрожать моему правому флангу, чтобы принудить меня къ выводу войскъ изъ города, который внезапно достался-бы въ руки непріятелю, и тогда, потерявъ совершенно безъ пользы отъ 8-ми до 10-ти тысячъ человѣкъ, я нашелся-бы въ необходимости, или противъ воли сражаться съ превосходными силами, или отступать въ виду ихъ. 2-я армія могла-бы удобно отвлечь непріятеля, переправясь черезъ Днѣпръ выше Смоленска, но возможно-ли полагаться на такія соображенія, особенно, когда двѣ арміи, имѣющія двухъ независимыхъ начальниковъ, должны дѣйствовать совокупно".... ([27]).

По очищеніи Смоленска, въ ночи съ 5-го (17-го) на 6-е (18-е) августа, 1-я армія расположилась фронтомъ къ городу, по обѣ стороны порѣченской дороги, разведя пловучіе мосты и уничтоживъ постоянный. Во весь слѣдующій день, войска Барклая де-Толли оставались на мѣстѣ. Непріятель, занявъ Смоленскъ, покушался перейти въ бродъ черезъ Днѣпръ, но былъ опрокинутъ егерями 4-й и 17-й дивизій, подъ начальствомъ Коновницына и Толя, и окончательно удержанъ арріергардомъ Корфа ([28]).

Барклай не отважился перевести 1-ю армію прямо на московскую дорогу, которая на протяженіи 4-хъ верстъ пролегала, вдоль праваго берега Днѣпра, подъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ непріятеля занимавшаго лѣвый берегъ. И по тому главнокомандующій рѣшился сперва отойти по петербургской дорогѣ, а потомъ перевести войска на московскую дорогу, въ значительномъ разстояніи отъ города; для удобности-же флангового движенія арміи, положено двинуть войска двумя колоннами: 1-я, изъ корпусовъ: 5-го и 6-го пѣхотныхъ, 2-го и 3-го кавалерійскихъ и всей резервной артиллеріи, подъ начальствомъ Дохтурова, должна была выступить, въ 7 часовъ вечера, къ Стабнѣ, и потомъ повернуть, по проселочной дорогѣ, на Зыколино и Сущово, къ Прудищу, остановиться тамъ на ночлегъ съ 7-го (19-го) на 8-е (20-е), и на слѣдующій день прибыть къ Соловьевой-переправѣ; а вторая колонна, Тучкова 1-го, (при коей находился самъ главнокомандующій), изъ 2-го, 3-го, 4-го пѣхотныхъ и 1-го кавалерійскаго корпусовъ, получила приказаніе отойти, въ 9 часовъ вечера, по петербургской дорогѣ къ Крахоткину, повернуть оттуда чрезъ Горбуново и Жабино, на московскую дорогу, къ Лубину, и продолжать въ тотъ-же день движеніе къ Бредихину, а на слѣдующій день къ Соловьевой-переправѣ. Между тѣмъ, Французы, въ ночи на 7-е (19-е), устроивъ мосты на Днѣпрѣ, находились ближе къ Лубину, нежели наши войска, двигавшіяся по окольной дорогѣ, перерѣзанной рѣчками текущими въ глубокихъ оврагахъ. Для замедленія непріятеля, Багратіонъ условился съ Барклаемъ де-Толли оставить отъ 2-й арміи, между Смоленскомъ и Лубинымъ, сильный арріергардъ, который долженъ былъ продолжать отступленіе не прежде, какъ по смѣнѣ его войсками

изъ 1-й арміи. Такимъ образомъ Барклай могъ считать выходъ на московскую дорогу совершенно обезпеченнымъ, однакоже, не смотря на то, выслалъ черезъ Горбуново, часомъ ранѣе колонны Тучкова 1-го, особый авангардъ, подъ начальствомъ Тучкова 3-го (29).

Со стороны Французовъ, для преслѣдованія русской арміи, были направлены утромъ 7-го (19) отъ Смоленска войска Нея, и за ними кавалерія Мюрата; тогда-же корпусъ Жюнô получилъ приказаніе навести мостъ у Прудищева, выше Смоленска, и переправясь тамъ, двинуться къ Латышину, на перерѣзъ отступавшимъ войскамъ.

Въ то время, когда корпусъ Нея выходилъ изъ Петербургскаго предмѣстья, аррієргардъ Корфа уже отступалъ на Крахоткино, по петербургской дорогѣ, для скрытія направленія, по которому двигались наши главныя силы, но Французы не пошли по слѣдамъ его, а направились прямо къ Горбунову. Занявъ этотъ пунктъ, Ней могъ отрѣзать арріергардъ Корфа и прочія войска, тогда еще находившіяся между Крахоткинымъ и Горбуновымъ. Къ счастью, Барклай, остававшійся близъ Гедеонова, для ускоренія марша полковъ, сбившихся съ назначеннаго направленія, приказалъ принцу Евгенію виртембергскому, съ бывшими у него подъ рукою войсками (30), занять позицію у Гедеонова и удерживаться тамъ до прибытія арріергарда Корфа, которому тогда-же было велѣно обратиться назадъ въ помощь принцу; а генералу Ермолову поручено ускорить движеніе колонны, слѣдовавшей проселками чрезъ Горбуново на московскую дорогу. Между тѣмъ, Ней, не зная ничего о направленіи принятомъ нашею арміей и видя русскія войска какъ на петербургской и московской дорогахъ, такъ и въ промежуткѣ между ними, у Гедеонова, оставался нѣсколько часовъ впе-

реди Петербургскаго предмѣстья, въ ожиданіи опредѣлительныхъ извѣстій о нашей арміи. Мюратъ, съ корпусами Нансути и Монбрюна, переправясь, позже Нея, въ бродъ чрезъ Днѣпръ, двинулся по московской дорогѣ, а корпусъ Груши — по петербургской дорогѣ (31).

Въ 8 часовъ утра, завязалась перестрѣлка у Гедеонова, а въ девять часовъ войска Нея атаковали принца Евгенія. Прибытіе къ нему въ помощь арріергарда Корфа дало возможность обоимъ отрядамъ отойти въ порядкѣ къ Горбунову, и далѣе въ слѣдъ за прочими войсками колонны Тучкова 1-го, на московскую дорогу (32).

Наполеонъ, узнавъ о встрѣчѣ Нея съ русскими войсками, послалъ ему въ помощь корпусъ Даву; тогда-же корпусу Жюнô подтверждено — переправиться у Прудищева и вмѣстѣ съ Мюратомъ идти къ Латышину. Гвардія была оставлена у Смоленска; корпусъ вице-короля прибылъ туда-же; корпусъ Понятовскаго оставался на лѣвой сторонѣ Днѣпра, у Шеина-острога. Самъ Наполеонъ отправился къ корпусу Даву, находившемуся между московскою и петербургскою дорогами, въ двухъ верстахъ отъ Смоленска. Получивъ тамъ извѣстіе о появленіи Русскихъ на московской дорогѣ, Наполеонъ послалъ приказаніе Нею повернуть вправо и направилъ ему въ помощь дивизію Гюдена, корпуса Даву. Канонада, начавшаяся около полудня, на московской дорогѣ, болѣе и болѣе усиливалась, но Наполеонъ, приписывая ее желанію нашихъ военачальниковъ прикрыть отступленіе обозовъ, возвратился, около пяти часовъ по полудни, въ Смоленскъ (33).

Въ дѣйствительности-же бой на московской дорогѣ имѣлъ весьма важное значеніе. Въ то время, когда шедшій въ головѣ колонны Тучкова 1-го, не-

большой отрядъ его брата Тучкова 3-го. употребивъ цѣлые 12 часовъ на переходъ менѣе 20-ти верстъ, по чрезвычайно-дурнымъ проселкамъ, вышелъ изъ лѣса, 7-го (19-го) въ 8 часовъ утра, и приблизился къ большой дорогѣ. князь Горчаковъ, съ арріергардомъ отъ 2-й арміи, недождавшись смѣны его войсками 1-й арміи, выступилъ къ Соловьевой-переправѣ; а для наблюденія къ сторонѣ Смоленска оставилъ генералъ-маіора Карпова съ тремя казачьими полками. Еслибы Тучковъ, выйдя на московскую дорогу, двинулся, (какъ ему было приказано), къ Соловьевой-переправѣ, то открылъ-бы непріятелю доступъ къ тому пункту, куда шла колонна его брата. Французы уже были близко и въ значительныхъ силахъ, а Тучковъ отдалился отъ арміи и могъ ожидать подкрѣпленія только частями войскъ, по мѣрѣ выхода ихъ на большую дорогу. Тѣмъ не менѣе однакоже онъ обратился къ Смоленску и выбравъ, вмѣстѣ съ Толемъ, довольно удобную позицію, за рѣчкою Колоднею, расположилъ тамъ свой отрядъ, въ десятомъ часу утра; небольшой авангардъ былъ выставленъ впереди селенія Валутиной-горы, а казачьи полки Карпова потянулись влѣво, къ Днѣпру. Войска Тучкова, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ, стали въ слѣдующемъ боевомъ порядкѣ: конно-артиллерійская рота на скатѣ высоты, поперегъ большой дороги: 20-й и 21-й егерскіе полки, подъ командою князя Шаховскаго — въ кустарникахъ, по сторонамъ батареи: Ревельскій полкъ генералъ-маіора Тучкова 4-го и нѣсколько эскадроновъ Елисаветградскихъ гусаръ генералъ-маіора Всеволожскаго — въ резервѣ (34).

Непріятель появился передъ нашею позиціею уже около полудня, когда приблизились къ ней первыя подкрѣпленія, присланныя Тучковымъ 1-мъ, по

настоянію генерала Ермолова: Лейбъ-гренадерскій и Аракчеевскій полки съ шестью орудіями. Эти войска, всего въ числѣ около 2,000 человѣкъ, дали возможность нашему отряду удержаться на Колоднѣ до трехъ часовъ по полудни, и потомъ отступить въ порядкѣ за рѣчку Страгань. На этой позиціи, непосредственно прикрывавшей выходъ колонны Тучкова 1-го на большую дорогу, надлежало обороняться до послѣдней крайности. Правое крыло позиціи пролегало по высотамъ; въ центрѣ находилась низменная, частью болотистая мѣстность; на лѣвомъ крылѣ выдавался небольшой, но довольно густой лѣсъ, а еще лѣвѣе — простиралось, склоняясь назадъ къ болотистой рѣчкѣ, обширное поле, удобное для дѣйствій кавалеріи: слѣдовательно, позади лѣваго крыла, топкая низина затрудняла отступленіе войскъ, и кромѣ того, эта часть позиціи была отдѣлена отъ праваго крыла болотистою мѣстностью. Въ четыре часа успѣли собраться на Страгани 17 баталіоновъ, въ числѣ до 8-ми тысячъ человѣкъ, съ 16-ю орудіями. Генералъ Ермоловъ, получивъ между тѣмъ отъ захваченныхъ казаками двухъ виртембергскихъ гусаръ свѣдѣніе о движеніи двѣнадцати пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ Жюнô и Мюрата въ обходъ лѣваго фланга позиціи, приказалъ, именемъ главнокомандующаго, генералъ-адъютанту графу Орлову-Денисову, прибывшему тогда въ Бредихино*) съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, идти на рысяхъ къ Заболотью и расположить корпусъ на лѣвомъ крылѣ, не переходя болота. Ему-же подчинена была также кавалерія, находившаяся при отрядѣ Тучкова (26 эскадроновъ съ 4-мя конными орудіями). Графъ

*) Селеніе на большой московской дорогѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ позиціи на р. Страгани.

ротами, прибывъ въ шесть часовъ по полудни, поступили въ общій резервъ (38). Непріятель возобновилъ усиленное нападеніе на центръ позиціи и былъ отраженъ Коновницынымъ съ Муромскимъ, Черниговскимъ и Капорскимъ полками; другое покушеніе Французовъ, противъ нашего праваго крыла, было удержано Лейбъ-гренадерами, подъ начальствомъ Ермолова (39). Около 7-ми часовъ по полудни, стали выходить на большую дорогу полки 2-го пѣхотнаго корпуса и за ними, двигавшіяся въ хвостѣ колонны, войска Корфа: по мѣрѣ ихъ прибытія на поле сраженія, они располагались въ резервѣ центра и праваго крыла (40). Въ 7 часовъ, вестфальская дивизія Охса, съ частью кавалеріи Мюрата, выйдя изъ кустарниковъ, атаковала Орлова-Денисова, но была удержана картечью батареи, стоявшей на его правомъ флангѣ, и усиленнымъ огнемъ Полоцкаго и Перновскаго полковъ. Непріятель, отступая съ большимъ урономъ, былъ преслѣдованъ Сумскими гусарами и казаками. Съ нашей стороны, здѣсь тяжело раненъ картечью въ бокъ генералъ-маіоръ Филисовъ. Бой на лѣвомъ нашемъ крылѣ совершенно прекратился въ 8 часовъ вечера (41).

Въ 9 часовъ, дивизія Гюдена, подъ начальствомъ Жерара, снова перейдя черезъ Страгань, атаковала нашу позицію. Тучковъ 3-й, съ Екатеринославскимъ гренадерскимъ полкомъ, ударилъ на непріятеля въ штыки, но гренадеры неустояли, и самъ Тучковъ, израненый, былъ захваченъ въ плѣнъ. Генералъ Олсуфьевъ, съ Рязанскимъ и Брестскимъ полками, остановилъ Французовъ и не позволилъ имъ идти далѣе (42). Это былъ послѣдній актъ кровопролитнаго дѣла при Лубинѣ, (или при Валутиной-горѣ), въ коемъ непріятель потерялъ до 9-ти тысячъ человѣкъ (43). Уронъ нашъ не превышалъ 5-ти или 6-ти тысячъ

человѣкъ (44). Вообще-же въ сраженіяхъ при Красномъ, Смоленскѣ и Лубинѣ, у насъ выбыло изъ фронта отъ 14-ти до 15-ти тысячъ, а у Наполеона болѣе 20-ти тысячъ человѣкъ.

Войска обѣихъ сторонъ дрались весьма храбро, но должно замѣтить, что во всѣхъ дѣлахъ, со 2-го по 7-е (съ 14-го по 19-е) августа, перевѣсъ въ силахъ былъ на сторонѣ Французовъ. Невѣровскій, съ шестью тысячами человѣкъ пѣхоты, сражался противъ пятнадцати тысячъ всадниковъ Мюрата; Раевскій съ тринадцатью тысячами отразилъ Нея съ двадцать двумя тысячами человѣкъ; Дохтуровъ, сперва съ двадцатью, а потомъ съ тридцатью тысячами, оборонялъ Смоленскъ цѣлый день противъ Наполеона, у котораго было тамъ сто сорокъ тысячъ человѣкъ. Принцъ Евгеній виртембергскій, съ нѣсколькими тысячами человѣкъ, удерживался у Гедеонова противъ всего неева корпуса. У Тучкова 3-го, на рѣчкѣ Колоднѣ, было сперва три тысячи и потомъ пять тысячъ человѣкъ противъ двадцати тысячъ Нея; по отступленіи-же на позицію за Страгань, у Русскихъ въ концѣ боя было до двадцати пяти тысячъ человѣкъ, изъ коихъ введено въ огонь не болѣе семнадцати тысячъ: эти войска удержались до самой ночи противъ корпуса Нея, дивизіи Гюдена и части войскъ Жюнò, въ числѣ тридцати двухъ тысячъ человѣкъ, поддержанныхъ семнадцатью тысячами, стоявшими въ резервѣ (45). Въ сраженіи 7 (19) августа, успѣху непріятеля много повредили нерѣшительность Жюнò и недостатокъ связи въ дѣйствіяхъ французскихъ генераловъ, чтò довольно часто случалось въ отстутствіи Наполеона. Только эти обстоятельства, вмѣстѣ съ мужествомъ русскихъ войскъ и распорядительностью Барклая и частныхъ начальниковъ, вывели армію изъ опаснаго положе-

il le fait par le présent office, en son propre nom et celui de ses héritiers au trône, à perpetuité, tous les droits et obligations qui dérivents des traités ci dessus mentionnés.

«Quel prix pourraients conserver les alliances si les traités qui les fondent ne conservaient pas le leur? Mais S. M. afin de ne point donner sujet à aucune méprise, declare ici qu'un grand intérêt politique a produit son alliance avec S. M. l'Empereur des Français; que cet intérêt subsiste, et qu'Elle Se propose par conséquent de veiller à la conservation de cette alliance, et s'attend à un soin pareil et reciproque de la d'un monarque, à l'amitié du quel Elle a des droits.

«Cette union de l'intérêt de deux Empires, conçue par Pierre le Grand, et qui dès lors et depuis rencontra tant d'obstacles, a déjà procuré des avantages à l'Empire de Sa Majesté, et la France de même en a recueilli de son côté.

«Il parait donc de l'utilité des deux Empires de s'appliquer à conserver cette alliance, et S. M. y consacrera tous Ses soins».

(24) Наполеонъ, желая довести до крайности Пруссію, упрекалъ саксонскаго резидента, графа Эйнзиделя, въ томъ, что его правительство, по неумѣстной честности, (par un motif deplacé de probité), согласясь заплатить Пруссіи долгъ, лежавшій на герцогствѣ варшавскомъ, который, какъ утверждалъ Наполеонъ, принадлежалъ ему, по праву завоеванія, и былъ уступленъ имъ Саксоніи. Изъ письма графу Румянцову князя Куракина, отъ 1 (13) октября 1810 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(25) Изъ письма его-же, отъ 2 (14) октября 1810 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ)

(26) Thiers. X. 42—46

(27) Письмо графа Румянцова князю Куракину, отъ 25 сентября ст. ст. 1810 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(28) Изъ депеши графа Румянцова, отъ 24 ноября ст. ст. 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(29) Письмо герцога Виченцскаго (Коленкура) къ герцогу Кадорскому (Шампаньи), въ ноябрѣ 1810 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(30) Отношеніе князя Куракина графу Румянцову, отъ 30 ноября (12 декабря) 1810 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(31) Отношеніе князя Куракина графу Румянцову, отъ 28 генваря (9 февраля) 1811 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(32) Высочайше утвержденные доклады военнаго министра, 9 іюня и 10 августа 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. №№ 24,254 и 24,321).

(33) Именные указы, объявленные военной коллегіи военнымъ министромъ 26-го и 28-го октября 1810 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXI. №№ 24.386 и 24,389).

(34) Указъ изъ военной коллегіи, въ октябрѣ 1810 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXI. № 24,400).

(35) Изъ письма Государю флигель-адъютанта Чернышева, отъ 3 (15) генваря 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(36) Письмо къ Государю флигель-адъютанта Чернышева, отъ 9 (21) апрѣля 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(37) Garden. XIII. 182.

(38) Jos. Lemestre. Correspondance politique. I. 9.

(39) Thiers. XII. 515 — 516 et XIII. 60 — 62.

(40) Jos. Lemestre. I. 9.

(41) Thiers. XIII. 67 — 72.

(42) Письмо графу Румянцову князя Куракина, отъ 15 (27) апрѣля 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(43) Депеша князя Куракина, отъ 3 (15) августа 1811 года.—Thiers. XIII. 203 — 210.

(44) Отношеніе графа Румянцова князю Куракину, отъ 25 сентября ст. ст. 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

Помѣщено въ подлинникѣ, въ концѣ приложеній сей главы.

(45) Письмо графа Румянцова князю Куракину, отъ 25 сентября ст. ст. 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(46) Письмо къ графу Румянцову флигель-адъютанта Чернышева, отъ 31 декабря 1811 (12 генваря 1812) года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(47) Изъ письма князя Долгорукова къ графу Румянцову, отъ 25 декабря 1811 (6 генваря 1812) года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(48) Mémoires de Stedingk. III. 173.

Projet de depêche du Chancelier de l'Empire à l'ambassadeur Prince Kourakin, à Paris. (Апробовано 25 сентября 1811).

J'ai mis successivement sous les yeux de l'Empereur les différentes depêches que Vous m'avez adressées, mon Prince, et notamment celle dans la quelle Vous avez rendu compte de la conversation que S. M. l'Empereur Napoléon a eu avec Votre Excellence au cercle du 15 Août.

Sa Majesté leur a donné une juste attention, et n'y a rien trouvé qui dût La porter à la moindre déviation de Ses principes politiques, ni motiver un changement quelconque dans les ordres qu'Elle Vous avait donné précedemment, ni dans les déterminations qu'Elle a jugé devoir prendre jusqu'ici. Ferme dans Son alliance avec la France, parce qu'Elle sait apprecier toute l'utilité qui en resulte pour Son Empire comme pour le bien général, Sa Majesté Impériale n'a d'autre voeu que celui de conserver cette même Alliance et d'écarter tout ce qui peut en relâcher les liens.

L'Empereur me charge de Vous dire, mon Prince, que Vous ne sauriez trop souvent répeter là où Vous êtes, que telle a toujours été la base fondamentale du système politique de Sa Majesté depuis la paix de Tilsit, et que telles seront constamment Ses dispositions à l'égard de la France, tant qu'Elle trouvera une juste réciprocité dans la conduite de cette Puissance. Vous ajouterez, Monsieur l'Ambassadeur, que *dans ce moment-ci Sa Majesté ne croit pouvoir donner un témoignage plus irréfragable de la sincérité de Ses sentimens, qu'en Se déclarant de nouveau et comme Elle l'a déjà fait* *), prête à écouter telle proposition que l'Empereur Son Allié voudra Lui faire pour écarter les objets de discussion qui sont survenus entre les deux Cours, et dont Vous connaissez si bien, mon Prince, tous les détails. Elle Vous recommande spécialement, Monsieur l'Ambassadeur, de recueillir avec soin et de Lui transmettre sans délai les ouvertures que l'on jugera à propos de Vous faire dans cette vue.

En prenant connaissance de plusieurs de vos dernières depêches, mon Prince, notre auguste Souverain a observé avec autant de surprise que de peine, que l'Empereur des Français semble être dans l'opinion que Sa Ma-

---

*) Императоръ Александръ Собственноручно замѣнилъ означенное курсивомъ словами: „Sa Majesté fidèle à ce qu'Elle a énoncé précédement, ne Se croyait pas dans le cas de rien proposer, mais était“.....

esté desire la possession de Danzig ou de quelque partie du Duché de Varsovie, et Vous l'a dit. L'Empereur ne saurait Se rendre compte de ce qui a pu donner lieu à une pareille supposition; mais comme elle est absolument denuée de tout fondement, Sa Majesté Vous prescrit de déclarer, de la manière la plus positive, mon Prince, qu'Elle ne forme aucune vue quelconque *sur Danzig, ni sur le Duché de Varsovie* *), et qu'Elle n'a nul désir de les posseder; que satisfaite de l'étendue comme de la puissance de l'Empire que la Providence Lui a confié, Sa Majesté Impériale n'ambitionne rien de ce qui appartient à autrui, et qu'Elle ne songe qu'à conserver le repos et la tranquilité générale, si nécéssaires pour cicatriser les plaies profondes, produites par vingt années de calamités et de souffrance.

L'Empereur me prescrit aussi de Vous faire part, Monsieur l'Ambassadeur, qu'il vient d'ordonner pour cette année *un recrutement de 4 hommes sur 500* **). Quelque peu faite que soit cette détermination de Sa Majesté pour éveiller l'attention des Puissances étrangères, puisque c'est un usage reçu en Russie de recruter tous les ans l'armée à l'époque actuelle, il se pourrait cependant que la legère augmentation qui a lieu dans le recrutement de cette année-ci, comparativement à celui de 1810, prêtat matière aux interpretations de la malveillance.

Pour prévenir et rectifier toute tentation à cet égard, si jamais elle pouvait avoir lieu dans l'endroit de votre résidence, Vous voudrez bien faire observer, Monsieur l'Ambassadeur, que sous le règne de l'Imperatrice Cathérine, les recrutemens annuels s'effectuaient communement sur le pied d'un homme sur cent; que depuis, Empereur regnant a été le premier à modifier quelquefois ce sacrifice que demande à Ses peuples l'entretien de Son armée; que cette année-ci Sa Majesté *ne s'est vue obligée à porter ce nombre de 3 à 4 sur 500 que par la nécéssité absolue de remplir le déchet considérable* ***) produit dans Ses armées, autant par l'effet de la guerre qu'Elle continue à soutenir contre les Turcs et les Persans, que par les maladies aux quelles sont exposées Ses troupes sous l'influence maligne des climats de l'un et l'autre théatre de ces guerres. *Cette legère augmentation a encore été rendue indispensable par la circonstance que le nombre des soldats qui ont fini leurs années de service et qui dès lors, d'après nos règlemens, retournent dans leurs foyers, se trouve être, par un effet du hasard, beaucoup plus considérable cette année-ci que dans les années précédentes* ****).

Il résulte de tout ceci que le produit du recrutement que Sa Majesté vient

*) Вмѣсто означеннаго курсивомъ, Собственноручно приписано Государемъ: «ni sur Danzig, ni sur aucune partie du Duché de Varsovie».

**) Вмѣсто означеннаго курсивомъ, Собственноручно приписано Государемъ: «le recrutement habituel».

***) Вмѣсто означеннаго курсивомъ, Собственноручно приписано Государемъ: «s'est vu obligée à porter ce nombre à 4 sur 500 par la nécéssité absolue de remplir le déchet habituel»...

****) Вмѣсто означеннаго курсивомъ, Собственноручно приписано Государемъ: «Si le recrutement de l'année dernière a paru en apparence être un peu inférieur à celui-ci, en réalité il ne l'était pas cependant, puisque les gouvernemens qui n'avaient pas fourni la milice, continuaient à fournir leurs arrérages, ce qui pour cette année-ci se trouve fini».

d'ordonner, *loin de pouvoir servir à augmenter la force effective de Ses armées, ne suffira qu'à peine à remplir le déficit qui s'y trouve et à les reporter au complet* *).

En Vous autorisant, Monsieur l'Ambassadeur, à entrer dans ces explications avec le Ministère français, si les circonstances pouvaient l'exiger, Sa Majesté croit donner à l'Empereur Son allié un témoignage bien convaincant du soin qu'Elle apporte sans cesse à écarter et à prévenir tout ce qui pourrait lui donner le moindre ombrage **).

---

*) Вмѣсто означеннаго курсивомъ, Собственноручно приписано Государемъ: «n'augmente pas la force effective de l'armée, mais sert uniquement à la tenir au complet».

**) Далѣе въ депешѣ упоминается о нѣсколькихъ англійскихъ корабляхъ, нагруженныхъ селитрою, которые пришли въ Петербургъ, но были отосланы назадъ, несмотря на то, что мы тогда имѣли большую нужду въ селитрѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXX.

(1) Рапортъ Государю князя Циціанова, отъ 29-го генваря 1805 года.

(2) Рапортъ князю Циціанову полковника Карягина, отъ 28-го іюня 1805 года.

(3) Рапортъ князю Циціанову полковника Карягина, отъ 9-го іюля.— Разсказъ со словъ армянина Аванеса, служившаго проводникомъ отряду Карягина. (Помѣщенъ въ приложеніяхъ къ сочиненію графа Соллогуба: «Біографія генерала Котляревскаго»).—Бытъ русскаго дворянина въ разныя эпохи его жизни. Библіот. для Чт. 1848.

(4) Составъ войскъ князя Циціанова, при движеніи его въ помощь Карягину: гренадерскій баталіонъ Тифлисскаго полка, два баталіона Севастопольскаго полка, шесть ротъ 9-го егерскаго полка, десять орудій, 100 козаковъ.

(5) Составъ войскъ князя Циціанова, при движеніи къ Баку: два баталіона Севастопольскаго полка, шесть ротъ 9-го егерскаго, 128 человѣкъ Тифлисскаго полка, 187 казаковъ, 150 Казахскихъ Татаръ и десять орудій. (Донесеніе Государю князя Циціанова, отъ 28-го ноября 1805 года).

(6) Донесеніе Государю генерала Завалишина, 15-го февраля 1806 года.

(7) Изъ донесенія Государю князя Циціанова, отъ 28-го февраля 1804 года.

(8) Рапортъ графу Гудовичу, генералъ-маіора Небольсина, отъ 5-го іюля 1806 года.

(9) Рапортъ графу Гудовичу, генералъ-маіора Небольсина, отъ 15-го февраля 1809 года.

(10) Рапортъ военному министру графу Аракчееву, генерала отъ кавалеріи Тормасова, 10-го сентября 1809 года.

(11) Донесеніе Государю и письмо военному министру Барклаю де-Толли генерала Тормасова, 13-го апрѣля 1810 года.

(12) Рапортъ военному министру генерала Тормасова, отъ 20-го сентября 1810 года, съ приложеніемъ выписки изъ донесенія капитанъ-лейтенанта Додта, о занятіи крѣпости Сухумъ-Кале.

другою. А по тому комитетъ нашелъ необходимо нужнымъ: назначить надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго.

„Главнокомандующій Первою Западною арміею, будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, и военнымъ министромъ, имѣлъ распорядительное вліяніе на дѣйствія прочихъ главнокомандующихъ, старшихъ въ чинѣ, что, можетъ быть, стѣсняло его распоряженія, и потому комитетъ утвердительно полагалъ, что званіе военнаго министра, соединенное съ начальствомъ надъ арміею, производило неудобства въ достиженіи желаемой пользы.“

За тѣмъ приступивъ къ назначенію общаго главнокомандующаго, комитетъ постановилъ, что оно должно быть основано на извѣстной опытности въ военномъ искусствѣ, отличныхъ дарованіяхъ, общемъ довѣріи и на старшинствѣ службы. Разсуждая кого предложить въ главнокомандующіе, называли Беннигсена, Багратіона, Тормасова и бывшаго давно уже въ отставкѣ Палена. Наконецъ, когда было произнесено имя Кутузова, всѣ члены комитета единогласно постановили ввѣрить ему начальство надъ всѣми арміями, предоставить ему одному власть опредѣленную Положеніемъ о большой дѣйствующей арміи и предписать начальникамъ губернскихъ ополченій доносить ему объ успѣхѣ вооруженій и о мѣстахъ, гдѣ уже собраны земскія силы.

Съ тѣмъ вмѣстѣ положено было: „предоставить вполнѣ управленіе военнымъ министерствомъ управляющему департаментомъ онаго, генералъ-лейтенанту князю Горчакову и ему-же командовать, вмѣсто Кутузова, с.-петербургскимъ ополченіемъ, „тѣмъ болѣе, что въ составѣ сего ополченія находились и регулярныя войска“ (51).

Императоръ Александръ, утвердивъ мнѣніе ко-

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXI.

---

(1) Донесеніе Государю флигель-адъютанта Чернышева, въ февралѣ 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(2) Переписка Императора Александра съ Наполеономъ помѣщена въ сочиненіи моемъ: *Исторія Отечественной войны 1812 года.*

(3) Mémoires du duc de Rovigo (Savary). V. 208—216.

(4) C-te Garden. Histoire des traités de paix etc. XIII. 235—239.

(5) Pertz. Das Leben des Ministers Freiherrn v. Stein. III. 26.

(6) Ioh. Scherr. Blücher, seine Zeit und sein Leben. II. 461—462.

(7) Garden. XIII. 244—245.

(8) Swederus. Schwedens Politik und Kriege in den Jahren 1808 bis 1814. I. 146—149.

(9) Нота герцога Бассано, 7-го марта н. ст. 1812 года. — Донесеніе Государю генерала Сухтелена, 18 марта н. ст. 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(10) Письмо къ Наполеону Наслѣднаго принца шведскаго, отъ 27-го марта н. ст. 1812 года.

(11) Союзный трактатъ между Россіею и Швеціей, 24-го марта (5-го апрѣля), за подписью графа Румянцова и графа Левенгельма (Löwenhielm).

(12) Swederus. I. 187—188.

(13) Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff. 1855. 6—8.

(14) Императоръ Александръ и Его сподвижники, въ 1812—1815 г. III. Жизнеописаніе князя Кутузова-Смоленскаго.

(15) М. Иванинъ. Заслуги князя Кутузова, какъ дипломата на Кавказѣ.

(16) Письма къ Императору Александру адмирала Чичагова, отъ 20 іюня и 22 іюля 1812 года изъ Бухареста.

(17) Императоръ Александръ и Его сподвижники. III.

(18) Декларація 26 октября (7 ноября) и нота, врученная англійскому посланнику лорду Гоуэру (Gower), 27 октября (8 ноября) 1807 г.

(19) Отзывы канцлеру графу Румянцеву князя Куракина, въ 1811 г. (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(20) Schreckenstein. Die Kavallerie in der Schlacht an der Moskwa 6—7. По свидѣтельству его, въ числѣ 463 тысячъ пѣхоты «Великой арміи», было около 224 тысячъ Французовъ и до 239 тысячъ иностранцевъ, а въ числѣ 80 тысячъ кавалеріи — 38 тысячъ Французовъ и 42 тысячи иностранцевъ.

(21) Изъ перехваченныхъ французскихъ депешей (Арх. Минист. Иностран. дѣлъ).

(22) Высочайшій приказъ 17 генваря и указъ на имя военнаго министра 6 ноября 1811 года.

(23) Полн. Собран. Закон. T. XXXI. №№ 24.524-й и 24.856-й.

(24) Полн. Собран. Закон. T. XXXI. № 24.725-й.

(25) Высочайшимъ приказомъ 12 октября 1811 года учреждены кирасирскіе полки: Астраханскій и Новгородскій.

(26) Росписаніе артиллеріи 1811 года.

(27) Молдавская (Дунайская) армія, подъ начальствомъ Кутузова и потомъ Чичагова, состояла изъ дивизій пѣхотныхъ: 8-й, части 9-й, 10-й, 16-й и 22-й, и кавалерійскихъ 6-й и 7-й, всего до . 57.000 чел.

Въ Крыму и Новороссійскомъ краѣ, подъ начальствомъ герцога Ришельё, 13-я пѣхотная и восемь запасныхъ баталіоновъ 9-й, 8-я кавалерійская, всего-же . . . . 19.500 чел.

Въ Грузіи и за Кавказской линіи, подъ начальствомъ генераловъ Паулуччи и Ртищева, 19-я и 20-я пѣхотныя дивизіи и три драгунскихъ полка . . . . 34.000 чел.

Въ Финляндіи, подъ начальствомъ генерала Штейнгеля, 6-я, 21-я и 25-я пѣхотныя дивизіи и два драгунскихъ полка . . . 30.000 чел.

Въ Москвѣ формировалась новая 27-я пѣхотная дивизія въ числѣ . . . . 8.000 чел.

Войскъ, невошедшихъ въ составъ дивизій, было до . 12.000 чел.

На западной границѣ Имперіи стояли дивизіи: 1-я, 2-я и Сводная гренадерскія; 3-я, 4-я, 5-я, 7-я, 11-я, 12-я, 14-я, 15-я, 17-я, 18-я, 23-я, 24-я и 26-я пѣхотныя; 1-я и 2-я кирасирскія; 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я кавалерійскія, вообще-же по штатамъ до 290-ти, въ дѣйствительности-же отъ 270-ти до 280-ти тысячъ, а за исключеніемъ запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ до . . . . 200.000 чел.

(28) Bernhardi. Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. Zw. Aufl. I. 258—259.

(29) Росписанія войскъ — Полн. Собр. Закон. T. XXXII. № 25.036-й.

(30) Полн. Собр. Закон. T. XXXII. № 25.039-й. — Дивизіямъ, составленнымъ изъ гарнизонныхъ войскъ Оренбургскаго и Сибирскаго края, даны №№ 28-й и 29-й; а дивизіи, сформированныя изъ запасныхъ войскъ, получили №№: пѣхотныя отъ 30-го до 47-го, а кавалерійскія — отъ 9-го до 16-го.

(31) Краткая вѣдомость о Высочайше повелѣнныхъ запасахъ, за подписью генералъ-провіантмейстера Цызырева (Арх. В. Т. Дело № 32.417-й).

(32) Graf Cancrin. Ueber die Militair-Oeconomie. I.

(33) G-l Dumas. Précis des événemens militaires. XIX. 446.

(34) Bernhardi. I. 273—276.

(35) Мемуаръ графа д'Аллонвилля (Арх. В. Т. Дело № 43.086-й).

(36) Изъ письма къ графу Румянцову флигель-адъютанта Чернышева, отъ 7-го (19) сентября 1811 года, изъ Парижа (Арх. Мин. Иностр. дѣлъ).

(37) Донесеніе императору Александру князя Куракина, 19-го (31-го) марта 1812 года (Арх. Мин. Иностр. дѣлъ).

(38) Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état. XI. 287—291.—Smitt. Zur näheren Aufklärung über den Krieg von 1812. 309.

(39) Mémoires de Michel Oginski. III. 41—43 et 71.

(40) Denkschrift des General-Lieutenant v. Phull über den Kriegsplan für den Feldzug von 1812.

(41) Предписаніе военнаго министра, отъ 1-го марта ст. ст. 1812 года.

(42) Секретное предписаніе военнаго министра, отъ 1-го апрѣля 1812 года.

(43) Предписаніе военнаго министра, отъ 10-го апрѣля 1812 года.

(44) Донесеніе князя Куракина, отъ 15 (27) апрѣля 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(45) Донесеніе князя Куракина, отъ 26 апрѣля (8 мая) 1812 года.—Garden. XIII. 314—316.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXII.

---

(1) Графъ Сперанскій. Соч. М. Н. Лонгинова.—Записки Александра Яковл. Булгакова.

(2) Баронъ Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. II. 12—13.

(3) Тамъ-же. II. 13—14.

(4) Слышано отъ Ѳ. П. Л. долго служившаго при Сперанскомъ.

(5) Баронъ Корфъ. II. 15—16.

(6) Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій родился въ 1778 году. Окончивъ съ блистательнымъ успѣхомъ курсъ наукъ въ московскомъ университетѣ, онъ поступилъ на службу въ Преображенскій полкъ, потомъ служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, а съ 1803-го года, сдѣлавшись извѣстнымъ Сперанскому, пріобрѣлъ его довѣріе, въ послѣдствіи былъ ближайшимъ сотрудникомъ его и 1-го генваря 1810 года назначенъ статсъ-секретаремъ въ департаментъ законовъ государственнаго совѣта. Магницкій былъ одаренъ замѣчательными способностями и пользовался ими, не щадя никого и ничего для своего возвышенія. Русскій Вѣстникъ. 1864. VI. Магницкій. Е. М. Ѳеоктистова.

(7) И. И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь. 193—194 и 196.

(8) Баронъ Корфъ. II. 19.

(9) Воспоминанія Вигеля. II.

(10) Баронъ Корфъ. II. 42—44.

(11) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли. 1847. III. 106—124.—Воспоминанія Вигеля. II.—Письмо графа Растопчина къ князю Павлу Дмитр. Циціанову, 3 іюня 1803 года, изъ села Воронова.

(12) Въ письмѣ Наполеона къ его брату Іерониму, отъ 26 мая н. ст. 1812 года изъ Дрездена, находимъ: «Faites commander à Lublin 10,000 rations du pain bisquité et repandez le bruit de votre arrivée de ce coté avec 100,000 hommes. Il faut faire toutes les démonstrations pour faire croire que vous allez vous réunir aux Autrichiens avec 100,000 hommes, mais le vrai est que votre mouvement sera inverse, ce que je ne vous confie que pour vous seul, et ce que je désire que vous teniez très secret, sans le communiquer même à votre chef d'état—major»....

([13]) Составъ 1-й Западной арміи.

1-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна: 5-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Берга, 14-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Сазонова и 1-я кавалерійская дивизія, генералъ-маіора Каховскаго, всего 28 баталіоновъ, 16 эскадроновъ и 3 казачьихъ полка съ 108-ю орудіями.

2-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта Багговута: 4-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора принца Евгенія виртембергскаго и 17-я пѣхотная, генералъ-лейтенанта Олсуфьева; Елисаветградскій гусарскій полкъ, всего 24 баталіона и 8 эскадроновъ съ 84-мя орудіями.

3-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го: 1-я гренадерская дивизія, генералъ-маіора графа Строганова и 3-я пѣхотная, генералъ-лейтенанта Коновницына; Лейбъ-гвардіи казачій и 1-й Тептярскій полки, всего 24 баталіона, 4 эскадрона, 5 сотень, съ 80-ю орудіями.

4-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта графа Шувалова (потомъ графа Остермана-Толстаго): 11-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Бахметьева 2-го и 23-я пѣхотная, генералъ-маіора Бахметьева 1-го; Изюмскій гусарскій полкъ, всего 23 баталіона и 8 эскадроновъ съ 64-мя орудіями.

5-й пѣхотный (резервный) корпусъ, Великаго Князя Константина Павловича: гвардейская пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Ермолова (потомъ, съ 1-го іюля, графа Шувалова, и съ 23-го іюля генералъ-лейтенанта Лаврова); 1-я Сводная гренадерская дивизія и 1-я кирасирская дивизія, генералъ-лейтенанта Депрерадовича. Всего 26 баталіоновъ и 20 эскадроновъ съ 64-мя орудіями.

6-й пѣхотный корпусъ, генерала отъ инфантеріи Дохтурова: 7-я пѣхотная дивизія, генералъ-лейтенанта Капцевича и 24-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Лихачева; Сумскій гусарскій полкъ, всего 24, баталіона и 8 эскадроновъ съ 74-мя орудіями.

1-й кавалерійскій корпусъ, генералъ-адъютанта Уварова, 20 эскадроновъ съ 12-ю орудіями.

2-й кавалерійскій корпусъ, генералъ-адъютанта барона Корфа, 24 эскадрона съ 12-ю орудіями.

3-й кавалерійскій корпусъ, генералъ-маіора графа Палена, 24 эскадрона съ 12-ю орудіями.

14 казачьихъ полковъ съ 12-ю донскими конными орудіями, подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи, атамана войска донскаго, Платова.

Артиллерійскій резервъ, 36 орудій.

Примѣч. Число войскъ въ каждомъ пѣхотномъ корпусѣ было отъ 15-ти до 25-ти тысячъ человѣкъ; въ каждой пѣхотной дивизіи отъ 7-ти до 10-ти тысячъ; въ баталіонѣ отъ 600 до 700 человѣкъ; въ кавалерійскомъ корпусѣ до 2,500 человѣкъ; въ эскадронѣ отъ 100 до 120-ти; пѣхотные полки гвардейскіе были въ трехъ-баталіонномъ, армейскіе— въ двухъ-баталіонномъ составѣ. Въ полкахъ кирасирскихъ и драгунскихъ было по 4 эскадрона, а въ полкахъ гусарскихъ и уланскихъ— по 8-ми.

([14]) Составъ 2-й Западной арміи.

7-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта Раевскаго: 26-я пѣхот-

ная дивизія генералъ-маіора Паскевича и 12-я пѣхотная дивизія генералъ-маіора Колюбакина; Ахтырскій гусарскій полкъ. Всего 24 баталіона и 8 эскадроновъ съ 84-мя орудіями.

8-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта Бороздина 1-го: 2-я гренадерская дивизія, принца Карла Мекленбургскаго; 2-я Сводная гренадерская, генералъ-маіора графа Воронцова, и 2-я кирасирская, генералъ-маіора Кнорринга. Всего 22 баталіона и 20 эскадроновъ съ 60-ю орудіями.

4-й кавалерійскій корпусъ, генералъ-маіора графа Сиверса, 24 эскадрона съ 12-ю орудіями.

9 казачьихъ полковъ съ 12-ю донскими конными орудіями, подъ начальствомъ генералъ-маіора Иловайскаго 5-го.

Артиллерійскій резервъ, 48 орудій.

([15]) Составъ 3-й Резервной Обсерваціонной арміи.

Корпусъ генерала отъ инфантеріи, *графа Каменскаго* (Серг. Мих.): 18-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора князя Щербатова; Сводная гренадерская бригада; Павлоградскій гусарскій полкъ; всего 18 баталіоновъ и 8 эскадроновъ съ 46-ю орудіями.

Корпусъ генералъ-лейтенанта *Маркова* (Евг. Иван.): 9-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Удома, и 15-я пѣхотная, генералъ-маіора Назимова. Александрійскій гусарскій полкъ. Всего 24 баталіона и 8 эскадроновъ съ 82-мя орудіями.

Корпусъ генералъ-лейтенанта *Сакена:* 36-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Сорокина, и 11-я кавалерійская дивизія; Лубенскій гусарскій полкъ. Всего 12 баталіоновъ и 24 эскадрона съ 24-мя орудіями.

Кавалерійскій корпусъ, генералъ-маіора *графа Ламберта,* 36 эскадроновъ.

9 казачьихъ полковъ.

Артиллерійскій резервъ: 12 орудій.

([16]) .... «Il faut ameliorer le sort de nos officiers et bas-officiers, qui sont vraiment plus mal à leur aise que nos soldats, car, pour ces derniers, il ne leur faut qu'un meilleur traitement, c'est-à-dire qu'on les croye hommes doués de sentimens et de patriotisme, si ce dernier n'est pas etouffé par des coups de baton»... Изъ записки Барклая де-Толли, читанной Государемъ 22-го генваря 1812 года).

([17]) Краткія записки адмирала Шишкова. 2-е изд. 6—7.—Штейнъ прибылъ въ Вильну 12-го іюня н. ст. изъ Праги, получивъ тамъ слѣдующее собственноручное письмо Императора Александра:

«L'estime, Monsieur, que je Vous ai toujours portée, n'a reçu aucune altération par les événemens qui Vous ont eloigné du timon de affaires. L'énergie de votre caractère et vos talens eminens Vous l'ont acquise. Les circonstances decisives du moment doivent rallier tous les êtres bien pensants, Amis de l'humanité et des idées liberales. Il s'agit de les sauver de la barbarie et de l'esclavage qui se preparent à les engloutir.

«Napoléon veut achever l'envahissement de l'Europe et pour y atteindre il ui faut abbattre la Russie. Dépuis longtems l'on s'y prépare à cette lutte et les moyens de resistance les plus énergiques y sont préparés de longue main. *Cette guerre va être probablement la dernière.* Elle decidera du salut ou de la perte de l'Europe.

«Les amis de la Vertu et tous les êtres animés des sentimens d'indépendance et d'amour pour l'humanité sont tous intéressés au succès de cette lutte. Vous, Monsieur le Baron, qui avez marqué d'une manière si brillante entre eux, Vous ne pouvez nourrir d'autres sentimens que ceux de contribuer à faire reussir les efforts qu'on va faire dans le Nord pour triompher du despotisme envahissant de Napoléon.

«Je Vous invite, de la manière la plus instante, à me communiquer vos idées, soit par ecrit, d'une manière sure, soit de bouche en venant me joindre à Vilna. Le C-te Lieven Vous communiquera, à cet effet, un passeport d'entrée. Votre présence en Bohême, il est vrai, pourrait être d'une grande utilité, étant pour ainsi dire placé à dos des armées françaises; mais la faiblesse de l'Autriche et la toute apparence qu'elle va entrer sous les drapeaux de la France pourraient compromettre votre sureté, du moins celle de notre correspondance. Ce que je Vous dis sur l'Autriche, est de source certaine; je Vous engage donc à reflechir, Monsieur, sur l'importance de toutes ces circonstances et de choisir le parti le plus propre à l'utilité de la grande cause, à la quelle nous appartenons tous deux. Je n'ai pas besoin de Vous assurer que Vous serez reçu en Russie à bras ouverts. Tous les sentimens que je Vous porte, vous en sont un sûr garant.»

(18) Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état. XI. 373—375.—Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Ed. de Brux. XIII. 591—592.—Villemain. Souvenirs contemporains. I. 187.

(19) Pertz. Leben des Minist. Freih. v. Stein. III. 54—55.

(20) Pertz. III. 77.

(21) C-sse de Choiseul-Gouffier. Mémoires historiques sur l'Empereur Alexandre. 86—88.—Mémoires d'un homme d'état. XI. 376—377.—Записки графа Комаровскаго.

(22) Ducasse. Mémoires sur la campagne de 1812. 69—70.

(23) Составъ наполеоновыхъ войскъ, собранныхъ противъ Ковна:

1-й корпусъ Даву, изъ пяти пѣхотныхъ дивизій и двухъ легкихъ кавалерійскихъ бригадъ, всего 88 баталіоновъ и 16 эскадроновъ въ числѣ 72-хъ тысячъ человѣкъ.

2-й корпусъ Удино, изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій и двухъ легкихъ кавалерійскихъ бригадъ, всего 51 баталіонъ и 20 эскадроновъ, въ числѣ 37,000 человѣкъ.

3-й корпусъ Нея, изъ трехъ пѣхотныхъ и легкой кавалерійской дивизій, всего 48 баталіоновъ и 24 эскадрона, въ числѣ 40,000 человѣкъ.

1-й резервный кавалерійскій корпусъ Нансути, изъ трехъ дивизій: 60 эскадроновъ, въ числѣ 12,000 человѣкъ.

2-й резервный кавалерійскій корпусъ Монбрюна, изъ трехъ дивизій: 60 эскадроновъ, въ числѣ 10,400 человѣкъ.

Гвардія, изъ трехъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ дивизій, всего 54 баталіона и 35 эскадроновъ, въ числѣ 47,000 человѣкъ.

(24) Составъ войскъ вице-короля:

4-й пѣхотный корпусъ, вице-короля италійскаго, изъ четырехъ пѣхотныхъ и одной легкой кавалерійской дивизій, всего 57 баталіоновъ и 24 эскадрона, въ числѣ 45,000 человѣкъ.

6-й баварскій корпусъ, Сенъ-Сира, изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій и двухъ легкихъ кавалерійскихъ бригадъ, всего 28 баталіоновъ и 16 эскадроновъ, въ числѣ 25,000 человѣкъ.

3-й резервный кавалерійскій корпусъ, Груши, изъ трехъ дивизій: 60 эскадроновъ, въ числѣ 10,000 человѣкъ.

(25) Составъ войскъ Короля Вестфальскаго:

5-й польскій корпусъ, князя Понятовскаго, изъ двухъ пѣхотныхъ, одной сводной и одной кавалерійской дивизій, всего 44 баталіона и 20 эскадроновъ, въ числѣ 36,000 человѣкъ.

7-й саксонскій корпусъ, Рейнье, изъ двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи, всего 18 баталіоновъ и 16 эскадроновъ, въ числѣ 17,000 человѣкъ.

8-й вестфальскій корпусъ, Вандамма (потомъ Жюно), изъ двухъ пѣхотныхъ дивизіи и полуторы кавалерійской бригады, всего 16 баталіоновъ и 12 эскадроновъ, въ числѣ 18,000 человѣкъ.

4-й резервный кавалерійскій корпусъ, Латуръ-Мобура, изъ двухъ дивизій: 44 эскадрона, въ числѣ 8,000 человѣкъ.

(26) Fr. v. Smitt. Zur näheren Aufklärung über den Krieg von 1812. 376 — 382.

(27) Воззваніе Наполеона было разослано во всѣ войска «Великой арміи», кромѣ макдональдова корпуса, которому возвѣщено объ открытіи военныхъ дѣйствій особымъ приказомъ. Garden. XIII. 372—373.

(28) Отношеніе Барклая де-Толли князю Багратіону и повелѣнія Барклая Платову и корпуснымъ командирамъ 1-й Западной арміи, отъ 12 іюня 1812 года.

(29) Краткія записки Шишкова. 7—8.

(30) Изъ собственноручной записки Балашова.

(31) Высочайшее повелѣніе князю Багратіону, отъ 16 іюня 1812 года.

(32) Изъ собственноручной записки Балашова.

(33) C-sse Choiseul - Gouffier. 113.

(34) Soltyk. Napoléon en 1812. 53—63.

(35) Joh. Scherr. Blücher, seine Zeit und sein Leben. II. 474.

(36) Журналъ дѣйствій 3-й Резервной Обсерваціонной арміи, Тормасова.

(37) Pertz. III. 103—104.

(38) Манифестъ 1-го іюля 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII № 25,172-й). Повелѣно набрать по пяти рекрутъ съ 500 душъ въ губерніяхъ: витебской, могилевской, волынской, подольской, эстляндской и финляндской, а въ сибирскихъ губерніяхъ, вмѣсто рекрутъ, собрать за каждаго по 2,000 рублей. (Послѣднее распоряженіе въ послѣдствіи было отмѣнено).

(39) Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. №№ 25,099-й и 25,166-й. Эти полки потомъ были расформированы для укомплектованія прочихъ.

(40) Собственноручное письмо Императора Александра къ Барклаю де-Толли, отъ 27 іюня 1812 года.

(41) Донесеніе Государю Барклаю де-Толли, отъ 25 іюня, изъ Бельмонта.

(42) Изъ записокъ П. А. Тучкова 3-го, хранящихся въ Архивѣ Главнаго Штаба.

(43) Журналъ дѣйствій 1-й Западной арміи, составленный Толемъ.

Вольцогенъ пишетъ, будтобы отступленіе изъ дрисскаго лагеря совершено по его совѣту.

(44) Журналъ дѣйствій 1-й Западной арміи.—Записки Ермолова.
(45) Краткія записки Шишкова. 13—25.
(46) Первопрестольной столицѣ Нашей, Москвѣ.

«Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любимое Наше Отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе; однакоже, по отеческому сердоболію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, не можемъ Мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности. Да невозникнетъ изъ неосторожности Нашей преимущество врагу! Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны собрать новыя внутреннія силы, напервѣе обращаемся Мы къ древней столицѣ предковъ Нашихъ, Москвѣ. Она была всегда главою прочихъ городовъ Россійскихъ: она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны Отечества, для защиты онаго. Никогда не настало въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе Вѣры, Престола, Царства, того требуютъ. И такъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства Нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша Церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ Сами стать посреди народа Своего въ сей столицѣ и въ другихъ Государства Нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и, освобожденная отъ рабства Европа, да возвеличитъ имя Россіи».

Высочайшій манифестъ.

«Непріятель вступилъ въ предѣлы Наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ, несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войска Наши, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленнаго, согнать съ лица земли Нашей. Мы полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду, но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нея бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе Наше воинство, полагаемъ Мы за необходимо нужное собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли-бы вторую ограду, въ подкрѣпленіе первой, и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

«Мы уже воззвали къ первопрестольному граду Нашему Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ

съ Нами, единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ — Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ — Палицына, въ каждомъ гражданинѣ — Минина. Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ Отечества. Святѣйшій синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ Русскій! Храброе потомство храбрыхъ Славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

«Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ, предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты Отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель».

(47) Записки Серг. Ник. Глинки. — Записки генералъ-адъютанта графа Комаровскаго.

(48) По свидѣтельству графа Комаровскаго, Государь сказалъ: «Я много ожидалъ отъ московскаго дворянства, но оно превзошло Мое ожиданіе.»

(49) Записки С. Н. Глинки. Графъ Комаровскій пишетъ, что еще прежде, нежели Государь вошелъ въ залу купеческаго собранія, сдѣланы были подписки на нѣсколько милліоновъ.

(50) Записки графа Комаровскаго.

(51) Garden. XIII. 407—409.

(52) Письмо Императора Александра графу Николаю Ивановичу Салтыкову, отъ 15-го іюля 1812 года.

(53) Манифестъ о составленіи ополченія, 18 іюля 1812 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXII. № 25,188-й).

(54) Высочайше утвержденное предположеніе Великой Княгини Екатерины Павловны, 3-го іюля 1812 года (Полн Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,174-й). На подлинномъ написано собственноручно Государемъ: «Съ живѣйшею признательностью пріемлю».

(55) Именной указъ сената 31 іюля 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,193-й).

(56) Манифестъ 4-го августа 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,198-й). Эстляндская губернія симъ манифестомъ также была освобождена отъ набора; но дворянство, полагая, что Латыши могли принять сборъ ополченія за самовольное распоряженіе помѣщиковъ, ходатайствовало о замѣнѣ земскаго вооруженія рекрутскими наборами и въ продолженіи 1812 года поставило по 17-ти рекрутъ съ 500 душъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXIII.

(¹) Краткій журналъ военныхъ дѣйствій Первой арміи, составленный полковникомъ Толемъ.—Изображеніе дѣйствій Первой арміи (Зап. сост. Барклаемъ де-Толли). Походныя записки артиллериста. I. 82.— Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. I. 222 et 226—234. — Denniée. Itinéraire de Napoléon pendant la campagne de 1812.— Bernhardi. Denkwürdigkeiten des Graf. v. Toll. Zw. Aufl. I. 352—364.

(²) Противъ князя Багратіона были направлены: двѣ дивизіи корпуса Даву: Дессè и Компана; 5-й корпусъ (польскій), князя Понятовскаго; 8-й корпусъ (вестфальскій); резервные кавалерійскіе корпусы: Груши (кромѣ кирасировъ Думерка, приданныхъ корпусу Удинò) и Латуръ-Мобура; польская дивизія Клапареда; легкая кавалерія Пажоля (корпуса Монбрюна). Саксонскій-же корпусъ Рейньè былъ посланъ на Волынь.

(³) Boutourlin. Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. I. 245. — Bernhardi. I. 373.

(⁴) Письма Государя отъ 28 іюля 1812 года.

(⁵) Армія Наполеона, въ первый мѣсяцъ вторженія въ Россію, понесла слѣдующую потерю:

Корпусъ Даву	19,000	чел.
„ Нея	14,000	„
„ Вице-короля	13,000	„
„ Понятовскаго	8,000	„
„ Сенъ-Сира	14,000	„
„ Вестфальскій	8,000	„
Корпусы 1-й и 2-й резервные кавалерійскіе	8,000	„
„ 3-й (безъ дивизіи Думерка) и 4-й резервные кавалерійскіе	7.000	„
Гвардія съ дивизіей Клапареда	13,000	„
Всего	104,000	чел.

скамъ Даву, нашелъ маршала снова готовымъ сѣсть на коня и возобновить нападеніе. Наполеонъ, узнавъ о томъ, былъ чрезвычайно обрадованъ. Въ 7 часовъ, Ней, получивъ приказаніе содѣйствовать войскамъ Даву, повелъ свои три дивизіи на Шевардино; корпусъ Жюно подался впередъ и сталъ лѣвѣе этого селенія. Легкая кавалерія 1-го и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ и Мюратъ съ резервною кавалеріей двинулись на поддержаніе пѣхоты Даву и Нея ([36]). Завидя наступленіе всѣхъ этихъ массъ, князь Багратіонъ усилилъ войсками Невѣровскаго гренадеровъ Воронцова, занимавшихъ флеши, приказалъ восьми баталіонамъ изъ корпуса Раевскаго принять влѣво, поставилъ 2-ю гренадерскую и 2-ю кирасирскую дивизіи влѣво отъ Семеновскаго и выдвинулъ всѣ свои батареи въ первую линію. Какъ всего этого было недостаточно для отраженія многочисленныхъ непріятельскихъ силъ, то князь Багратіонъ приказалъ Тучкову 1-му, (несостоявшему подъ его начальствомъ), отрядить къ нему въ помощь дивизію Коновницына и обратился къ Барклаю де-Толли съ просьбою о подкрѣпленіи лѣваго крыла частью войскъ 1-й арміи. Барклай приказалъ перевести 2-й пѣхотный корпусъ съ праваго фланга позиціи на лѣвый, и вслѣдъ за тѣмъ, но вторичной просьбѣ князя Багратіона, отряжены изъ резерва къ Семеновскому: гвардейскіе полки Измайловскій, Литовскій и Финляндскій, три полка 1-й кирасирской дивизіи, семь сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ, двѣ гвардейскія батарейныя роты и гвардейская конная батарея № 1-го ([37]).

Но для прибытія этихъ подкрѣпленій къ лѣвому крылу нобходимо было отъ полутора до двухъ часовъ, а, между тѣмъ, въ восемь часовъ, князь Багратіонъ уже былъ снова атакованъ превосходными

Narrative of events during the invasion of Russia. 2-d edit. 89. — Въ бумагахъ отбитыхъ у непріятеля показанъ уронъ его до 14,000 чел.

([25]) Fezensac, Journal de la campagne de Russie en 1812, 32.

([26]) Изъ письма къ Государю графа Сенъ-Пріеста, отъ 8 августа 1812 года.

([27]) Барклай де-Толли. Изображеніе дѣйствій Первой арміи.

([28]) Bernhardi. I. 422—423.

([29]) Барклай де-Толли. Изображеніе дѣйствій и проч.—Wilson. 90—91.

([30]) Подъ начальствомъ принца Евгенія виртембергскаго, на позиціи у Гедеонова, были полки: 17-й пѣхотной дивизіи Бѣлозерскій и Вильманстрандскій; 4-й пѣхотной дивизіи Тобольскій, два взвода Изюмскихъ гусаръ; 4 орудія.

([31]) Chambray I. 324.

([32]) Eugen v. Würtemberg. II. 25—36.

([33]) Fain, Manuscript de 1812. I. 318—321.—Soltyk. 161—163. — Thiers. XIV. 261.

([34]) Записки Тучкова 3-го.—Записки Ермолова (рукопись).—Въ журналѣ 1-й арміи, составленномъ Толемъ, упоминается, что „генералу Тучкову 3-му было приказано слѣдовать форсированнымъ маршемъ, и не только занять перекрестокъ дорогъ, но и податься сколько возможно далѣе по большой дорогѣ къ Смоленску, на подкрѣпленіе генералъ-маіору Карпову".

([35]) Описаніе сраженія при Лубинѣ, изъ записокъ графа Орлова-Денисова.—Реляція о сраженіи 7 августа, поданная Барклаю де-Толли Ермоловымъ 22 августа.

([36]) Краткій журналъ военныхъ дѣйствій 1-й арміи, составленный Толемъ.

([37]) Изъ записокъ графа Орлова-Денисова.—Bernhardi. I. 437—439.— Thiers. XIV. 266—267.

([38]) Краткій журналъ военныхъ дѣйствій, составленный Толемъ.

([39]) Краткій журналъ дѣйствій составленный Толемъ. — Реляція о сраженіи 7-го августа, поданная Ермоловымъ.

([40]) Краткій журналъ дѣйствій, составленный Толемъ.

([41]) Изъ записокъ графа Орлова-Денисова. — Краткій журналъ дѣйствій, составленный Толемъ.

([42]) Изъ записокъ Тучкова 3-го. — Краткій журналъ дѣйствій, составленный Толемъ.

([43]) Изъ бумагъ отбитыхъ у непріятеля.

([44]) G-l Boutourlin. I. 285.

([45]) Въ сраженіи на Страгани, находилось частью въ дѣйствительномъ бою, частью въ резервѣ:

Со стороны Русскихъ:

	По показанію Бутурлина.	Принца Евгенія
3-й пѣхотный корпусъ . . .	13,500 чел.	
4-го пѣхотнаго корпуса . .	9,500 „	
1-й кавалерійскій корпусъ .	3,700 „	
Всего . . .	26,700 чел.	23,000 чел.

огнемъ пѣхоты: гвардейскіе полки, Измайловскій и Литовскій, подъ начальствомъ полковника Храповицкаго, построились въ баталіонныя каре, въ одномъ изъ коихъ находился самъ Коновницынъ. Нѣсколько разъ кирасиры, *желѣзные люди* (hommes de fer), какъ называлъ ихъ Наполеонъ, поддержанные легкою конницею, атаковали наши каре, и каждый разъ были отражаемы градомъ пуль. Солдаты Литовскаго полка, увлеченные успѣхомъ, кидались въ штыки, съ крикомъ ура! на непріятельскую кавалерію, которая, обратясь назадъ, была преслѣдована генералъ-маіоромъ Кретовымъ, съ Орденскими и Екатеринославскими кирасирами. Вслѣдъ за тѣмъ, на лѣвомъ флангѣ гвардейскихъ полковъ, въ лѣсу завязалась перестрѣлка. Непріятель снова сталъ громить изъ орудій нашу позицію; въ числѣ раненыхъ были полковники: Храповицкій, командовавшій въ сей день Измайловскимъ полкомъ, Козляниновъ и командиръ Литовскаго полка Удомъ (44).

Кавалерія Латуръ-Мобура, при переходѣ черезъ болотистую рѣчку, текущую ниже селенія Семеновскаго въ глубокомъ оврагѣ, встрѣтила большія затрудненія, и по тому вступила въ бой нѣсколько позже Нансути; но съ лучшимъ успѣхомъ. Генералъ Тилеманъ съ саксонскими кирасирами опрокинулъ остатки 2-й гренадерской дивизіи, промчался влѣво отъ селенія и заскакалъ въ тылъ линіи Измайловскихъ и Литовскихъ каре. Генералъ Бороздинъ 2-й, съ кирасирами Его и Ея Величествъ и Астраханскими, атаковалъ саксонскихъ латниковъ и вмѣстѣ съ Ахтырскими гусарами, заставилъ непріятеля податься назадъ за гребень высотъ праваго берега рѣчки; но, между тѣмъ, Фріанъ овладѣлъ Семеновскимъ и занялъ правую сторону рѣчки; остатки нашего 8-го пѣхотнаго корпуса отошли на пушечный выстрѣлъ

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXIV.

(¹) Письмо къ Императору Александру Наслѣднаго шведскаго принца, отъ 6-го февраля н. ст. 1812 года (Архива Минист. Иностр. дѣлъ).

(²) Письмо Императора Александра I, отъ 13/(25) февраля 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(³) .... «Je me suis empressé d'expédier le général Souchtelen à Stockholm pour achever l'oeuvre si bien commencée d'une union etroite des Puissances du Nord; c'est elle seule qui peut opposer un contrepoids à la puissance toujours croissante de la France, appuyée par les Etats qui lui sont tributaires. La Suède et la Russie vont donner l'exemple. Il y a à éspérer qu'il sera suivi par d'autres Puissances. Les talens éminents de V. A. R. seconderont essentiellement cette grande oeuvre. Il Lui est réservé de jouer un bien grand rôle et marchant sur les traces de Gustave-Adolphe, d'achever ce qu'il n'a pu que commencer. Mais à cette oeuvre politique se joint une autre beaucoup plus essentielle encore d'après ma manière de voir. C'est celle de faire renaitre les idées libérales en Europe, de la préserver de cette barbarie à la quelle elle marche à si grands pas, celle enfin de tourner la conception au bonheur de cette malheureuse humanité oppressée si impitoyablement depuis tant d'années».... Извлечено изъ письма Императора Александра I Наслѣдному принцу, отъ 26 февраля (9 марта) 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(⁴) Письмо Наслѣднаго шведскаго принца, отъ 1-го апрѣля н. ст. 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(⁵) Трактатъ, заключенный въ Петербургѣ, 24 марта (5 апрѣля), прибывшимъ изъ Стокгольма графомъ Левенгельмомъ.

(⁶) .... «Un grand plan me semble devoir être embrassé: les nations Slaves, belliqueuses par leur nature, étant stimulées, formeront un ensemble imposant et réunies aux mécontents de la Hongrie, produiront une diversion puissante contre l'Autriche et les possessions françaises de l'Adriatique. Dans des chances heureuses il ne sera pas impossible même de pénétrer par la Bosnie et la Croatie assez avant pour se mettre en contact avec les Tyroliens et par là avec la Suisse. J'envoie l'amiral Tchitchagoff, homme de tête, tout or-

ganiser en consequence, mais il serait urgent que l'Angleterre voulût nous seconder puissament tant sur la Baltique, par ses armements maritimes, et en prenant à sa solde les bataillons allemands, qu'on pourra former si la désertion s'introduit dans les troupes de la confédération, qu'en fournissant de l'argent et des munitions aux Slaves qui agiront pour la cause de l'indépendance générale».... Извлечено изъ письма Императора Александра къ Наслѣдному шведскому принцу, отъ 9 (21) апрѣля 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(7) Письмо Императора Александра къ Наслѣдному шведскому принцу, отъ 17 (29) іюля 1812 года.

(8) Изъ письма Императору Александру I Наслѣднаго шведскаго принца, отъ 15 (27) іюня 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(9) Изъ письма Императора Александра Наслѣдному принцу, отъ 22 іюня (4 іюля) 1812 года изъ Видзы (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

.... «Je continuerai d'instruire V. A. successivement des évènements de cette guerre importante. En attendant, qu'Elle se persuade, que puisqu'une fois elle est commencée, ma ferme resolution est de la faire durer des années, dusse-je combattre sur les rives de Wolga»....

(10) Изъ письма Императора Александра Наслѣдному принцу, отъ 17 (29) іюля 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(11) Изъ Абосскихъ вѣдомостей, 1812 года. №№ 101 и 105-й.

(12) Garden. Histoire des traités de paix, etc. XIII. 410—411.

(13) Извлечено изъ копіи договора, заключеннаго въ Або, 18 (30) августа 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(14) Swederus. Schwedens Politik und Kriege in den Jahren 1808—1814. I. 213—215.

(15) Garden. XIII. 412—413.

(16) Swederus. I. 206—211.

(17) R. Wilson. Narrative of events during the invasion of Russia. 2 Edit. 114—117 and 119.

(18) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1812 года.—Въ Запискѣ о войнѣ 1812 года, князя А. Б. Голицына, бывшаго на безсмѣнныхъ ординарцахъ при Кутузовѣ, напротивъ того сказано: «Когда въ первый разъ Кутузовъ обозрѣвалъ позицію подъ Бородинымъ — это было послѣ обѣда — исполинскій орелъ парилъ надъ нимъ. Куда онъ, туда и орелъ. Анштетъ первый это замѣтилъ и толкамъ не было конца». Тоже самое находимъ и въ сочиненіи Ѳ. Н. Глинки. Очерки Бородинскаго сраженія. Стр. 39.

(19) Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 19 августа.

(20) Memoiren des Herzogs Eugen v. Würtemberg. II. 70—74.

(21) Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. II. 37. — Beitzke. Geschichte des russischen Krieges im Jahre 1812. 152 und 168. — Denniée. Itinéraire de l'Empereur Napoléon. 59.

(22) Предписаніе генералу отъ кавалеріи Тормасову, отъ 20 августа, за № 47-мъ, и отношеніе адмиралу Чичагову, отъ того-же числа, за № 48-мъ.

(23) Приказы князя Кутузова, отъ 18, 19 и 20 августа. — Краткій военный журналъ, составленный Толемъ.

(24) Ordre du jour du 2 septembre 1812. — Письма Наполеона къ на-

чальнику штаба арміи (major-général), отъ 2-го и 3-го сентября 1812 года. — Chambray. II. 34.

(25) Ségur. Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812. I. 354 — 355.

(26) Bernhardi. Denkwürdigk. des Gr. v. Toll. Zw. Aufl. II. 19.

(27) Приказъ по арміямъ князя Кутузова, отъ 23 августа, за № 6-мъ. Диспозиція на 24-е августа.

(28) G-l Boutourlin. Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. I. 308 — 309. — Bernhardi. II. 28 — 29.

(29) Рапортъ князю Кутузову генералъ-маіора графа Сиверса, отъ 26 сентября.—Boutourlin. I. 310—314. — Chambray. II. 43—44. — Ségur. I. 370—372. — Bernhardi. II. 33—38.

(30) Записка Толя о Бородинскомъ сраженіи (рукопись).—Bernhardi. II. 56—57.

(31) Chambray. II. 60.—Fain. Manuscrit de 1812. II. 18. — Свѣдѣнія извлеченныя изъ бумагъ отбитыхъ у Французовъ.

(32) Chambray. II. 46.

(33) Ѳ. Глинка. Очерки Бородинскаго сраженія. 39—41.—Chambray. II. 52.

(34) Рапортъ князю Кутузову генерала графа Сиверса, отъ 26 сентября.—Hofmann. Die Schlacht von Borodino mit einer Uebersicht des Feldzugs von 1812. 49.—Chambray. II. 61—62.—Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. XIV. Edit. de Brux. 355 et 357—358.

(35) Chambray. II. 63.—Thiers. XIV. 356—357.

(36) Bernhardi. II. 70.

(37) Записка Толя о Бородинскомъ сраженіи. — Рапортъ генералу Дохтурову генералъ-лейтенанта Лаврова, отъ 3 сентября 1812 года. — Bernhardi. II. 71 — 72.

(38) Рапорты князю Кутузову генералъ-лейтенанта Коновницына, отъ 19 сентября, и генералъ-маіора графа Сиверса, отъ 26 сентября 1812 года.—Boutourlin. I. 330.—Hofmann. 50.—Bernhardi. II. 73—75.

(39) Fain. Manuscrit de 1812. II. 24 — 25. — Chambray. II. 65—66. По свидѣтельству Шамбрè, Ней просилъ о подкрѣпленіи уже по прибытіи Багговута на лѣвое крыло нашей позиціи.

(40) Записка Толя. — Bernhardi. II. 81.

(41) Pelet. Bataille de la Moscowa.

(42) Записка Толя. — Boutourlin. I. 330 — 331.

(43) Рапортъ генералъ-лейтенанту Коновницыну полковника Удома. отъ 31 августа. — Beitzke. 203 — 206. — Bernhardi. II. 85.

(44) Записка Толя. — Рапорты полковниковъ Козлянинова и Удома. Историческое обозрѣніе Л. Гв. Измайловскаго полка. — Bernhardi. II. 91 — 92.

(45) Chambray. II. 66—67. — Bernhardi. II. 92—95. — Schreckenstein. Die Kavalerie in der Schlacht an der Moskwa. 51 — 73.

(46) Барклай де-Толли. Изображеніе дѣйствій Первой арміи.

(47) Hofmann. 53. — Bernhardi. II. 97.

(48) Hofmann. 52 — 53 und 58. — Bernhardi. II. 75 — 76.

(49) Рапортъ Дохтурову Раевскаго, отъ 11 сентября 1812 года. — Письмо Раевскаго генералу Жомини о Бородинскомъ сраженіи.

были направлены къ Серпухову, откуда съ одинакою удобностью могли перейти, какъ на калужскую, такъ и на рязанскую дорогу. Напротивъ того, для спасенія раненыхъ оказалось недостаточно перевозочныхъ средствъ, что заставило оставить въ Москвѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ, немогшихъ слѣдовать за войсками (10). О вывозѣ огромнаго казеннаго имущества нельзя было и думать, и даже не успѣли истребить его: изъ дѣлъ Артиллерійскаго департамента оказывается, что мы бросили въ Москвѣ болѣе полутораста орудій, до 80-ти тысячъ ружей и пистолетовъ, изъ коихъ половина требовала починки, болѣе 60-ти тысячъ штукъ холоднаго оружія, 20 тысячъ пудовъ пороха, 27 тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ и на два съ половиною милліона рублей различныхъ коммиссаріатскихъ запасовъ. А между тѣмъ графъ Растопчинъ доносилъ Государю: „Все вывезено: Коммисаріатъ, Арсеналъ.“ Часть ручнаго оружія была разграблена при выступленіи изъ Москвы нашихъ войскъ; все-же прочее, большею частью, негодное оружіе досталось непріятелю, либо истреблено огнемъ. Многіе изъ московскихъ жителей, не смотря на благопріятныя извѣстія изъ арміи и на увѣренія Растопчина, что непріятель не дойдетъ до столицы, заранѣе выѣхали оттуда; прочіе-же оставались въ городѣ, частью изъ безпечности, частью по неимѣнію средствъ къ выѣзду. Кутузовъ, рѣшась оставить Москву, приказалъ полиціймейстеру арміи Шульгину: „гнать всѣхъ на Рязань“ (11).

По окончаніи совѣта въ Филяхъ, Кутузовъ сдѣлалъ распоряженія къ отступленію въ слѣдующую-же ночь по рязанской дорогѣ. Оставляя Москву, Кутузовъ не могъ побѣдить овладѣвшей имъ скорби и по свидѣтельству находившагося при немъ Кайсарова нѣсколько разъ плакалъ.

(66) Барклай. Изображеніе дѣйствій и проч. — Hofmann. 62 — 63.

(67) Ségur. I. 415—416. — Gourgaud. Examen critique de l'ouvrage de M. le comte de Ségur.—Pélet. Bataille de la Moscowa.—Bernhardi. II. 109—110.

(68) Wolzogen. Memoiren. 145 — 146. — Изъ записки самаго Барклая де-Толли (Изображеніе дѣйствій и проч.) видно, что онъ вовсе не считалъ положенія арміи такъ опаснымъ, какъ представилъ его Кутузову Вольцогенъ.

(69) Hofmann. 66. — Bernhardi. II. 113 — 114.

(70) Барклай. Изображеніе дѣйствій Первой арміи.

(71) Вѣдомость объ уронѣ Первой арміи, за подписью дежурнаго генерала Кикина.—Hofmann. 66. — Pr. Eugen v. Würtemberg. II. 115. По его показанію, мы потеряли до 1700 офицеровъ, но, принявъ во вниманіе, что въ одной Первой арміи выбыло изъ фронта болѣе 1400 офицеровъ, оказывается, что Вторая армія, по соразмѣрности съ Первою, должна была потерять не менѣе 600 офицеровъ, и что мы потеряли вообще до 2000 офицеровъ.

(72) Denniée. 80 — 81. — Ségur. II. 28. — Thiers. XIV. 386.

(73) Записка Толя. — Chambray. II. 75 — 76.

(74) Denniée. 80 — 81.

(75) Pelet. Bataille de la Moscowa.

(76) Denkwürdigkeiten eines Livländers (Löwenstern). I. 230.

(77) Pr. Eugen v. Würtemberg. II. 126 — 127.

(78) Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 27 августа (Архивъ Главнаго Штаба № 46,692-й).

(79) Высочайшій рескриптъ князю Кутузову, отъ 31 августа 1812 г.

(80) Высочайшій рескриптъ князю Багратіону, отъ августа 1812 года.

командою на винный и мытный дворы, въ коммисаріатъ и на барки, приказавъ, по вступленіи непріятеля въ Москву, жечь казенные и частные запасы (27). Безпорядокъ, господствовавшій въ городѣ, былъ причиною новыхъ пожаровъ: и свои и чужіе, грабили и поджигали домà, ходили по чердакамъ и подваламъ со свѣчами, факелами, зажженною лучиною, раскладывали на дворахъ большіе костры для варенія пищи. Случалось и то, что Москвичи съ умысломъ жгли свои домы (28). Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы пожаръ Москвы былъ преднамѣреннымъ подвигомъ ея жителей. Стольже нелѣпо приписывать его исключительно Наполеону и Французамъ. Напротивъ того, Наполеонъ приказывалъ тушить огонь и пересталъ заботиться о томъ только тогда, когда всѣ его усилія оказались напрасны. Въ эпоху нашествія Французовъ, Русскіе, видя гибель мирныхъ гражданъ, поруганіе своихъ женъ и дочерей, грабежъ и оскверненіе Божіихъ храмовъ, обвиняли непріятелей въ разрушеніи священной для насъ первопрестольной столицы. Вся Россія, движимая местью, ополчилась какъ одинъ человѣкъ. Война сдѣлалась народною. Непріятель полагалъ, что потеря Москвы поселитъ въ Русскихъ страхъ, уныніе, наклонность къ миру, и вмѣсто того встрѣтилъ твердость духа и готовность кó всевозможнымъ жертвамъ. Потерявъ Москву, мы уже не опасались никакой потери; для насъ только теперь начиналась война! (29).

Извѣстіе о занятіи непріятелемъ Москвы впервые достигло Петербурга чрезъ какого-то помѣщика, которому однакоже никто не хотѣлъ вѣрить. Вслѣдъ за тѣмъ Государь получилъ отъ графа Растопчина, чрезъ Ярославль, слѣдующее донесеніе:

„Адъютантъ князя Кутузова привезъ мнѣ письмо,

II.

От 12-го Августа, 1812 г.
Москва.

Принимая во всей мѣрѣ признательности довѣренное письмо вашего сіятельства, съ крайнимъ прискорбіемъ узналъ о потерѣ Смоленска. Извѣстіе сіе поразило чрезвычайно, и нѣкоторые оставляютъ Москву, чему я чрезмѣрно радъ, ибо пребываніе трусовъ заражаетъ страхомъ, а мы болѣзни сей здѣсь не знаемъ. Здѣсь очень дивились бездѣйствію нашихъ войскъ противъ наступающаго непріятеля. Но лучше-бы ничего ему не дѣлать, чѣмъ выигравъ баталію предать Смоленскъ злодѣю. Я не скрою отъ васъ, что все сіе приписываютъ несогласію двухъ начальниковъ и зависти ко взаимнымъ успѣхамъ, а такъ, какъ общество во мнѣніяхъ своихъ мѣры не знаетъ, то и увѣрило само себя въ нелѣпицахъ. Теперь должно уже у васъ быть извѣстно, какія послѣдствія будетъ имѣть отступленіе отъ Смоленска. Москва-ли предметъ дѣйствій непріятельскихъ или Петербургъ, а мнѣ кажется, что онъ держа васъ тамъ, гдѣ вы, станетъ отдѣльными корпусами занимать мѣста и къ петербургской и къ московской дорогѣ, и къ Калугѣ, дабы пресѣкал сообщенія нанести болѣе безпокойства и потрясти духъ русскій. Ополченіе здѣшнее готово и завтра 6 тыс. будутъ на бивуакѣ. Остальные-же сводятся къ Верѣ и къ Можайску. Ружей, пороху и свинцу пропасть; пушекъ 145 готовыхъ, а патроновъ 4,980,000. Я не могу себѣ представить, чтобы непріятель могъ придти въ Москву. Когда-бы случилось, чтобы вы отступили къ Вязьмѣ, тогда я примусь за отправленіе всѣхъ государственныхъ вещей и дамъ на волю каждаго убираться, а народъ здѣшній, по вѣрности къ Государю и любви къ отечеству, рѣшительно умретъ у стѣнъ московскихъ, а если Богъ ему не поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя русскому правилу: *не доставайся злодѣю*, обратитъ городъ въ пепелъ, и Наполеонъ получитъ, вмѣсто добычи, мѣсто, гдѣ была столица. О семъ не дурно и ему дать знать, чтобы онъ не считалъ на милліоны и магазейны хлѣба, ибо онъ найдетъ уголь и золу. Обнимая васъ дружески и по русски отъ души, остаюсь хладнокровно, но съ сокрушеніемъ отъ происшествій,

Вамъ преданный
Графъ Растопчинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXV.

(1) Отзывы князя Кутузова графу Растопчину: отъ 22 августа за № 17-мъ; отъ 23-го, за № 25-мъ; отъ 24-го, за № 31-мъ; отъ 26-го, за № 68-мъ, и отъ 27-го, *съ позиціи при Бородинѣ*, за № 71-мъ.

(2) Memoiren des Herzogs Eugen von Würtemberg. II. 151 — 152.

(3) Clausewitz. Der russische Feldzug von 1812. 167 — 172.

(4) Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. II. 82—83.—Bernhardi. Denkwürdigkeiten des Graf. v. Toll. Zw. Aufl. II. 125 — 126.

(5) Lemasurier. Medicinische Geschichte des russischen Feldzuges von 1812.— Chambray. II. 90 — 91. — Bernhardi. II. 125.

(6) G-l Boutourlin. Histoire militaire de la campagne de 1812 en Russie. I. 353 — 356.

(7) Приказъ по арміямъ, 30 августа, за № 14-мъ.

(8) Барклай де-Толли. Изображеніе дѣйствій Первой арміи.—Краткій журналъ, составленный Толемъ. — Bernhardi. II. 134—135. — Eugen v. Würtemberg. II. 152 — 155.

(9) Свѣдѣнія о Военномъ Совѣтѣ въ Филяхъ извлечены изъ донесеній Императору Александру Барклая де-Толли и Беннигсена, Записокъ Раевскаго и частныхъ писемъ.

(10) Chambray. II. 124. — Bernhardi. II. 143. По его свидѣтельству оставлено въ Москвѣ болѣе десяти тысячъ раненыхъ и больныхъ.

(11) Записка о войнѣ 1812 года, составленная княземъ А. Б. Голицынымъ, находившимся на безсмѣнныхъ ординарцахъ при князѣ Кутузовѣ.

(12) Снегиревъ. Жизнь московскаго митрополита Платона. 1856. II. 47 — 50.

(13) Свѣдѣнія, доставленныя бывшимъ московскимъ слѣдственнымъ приставомъ Вороненко. — Журналъ французской коммисіи военнаго суда о московскомъ пожарѣ.

(14) Собственноручныя записки Бестужева-Рюмина. — Histoire de l'incendie de Moscou en 1812, par M. l'abbé Surrugues. — Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей россійскихъ. 1866. IV. 256 — 257.

(15) Рапортъ князю Кутузову графа Растопчина, отъ 28 октября 1812 года за № 41-мъ. — Chambray. II. 104 — 105.

(16) Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812, v. dem Herzog Eugen von Würtemberg. 98—100. — Походныя записки артиллериста. I. 169 — 170.

(17) Записка составленная княземъ А. Б. Голицынымъ.

(18) Барклай де-Толли. Изображеніе дѣйствій Первой арміи.—Denkwürdigkeiten eines Livländers (Löwenstern). I. 240.

(19) Изъ записокъ Акинфова (въ послѣдствіи сенатора), посланнаго Милорадовичемъ въ непріятельскій авангардъ, въ качествѣ парламентера. — Bernhardi. II. 153 — 154.

(20) Bernhardi. II. 150 — 151.

(21) Корбелецкій. Краткое повѣствованіе о вторженіи Французовъ въ Москву. 23 — 27. — Ségur. Histoire de Napoléon et de la grande armée pend. l'année 1812. II. 36 — 38.

(22) Корбелецкій. 29 — 30. — Chambray. II. 114 — 118. — Fain. Manuscrit de 1812. II. 45 — 46.

(23) Корбелецкій. 29 — 30. — Монитёръ 29-го октября 1812 года. № 303-й.

(24) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Edit. de Brux. XIV. 421 — 426.

(25) Chambray. II. 131 — 132. — Ségur. II. 66 — 67. — Thiers. XIV. 427 — 429.

(26) Письма графа Растопчина къ князю Багратіону, отъ 12 и 21 августа 1812 года ст. ст.

(27) Показаніе бывшаго московскаго слѣдственнаго пристава Вороненко.

(28) Сочиненія графа Растопчина. 1853. 212 — 213.

(29) Löwenstern. I. 242 — 243.

(30) Донесеніе отъ 1-го сентября.

(31) Изъ бумагъ хранящихся въ Архивѣ Главнаго Штаба.

(32) Письмо Мишо къ бывшему флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому (Копія хранится въ Архивѣ Главнаго Штаба).

(33) Высочайшее повелѣніе князю Кутузову, отъ 14 сентября, за № 142-мъ.

(34) Донесеніе князя Кутузова, изъ Жилина (на маршѣ къ Боровскому-мосту), отъ 4 сентября ст. ст.

(35) Подлинникъ этого письма на нѣмецкомъ языкѣ хранится въ Архивѣ Главнаго Штаба, № 46,692-й. — На приложенномъ къ нему русскомъ переводѣ сдѣлана помѣтка: отвѣтъ посланъ съ полковникомъ Мишо 14 сентября.

(36) Correspondance diplomatique de J. de Maistre. I. 187.

(37) Pertz. Leben des Ministers Freih. v. Stein. Zw. Aufl. III. 158. — Bernhardi. II. 173.

(38) Собственноручное письмо Императора Александра I, отъ 19-го сентября 1812 года.

(39) Письмо графа Ливена, отъ 21 сентября (Архива Министр. Иностр. дѣлъ).

(40) Составъ отряда генерала Винцингероде: полки Лейбъ-казачій,

Казанскій драгунскій и Изюмскій гусарскій; казачьи: Иловайскаго 4-го, Иловайскаго 12-го, Чернозубова 8-го и Иловайскаго 7-го (послѣдній на ярославской дорогѣ), Ставропольскій калмыцкій и Перекопскій татарскій; Черноморская сотня; два орудія 5-й конной роты (Строевой рапортъ, отъ 6 сентября, за подписью генерала Винцингероде).

(41) Высочайшія повелѣнія, отъ 9 и 10 сентября, за № 122-мъ, № 123-мъ и № 125-мъ. Генералъ-адъютанту Кутузову было поручено образовать тверское ополченіе.

(42) Высочайшее повелѣніе управляющему военнымъ министерствомъ, отъ 12 сентября, за № 129-мъ.

(43) Pertz. Stein's Leben. III. 159 — 160.

(44) Объявленіе отъ 20 сентября.

(45) Военный журналъ главной дѣйствующей арміи (Арх. Главнаго Штаба № 29.179-й).

(46) Письмо Бертье къ Королю Неаполитанскому (Мюрату), отъ 23 сентября н. ст. Составъ войскъ Мюрата: корпусъ Понятовскаго, дивизіи Клапареда и Дюфура, легкая кавалерія корпусовъ Даву и Нея, (кромѣ одной бригады 1-го корпуса), и вся резервная кавалерія (кромѣ корпуса Лагуссе, бывшаго прежде подъ начальствомъ Груши). — Chambray. II. 145 et 216.

(47) Письмо Бертье къ герцогу Истрійскому (Бессьеру), отъ 22 сентября н. ст. Составъ войскъ Бессьера: дивизія Фридериха (бывшая Дессе), одна легкая кавалерійская бригада 1-го пѣхотнаго корпуса, резервный кавалерійскій корпусъ Лагуссе и гвардейская уланская бригада Кольбера. Chambray. II. 146.

(48) Thiers. XIV. 442.

(49) Походныя записки артиллериста, съ 1812-го по 1816-й годъ. 1835. I. 166—167. — Письма польскаго уланскаго полка поручика Бискупскаго, находившагося въ 1812 году въ отрядѣ Фигнера (рукопись).

(50) Донесенія дежурному генералу Коновницыну генералъ-маіора Дорохова, отъ 9, 10 и 11 сентября (Арх. Главнаго Штаба № 29.172-й). Въ отрядѣ Дорохова находились полки: Лейбъ-драгунскій, Елисаветградскій гусарскій и три казачьи съ двумя донскими орудіями.

(51) Рескриптъ князю Кутузову, отъ 1 сентября 1812 г.

(52) Рапортъ Барклаю де-Толли графа Остермана, отъ 14 сентября.

(53) Барклай де-Толли. Изображеніе дѣйствій Первой арміи. — Записка о войнѣ 1812 года князя А. Б. Голицына. — Bernhardi. II. 185 — 186.

(54) S. R. Wilson. 178—180. — Сочиненія Растопчина. 1853. 197—198.

(55) Военный журналъ главной дѣйствующей арміи.

(56) Вѣдомость, поданная Наполеону начальникомъ штаба Бертье, 28 сентября н. ст. Chambray. II. 153 — 154.

между старою калужскою и тульскою дорогами, а кавалерія Васильчикова — у Подольска (45).

Первоначальное преслѣдованіе нашей арміи, по занятіи Москвы Французами, было поручено генералу Себастіани, который съ своею кавалеріей двинулся по рязанской дорогѣ, переправился черезъ рѣку Москву и принявъ казачій отрядъ полковника Ефремова за арріергардъ русской арміи, шелъ за нимъ вслѣдъ до Бронницъ. Самъ Мюратъ, введенный въ заблужденіе извѣстіями изъ авангарда, остался въ Москвѣ, донеся Наполеону, что „русская армія разсѣялась, и что она состоитъ изъ однихъ лишь казаковъ“. Но Наполеонъ судилъ иначе: какъ только получилъ онъ донесенія—съ одной стороны, что его авангардъ совершенно потерялъ изъ вида нашу армію, а съ другой, что казаки появились на можайской дорогѣ и нападали на шедшіе въ Москву транспорты, то выслалъ къ Подольску корпусъ Понятовскаго и приказалъ Мюрату преслѣдовать Русскихъ по пятамъ (46). Бёссьеръ, съ сборнымъ корпусомъ, былъ посланъ по тульской дорогѣ и потомъ перешелъ на старую калужскую (47). Для охраненія-же можайской дороги былъ посланъ маіоръ Леторъ (Letort), съ нѣсколькими эскадронами, въ числѣ отъ 1,500 до 2,000 человѣкъ. Вслѣдъ затѣмъ были направлены изъ Москвы, по той-же дорогѣ, гвардейскіе драгуны и часть 4-го пѣхотнаго корпуса (48).

Нападеніе на французскій обозъ близъ Царева-Займища, распространившее сильную тревогу въ непріятельской арміи, было первымъ подвигомъ нашихъ партизановъ въ 1812 году: его предложилъ и исполнилъ искусный владѣть перомъ и саблею, Давыдовъ. Такому способу дѣйствій способствовали многія обстоятельства: участіе народа въ войнѣ, удальство русскихъ людей и знаніе мѣстности. Какъ

въ армію ихъ отправлять. А за насъ предъ Богомъ заступники: Божія Матерь и московскіе Чудотворцы, предъ свѣтомъ милосердый Государь нашъ Александръ Павловичъ, а предъ супостаты христолюбивое воинство; а чтобъ скорѣе дѣло рѣшить, Государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ начальниковъ, и они рады съ вами жить и умереть. Когда дѣло дѣлать, я съ вами; на войну идти, передъ вами; а отдыхать за вами. Не бойтесь ничего — нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемелется, мука будетъ; а берегитесь одного: пьяницъ, да дураковъ; они, распустя уши, шатаются, да и другимъ въ уши въ расплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ; а его дѣло кожу драть: обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ золотыя горы, народу свободу; а всѣхъ ловитъ за виски, да въ тиски, и пошлетъ на смерть: убьютъ либо тамъ, либо тутъ. И для сего и прошу: если кто изъ нашихъ, или изъ чужихъ, станетъ его выхвалять и сулить, и то, и другое, то какой бы онъ ни былъ, за хохолъ, да на съѣзжую: тотъ, кто возьметъ, тому честь, слава и награда; а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣлаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу; мнѣ на то и власть дана, и Государь изволилъ приказать беречь матушку Москву; а комужъ беречь мать, какъ не дѣткамъ! Ей Богу, братцы, Государь на васъ, какъ на Кремль, надѣется, а я за васъ присягнуть готовъ. Не введите въ слово. А я вѣрный слуга царской, русскій баринъ и православный Христіанинъ.

Вотъ моя и молитва:

Господи Царю Небесный! Продли дни благочестиваго земнаго Царя нашего! Продли благодать Твою на православную Россію, продли мужество христолюбиваго воинства, продли вѣрность и любовь къ отечеству православнаго русскаго народа! Направь стопы воиновъ на гибель враговъ, просвѣти и укрѣпи ихъ силою Животворящаго Креста, чело ихъ охраняюща, и симъ знаменіемъ побѣдиша.

III.

Здѣсь мнѣ поручено отъ Государя было сдѣлать большой шаръ, на которомъ 50 человѣкъ полетятъ, куда захотятъ, и по вѣтру и противъ вѣтра, а что отъ него будетъ, узнаете и порадуетесь. Если погода будетъ хороша, то завтра, или послѣ завтра, ко мнѣ будетъ маленькой шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобы вы, увидя его, не подумали, что это отъ злодѣя, а онъ сдѣланъ къ его вреду и погибели.

Генералъ Платовъ, по приказанію Государя, и думая, что Е. И. В. уже въ Москвѣ, пріѣхалъ сюда прямо ко мнѣ и ѣдетъ послѣ обѣда обратно въ армію, и поспѣетъ къ баталіи, чтобъ тамъ пѣть благодарный молебенъ и Тебѣ Бога хвалимъ!

IV.

Отъ Главнокомандующаго въ Москвѣ.

18-го Августа.

По полученнымъ мною извѣстіямъ, авангардъ стоитъ 13 верстъ передъ Вязьмой. Главная квартира въ Вязьмѣ. Непріятель стоитъ на одномъ мѣстѣ. Отрядовъ отъ него нѣтъ. Корпусъ генерала Милорадовича весь на походѣ. Авангардъ его, изъ 8,000 человѣкъ составленный, пошелъ сего дня изъ Можайска къ Гжати, подъ командою генералъ-маіора Вадковскаго. Прочія войска сего корпуса идутъ изъ Боровска и Вереи. Ополченіе тверское готово, и 13,000 человѣкъ съ кавалеріею подъ командою генералъ-маіора Тыртова идутъ въ Клинъ; свѣтлѣйшій князь Кутузовъ прибылъ вчера въ Вязьму.

Графъ Витгенштейнъ занялъ Полоцкъ и дѣйствуетъ далѣе; весь тотъ край очищенъ отъ проказы, и Французовъ нѣтъ.

Многіе изъ жителей желаютъ вооружиться, а оружія тысячъ на десять есть въ арсеналѣ, которое куплено и дешево на Макарьевской ярмаркѣ; всякое утро желающіе могутъ покупать въ арсеналѣ ружья, пистолеты и сабли; цѣны тутъ означены; за это мнѣ скажутъ спасибо, а осердятся одни изъ ружейнаго ряда, но воля ихъ, Богъ ихъ проститъ!

V.

Главная квартира между Гжати и Можайска.

Нашъ авангардъ подъ Гжатью; мѣсто, нашими войсками занимаемое, есть прекрасное, и тутъ свѣтлѣйшій князь намѣренъ дать баталію; теперь мы равны съ непріятелемъ числомъ войскъ. Черезъ два дни, у насъ еще прибудетъ 20,000; но наши войска русскія, единаго закона, единаго Царя, защищаютъ церковь Божію, домы, женъ, дѣтей и погосты, гдѣ лежатъ отцы наши. Непріятели-же дерутся за хлѣбъ, умираютъ на разбоѣ; если они разъ проиграютъ баталію, то всѣ разбредутся, и поминай, какъ звали.

Вы знаете, что я знаю все, что въ Москвѣ дѣлается; а что было вчера — не хорошо, и побранить есть за что: два Нѣмца пришли деньги мѣнять, а народъ ихъ катать; одинъ чуть-ли не умеръ. Вздумали, что будто шпіоны, а для этого допросить должно; это мое дѣло. А вы знаете, что я не спущу и своему брату русскому; и что за диковинка ста человѣкамъ прибить костянова Француза, или въ парикѣ окуренова Нѣмца! Охота руки марать! и кто на это пускается, тотъ при случаѣ за себя не постоитъ. Когда думаете, что шпіонъ, ну! веди ко мнѣ, а не бей, и не дѣлай нареканія Русскимъ; войска-та французскія должно закопать, а не шушерамъ глаза подбивать. Сюда раненыхъ привезено; они лежатъ въ Головинскомъ дворцѣ, я ихъ осмотрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вить они за васъ дрались, не оставьте ихъ; посѣтите и поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а это государевы вѣрные слуги и наши друзья — какъ имъ не помочь!

VI.

Августа 26-го.

«Курьеръ, отправленный вчера въ десять часовъ вечера изъ арміи, принесъ извѣстіе, что, кромѣ перестрѣлки егерей, ничего не произошло во весь день.

Въ суботу Французовъ хорошо попарили; видно отдыхаютъ! У князя Багратіона на лѣвомъ флангѣ передъ одною батареею сочтено больше 2,000 убитыхъ.

VII.

Два курьера, отправленные съ мѣста сраженія, привезли отъ главнокомандующаго арміями слѣдующія извѣстія.

Вчерашній день 26-го было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе; съ помощію Божіею русское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ него. Завтра надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и на московскую святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться.

Потеря непріятеля неисчетная; онъ отдалъ въ приказѣ, чтобъ въ плѣнъ не брать, (да и брать не кого), и что Французамъ должно побѣдить, или погибнуть. Когда сего дня съ помощію Божіею онъ отраженъ еще разъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча.

Я посылаю въ армію 4,000 человѣкъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 50 пушекъ снаряды, провіанта. Православные! будьте спокойны. Кровь вашихъ проливается за спасеніе отечества, наша готова, и если придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ русской!

27-го августа, 1812 года.

VIII.

Свѣтлѣйшій князь, чтобъ скорѣе соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ. Къ нему идутъ отсюда 48 пушекъ, съ снарядами, а свѣтлѣйшій говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы! не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли; дѣла прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцевъ и городскихъ, и деревенскихъ; я кличь кликну дни за два, а теперь не надо; я и молчу! Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки; Французъ не тяжеле снопа ржанаго. Завтра послѣ обѣда я поднимаю Иверскую въ Екатерининской госпиталь къ раненымъ. Тамъ воду освятимъ, они скоро выздоровѣютъ, и я теперь здоровъ; у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба!

30 августа 1812 года.»

IX.

Братцы! сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество, не впустить злодѣя въ Москву. Но должно пособить, и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкой своихъ выдавать. Москва наша мать. Она васъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе, возьмите только на три дни хлѣба; идите со крестомъ; возьмите хоругви изъ церквей, и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ; я буду съ вами — вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ! Вѣчная память, кто мертвой ляжетъ! Горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ!

X.

Я завтра рано ѣду къ свѣтлѣйшему князю, чтобы съ нимъ переговорить, дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ; станемъ и мы изъ нихъ духъ искоренять и этихъ гостей къ чорту отправлять; я пріѣду назадъ къ обѣду и примемся за дѣло, додѣлаемъ, и злодѣевъ отдѣлаемъ.

31 августа, 1812.
суббота.

полнены овраги и канавы, для удобнѣйшаго перехода по нимъ повозокъ и орудій. Переночевавъ верстахъ въ десяти отъ Смоленска, вице-король, 4 (16), двинулся къ Красному ([25]). Съ нашей стороны, авангардъ Милорадовича, усиленный 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, сдѣлалъ фланговое движеніе, параллельно большой дорогѣ отъ Ржавки къ Мерлину (ближе къ Красному); графъ Остерманъ, съ 4-мъ пѣхотнымъ и 4-мъ кавалерійскимъ корпусами, остался у Кобызева, для прикрытія съ фланга обозовъ арміи, а князь Кутузовъ, съ главными силами, ввечеру, приблизясь къ Красному, расположился въ полупереходѣ отъ города, между Новоселками и Шиловою. Между тѣмъ, въ четыре часа по полудни, появился на большой дорогѣ близъ Мерлина, корпусъ вице-короля, со множествомъ безоружныхъ, окруженный со всѣхъ сторонъ тучами казаковъ. Принцъ Евгеній виртембергскій, расположивъ свою дивизію поперегъ дороги, за оврагомъ, встрѣтилъ непріятеля сильною канонадою и разсѣялъ головную его колонну. Но Милорадовичъ, получивъ отъ фельдмаршала приказаніе—избѣгать рѣшительнаго боя, приказалъ принцу сойти съ дороги и послалъ къ вице-королю полковника князя Кудашева, требуя, чтобы онъ положилъ оружіе. Вице-король, рѣшась проложить себѣ путь силою, двинулъ часть войскъ противъ принца Евгенія и прибывшаго къ нему въ помощь Паскевича, а самъ кинулся вправо и пользуясь наступившею темнотою, пробрался въ Красной. Уронъ его простирался до двухъ тысячъ человѣкъ; одно знамя и вся остальная артиллерія 4-го корпуса *), въ числѣ семнадцати орудій, достались побѣдителямъ. Съ на-

*) Корпусъ вице-короля получилъ въ Смоленскѣ нѣсколько орудій въ замѣнъ артиллеріи потерянной при переправѣ черезъ Вопь.

([16]) Изъ свѣдѣній о смоленской губерніи, хранящихся въ Архивѣ Главнаго Штаба.

([17]) Указъ сенату, отъ 30 августа 1813 года.

([18]) Сочиненія Д. В. Давыдова. Изданіе 4-е. I. 19.

([19]) Описаніе стычекъ крестьянъ вохненской волости съ непріятелемъ въ 1812 году (Архива Главнаго Штаба № 47,352-й). Куринъ и сподвижникъ его Стуловъ были награждены знаками отличія Военнаго Ордена.

([20]) Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. II. 172—174.

([21]) Изъ неизданныхъ записокъ Александра Андреевича Щербинина.

([22]) Сочиненія Н. Дуровой.

([23]) Извлечено изъ свѣдѣній, хранящихся въ Архивѣ Главнаго Штаба.

([24]) Предписаніе генералу Дорохову, отъ 26 сентября (Архива Главнаго Штаба № 29,172-й). Составъ отряда Дорохова: пѣхотные полки Вильманстранскій и Полоцкій; одинъ баталіонъ 19-го егерскаго полка; четыре эскадрона Елисаветградскихъ гусаръ; казачьи полки Коммисарова и Иловайскаго 11-го; четыре пѣшихъ и четыре конныхъ орудія.

([25]) Донесеніе Дорохова отъ 29 сентября.

([26]) Донесеніе Государю князя Кутузова, 29 сентября. — Донесенія Государю генералъ-адъютанта Винцингероде, 10-го, 13-го, 16-го, 20-го, 24-го, 26-го и 29-го сентября.

([27]) Histoire de la destruction de Moscou en 1812. 148 et 150.—Labaume. Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. — Lemasurier. Medicinische Geschichte des russischen Feldzugs von 1812.

([28]) Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 23 сентября ст. ст.— Императоръ Александръ I и Его сподвижники въ 1812—1815 годахъ. Т. III. Жизнеописаніе князя Кутузова.—Т. IV. Жизнеописаніе князя Волконскаго.

([29]) Высочайшій рескриптъ князю Кутузову, отъ 4 октября.

([30]) Изъ записокъ Александра Андреевича Щербинина.

([31]) ..... «Il en résulta une suspension d'armes par une espèce de convention tacite».... Chambray. II. 209.—Thiers. Hist. du Consul. et de l'Empire. Ed. de Brux. XIV. 506.—Gourgaud. Examen crit. de l'ouvrage de M-r le comte de Ségur. Livre VIII. Ch. XI.

([32]) Chambray. II. 215 et 230.

([33]) Записка, поданная князю Кутузову генераломъ Беннигсеномъ, 3 октября 1812 года.

«Monsieur le Maréchal!

«Il parait d'après tous les renseignemens et les rapports que nous avons reçu, que les renforts que l'ennemi attend, sous les ordres du maréchal Victor, se trouvent effectivement en marche et peu eloignés de nous; il me parait donc que les intérêts de notre Souverain et de l'Etat demandent que nous attaquions, sans perte de tems, avec toutes les forces concentrées sous les ordres de Votre Altesse, l'ennemi qui se trouve vis-à-vis de nous sous les ordres du Roi de Naples, avant que ces renforts mentionnés puissent atteindre l'armée française. Cette mésure est, selon moi, d'autant plus nécessaire à prendre sans delai, que tous les avis que nous avons reçus, portent que Na-

poléon lui-même, avec tout le corps de ses gardes, se trouve encore à Moscou et que le Roi de Naples a peu d'artillerie avec lui et que toute sa cavalerie se monte, tout au plus, à 8,000 hommes.

«Votre Altesse, qui certainement mieux que moi saura juger l'importance de la proposition que je prends la liberté de lui faire, daignera, dans le cas qu'Elle approuvera mon projet, me donner Ses ordres, pour que je puisse avoir l'honneur de Lui présenter pour Son approbation la disposition de cette attaque, qui sera d'autant plus facile à exécuter que nous n'avons que des plaines devant nous entremelées de quelques petites forêts. Je crois nécessaire d'ajouter ici que l'ennemi, depuis quelques jours, a forcé la chaine de nos avant-postes et qu'il a placé la sienne sur une hauteur de la quelle chacune de ses vedettes peut voir ce qui se passe dans notre camp». (Арх. Главн. Штаба. № 49,692-й. Портф. 4-й).

(34) Диспозиція, составленная Толемъ (Архива Главнаго Штаба № 46,692, Портф. 4).

(35) Предписаніе Дорохову, отъ 4-го октября (Исходящ. журнала № 154-й).

(36) Записки Щербинина.

(37) Записки Щербинина.—Изъ записокъ князя А. Б. Голицына.

(38) Журналъ военныхъ дѣйствій, за подписью князя Кутузова. — Memoiren des Herzogs Eugen v. Würtemberg. II. 173—182.

(39) Herz. Eugen. II. 182.—Вѣдомость, за подписью полковника Кикина.

(40) Изъ записокъ Щербинина. — Bernhardi. Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. Zw. Aufl. II. 242.

(41) Журналъ военныхъ дѣйствій, за подписью князя Кутузова.

(42) Изъ собственноручной записки полковника Мишо. По свидѣтельству самого Мишо, Императоръ Александръ, приказавъ ему сказать фельдмаршалу, чтобы онъ выгналъ непріятелей изъ Россіи, прибавилъ: «и тогда Я поѣду къ нему на встрѣчу и ввезу его торжественно въ столицу».

(43) Bernhardi, II. 244—245.

(44) Изъ записокъ Толя.

(45) Письмо Бертье князю Кутузову. — Chambray. II. 319.

(46) Копія письма князя Кутузова, хранящаяся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

(47) Вѣдомость о числѣ наполеоновыхъ войскъ.—Chambray. II. 314—315. (Число войскъ показано приблизительно).

	Пѣхоты съ арт.	Кавалеріи съ арт.	Орудій.
Гвардія	17,871	4,609	112
1-й пѣхотный корпусъ	27,449	1,500	144
3-й пѣхотный корпусъ	9,597	901	71
4-й пѣхотный корпусъ	23,963	1,661	92
5-й пѣхотный корпусъ	4,844	868	49
8-й пѣхотный корпусъ	1,916	775	34
Бригада спѣшенныхъ кавалеристовъ	4,000	—	—
Резервная кавалерія	—	5,000	67
И того	89,640	15,314	569

Бернгарди весьма основательно полагаетъ число строевыхъ французской арміи въ сто семь тысячъ человѣкъ, потому что у Шамбрè сила 8-го (вестфальскаго) корпуса показана тремя тысячами человѣкъ менѣе дѣйствительнаго числа войскъ. Bernhardi. Zw. Aufl. II. 266.

(48) Chambray. II. 313 — 316.

(49) Предписаніе отъ 18 октября н. ст.

(50) Chambray. II. 316 — 318. — Ségur. Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812. 4-me édit. II. 112—113.—Bernhardi. II. 249 — 250.

(51) Предписанія 20-го и 21 октября н. ст.

(52) Предписаніе 22 октября н. ст.

(53) Журналъ входящимъ и исходящимъ бумагамъ 1812 года (Архива Главнаго Штаба № 29,172-й).—Записки Ермолова.

(54) Записки Ермолова.—Императоръ Александръ I и Его сподвижники. Жизнеописаніе генерала Дохтурова. — М. Семевскаго. Партизанъ Сеславинъ. (Отечественныя Записки. 1860).

(55) Предписанія Платову и Милорадовичу, отъ 11 октября, за №№ 214-мъ и 218-мъ. — Донесеніе Милорадовича, отъ 11 октября, за № 42-мъ.—Предписаніе генералъ-лейтенанту князю Голицыну, отъ 11 октября, за № 227-мъ.—Журналъ военныхъ дѣйствій.

(56) Вѣдомость о состояніи арміи, 6 октября 1812 года.

(57) Chambray. II. 326—327.—Labaume. Histoire circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. 4-me édit. 255.

(58) Описаніе сраженія при Малоярославцѣ, изъ Журнала военныхъ дѣйствій.—Записки Ермолова (рукопись).—Chambray. II. 330.—Labaume. 257. — Ségur. II. 120 — 121.

(59) Записки Ермолова.—Chambray. II. 330—333.—Labaume. 257—260.

(60) Письмо Раевскаго къ генералу Жомини о разныхъ событіяхъ войны 1812 года. —Labaume. 260 — 262.

(61) Описаніе сраженія при Малоярославцѣ, изъ Журнала военныхъ дѣйствій. — Chambray. II. 333—334. — Soltyk. Napoléon en 1812. 356.

(62) Записки Ермолова.—Denkwürdigkeiten eines Livländers. I. 257—259.

(63) Записки Ермолова.—Chambray. II. 338.—Bernhardi. II. 264.

(64) Denkwürdigkeiten eines Livländers. 259 — 260.

(65) Chambray. II. 334 — 335.

(66) Журналъ военныхъ дѣйствій. — Chambray. II. 335—336. — Soltyk. 360 — 362.

(67) Bernhardi. II. 269 — 270.

(68) Журналъ военныхъ дѣйствій. — Soltyk. 369.

(69) Донесеніе князя Кутузова о сраженіи при Малоярославцѣ.

(70) Chambray. II. 338 — 339. — Bernhardi. II. 266 — 267.

(71) Изъ донесенія Государю князя Кутузова, отъ 13 октября. — Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны 1812 года.

(72) Журналъ военныхъ дѣйствій.—Eugen v. Würtemberg. II. 196—197

(73) Chambray. II. 339 — 340.

(74) Журналъ военныхъ дѣйствій.—Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 16 октября, изъ Полотняныхъ-Заводовъ.

(75) Повелѣніе графу Витгенштейну, отъ 16 октября.

(76) Chambray. II. 354. — Soltyk. 369.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXVIII.

(¹) Составъ авангарда подъ начальствомъ Ермолова: полки Л. Гв. Егерскій и Финляндскій, кирасирскіе Его и Ея Величествъ, гвардейская артиллерія, шесть баталіоновъ 6-го пѣхотнаго корпуса и два казачьихъ полка. Записки Ермолова.

(²) Повелѣнія подполковнику Давыдову, отъ 9 ноября, и капитану Сеславину, отъ 11-го ноября (Журнала исходящихъ бумагъ № 473-й и № 490-й).

(³) Предписанія генераламъ Ермолову и Милорадовичу, отъ 11-го ноября, за №№ 493-мъ и 494-мъ.—Рапортъ генералу Коновницыну Ермолова, отъ 13 ноября.—Записки Ермолова.

(⁴) Mémoires inédits de l'amiral Tchithagoff. 74 et 81—82.

(⁵) Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. III. 15.

(⁶) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Edit. de Brux. XIV. 658 — 663. — Предписанія маршаламъ Удинò и Виктору, отъ 23-го ноября н. ст.

(⁷) Предписанія отъ 24 ноября н. ст. — Chambray. III. 32—34. — Ségur. Histoire de Napoléon et de la grande armée. II. 330.

(⁸) По свидѣтельству подполковника Малиновскаго, (Записки о переправѣ черезъ Березину) число войскъ Дунайской арміи тогда простиралось до 33-хъ тысячъ человѣкъ, а по весьма сомнительному показанію самаго Чичагова (Mémoires inédits. 59), всего до 20-ти тысячъ человѣкъ.

(⁹) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи. — Записки подполковника Малиновскаго.—Записки графа Ламберта.

(¹⁰) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи.—Mémoires de Tchitchagoff. 57.

(¹¹) Журналъ Дунайской арміи.

(¹²) Précis de la campagne du 1-r Corps de l'armée d'Occident pendant l'année 1812. (Архива Главнаго Штаба № 29,200).

(¹³) Chambray. III. 34—35.

(¹⁴) Ségur. II. 332—333.—Soltyk. Napoléon en 1812. 439.

(¹⁵) Chambray. III. 36—38.

(¹⁶) Записки дѣйствительнаго статскаго совѣтника Храповицкаго,

служившаго въ арміи Чичагова въ 1812-мъ году.—Chambray. III. 39.—Ségur. 338—339.

([17]) Предписанія Чичагова графу Ланжерону и Чаплицу, отъ 13-го ноября.

([18]) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи.—Записка о Березинской переправѣ, генерала Арнольди.—Tchaplitz. Remarques sur la campagne de 1812. (Архива Главнаго Штаба № 44,712-й).—Chambray. III. 43.

([19]) Chambray. III. 49—51.—Fain. Manuscrit de 1812. II. 315—317.

([20]) Chambray. III. 51—53.—Soltyk. 443.—Tshaplitz. Remarques etc.

([21]) Показанія о числѣ наполеоновыхъ войскъ на Березинѣ весьма различны: у Шамбрѐ (III. 50) около 30-ти тысячъ; у Fain'a (II. 334) 40 тысячъ, кромѣ 45-ти или 50-ти тысячъ отсталыхъ и безоружныхъ; у Солтыка (441—442) 50 тысячъ.

([22]) Chambray. III. 55—57. — Fain. II. 323 — 325.

([23]) Донесенія Государю графа Витгенштейна (Архива Главнаго Штаба № 44,585-й).—Précis de la campagne du 1-r Corps (Архива Главнаго Штаба № 29,200-й).—Донесеніе генералу Коновницыну капитана Сеславина, отъ 17 ноября.—Chambray. III. 60—62.—Fain. 341—342.

([24]) Mémoires de Tchitchagoff. 73 — 74. — Précis de la campagne du I-r Corps. — Записки Ермолова.

([25]) Chambray. III. 63. Таково самое умѣренное показаніе о числѣ наполеоновыхъ войскъ. По свидѣтельству-же прочихъ французскихъ историковъ, у Наполеона, 16 (28) ноября, на лѣвой сторонѣ Березины было десять тысячъ, а на правой отъ 25-ти до 28-ми тысячъ человѣкъ. Fain. II. 334.—Soltyk. 445.

([26]) Chambray. III. 68—69.—Soltyk. 451.

([27]) Журналъ Дунайской арміи.—Записка Арнольди о Березинской переправѣ.—Chambray. III. 67.—Fain. II. 338—339.—Soltyk. 451.

([28]) Précis de la campagne du 1-r Corps.—Chambray. III. 67.

([29]) Precis de la campagne du 1-r Corps.—Chambray. III. 71.—Ségur. II. 369—373.

([30]) Chambray. III. 49—50 et 93—94.—Fain. II. 334.

([31]) Précis de la campagne du 1-r Corps. — Донесеніе князю Кутузову адмирала Чичагова, отъ 19 ноября. — Рапортъ генералъ-лейтенанту Оппперману генералъ-маіора Ферстера, посланнаго, по приказанію фельдмаршала, въ Борисовъ, для собранія свѣдѣній о военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ на Березинѣ.

([32]) Въ одной изъ раскольничьихъ рукописей «Греческій Златоструй» сказано, что, при нашествіи Наполеона въ 1812 году, Богъ даровалъ побѣду «благочестивой небрѣемой рати, Христовымъ стрѣльцамъ» т. е казакамъ старообрядцамъ. (Русскій Вѣстникъ. 1866. IX. 15).

([33]) Записки Александра Андреевича Щербинина.

([34]) Донесеніе Государю князя Кутузова, 21 ноября, за № 989-мъ, и повелѣнія Кутузова генераламъ: Шепелеву, Богданову и Лебедеву. (Архива Главнаго Штаба № 29,172-й).

([35]) Письмо герцога де-Бассано (Марѐ) князю Шварценбергу, отъ 2 декабря н. ст. изъ Вильны.—Fain. II. 351—352.

([36]) Bourgeois. Tableau de la campagne de Moscou en 1812. 156—169.—Lemasurier. Medicinische Geschichte des russischen Feldzuges von 1812.

([37]) Журналы военныхъ дѣйствій Главной и Дунайской армій.— Précis de la campagne du 1-r Corps.

([38]) Chambray. III. 106.—Fain. II. 354—357.—Soltyk. 456.

([39]) Повелѣніе начальнику штаба, съ приложеніемъ инструкціи Мюрату, отъ 5 декабря н. ст.

([40]) Rückzug der Franzosen bis zum Niemen. 39.

([41]) Bernhardi. Denkwürdigkeiten des Graf. v. Toll. Zw. Aufl. II. 361—362.

([42]) Chambray. III. 107—110 et 218—219.—Письмо къ Прусскому Королю Гумбольдта, изъ Вѣны, отъ 19 декабря н. ст.

([43]) Донесеніе полковника Сеславина, отъ 27 ноября.— Журналы военныхъ дѣйствій — Précis de la campagne du 1-r Corps. — Chambray. III. 131.

([44]) Число наполеоновыхъ войскъ по достиженіи Вильны:

	Пѣхоты.	Кавалеріи.	
Старая гвардія	600	800	чел.
Молодая »	100	—	»
Баварскій корпусъ и дивизія Луазона	2,300	200	»
1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 9-й корпусы	300	—	
Всего . . .	3,300	1,000	чел.

Chambray. III. 131.

([45]) Письма начальника штаба Бертье къ Нею, графу Дарю, Шварценбергу и Макдональду, отъ 9-го декабря н. ст.

([46]) Рапортъ князю Кутузову графа Платова, отъ 29 ноября, за № 222-мъ. — Chambray. III. 130—132.—Labaume. Relation circonstanciée etc. 422.—Bourgeois. 178—180.

([47]) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи.—Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 2 декабря, за № 647-мъ.

([48]) Письмо къ Государю князя Кутузова, отъ 7 декабря, изъ Вильны, съ приложеніемъ Записки о состояніи войскъ.

([49]) Донесеніе Кутузова, отъ 25 ноября, за № 599-мъ (Архива Главнаго Штаба № 29,172-й).

([50]) Высочайшій рескриптъ, 2 декабря.

([51]) Именной указъ Сенату, 30 ноября (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,280-й).

Изъ набора исключены губерніи: полтавская, черниговская, курляндская, виленская, гродненская, минская, а также Грузія и области Бѣлостокская и тарнопольская. О губерніяхъ сибирскихъ сдѣлано было особое распоряженіе. Дворянскія имѣнія, выставившія ополченіе, и селенія внутреннихъ губерній Имперіи, потерпѣвшія разореніе отъ непріятеля, были освобождены отъ набора.

Незадолго предъ тѣмъ повелѣно сдѣлать наборъ въ лифляндской губерніи, по одному рекруту съ 50-ти душъ. Именной указъ генералъ-лейтенанту маркизу Паулуччи, 9 ноября (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 25,261).

([52]) Высочайшія повелѣнія управляющему военнымъ министерствомъ, генералъ-лейтенанту князю Горчакову, отъ 11 октября, за № 198-мъ отъ 20 октября, за № 230-мъ; 5 ноября, за № 294-мъ, и 29 ноября, за № 366-мъ. — Высочайшій рескриптъ князю Лобанову-Ростовскому, отъ 5 декабря.

([53]) Высочайшія повелѣнія князю Кутузову, отъ 9-го ноября, за № 316-мъ и № 317-мъ.

([54]) Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 8 декабря (Архива Главнаго Штаба № 46,692-й).

([55]) Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 1 декабря (Архива Главнаго Штаба № 29,172-й).

([56]) Chambray. III. 137.—Thiers. XIV. 738—739.—Souvenirs du lieut. général Dumas. III. 138.

([57]) Донесеніе Чичагову графа Платова, отъ 3 декабря, за № 230-мъ

([58]) Chambray. III 138.

([59]) Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 7 декабря за № 689-мъ.

([60]) Funck. Erinnerungen aus dem Feldzuge in Russland im Jahr 1812. 192 — 194.

([61]) Донесенія графа Ожаровскаго Тормасову и Коновницыну, отъ 1 и 3 декабря.—Рапортъ Коновницыну генералъ-адъютанта Васильчикова, отъ 13 декабря.

([62]) Составъ авангарда Винцингероде.

Запасные баталіоны полковъ 12-й дивизіи: Смоленскаго, Нарвскаго, Алексопольскаго, Новоингерманландскаго, 6-го и 41-го егерскихъ, всего въ 6-ти баталіонахъ	1,030 чел.
Запасные баталіоны полковъ 15-й дивизіи: Козловскаго, Колыванскаго, Куринскаго, 13-го и 14-го егерскихъ, всего въ 5-ти баталіонахъ	1,389 »
Запасные баталіоны полковъ 18-й дивизіи: Владимірскаго, Тамбовскаго, Днѣпровскаго, Костромскаго и 32-го егерскаго, всего въ 5-ти баталіонахъ	1,091 »
Запасные баталіоны полковъ 26-й дивизіи: Полтавскаго и 5-го егерскаго, всего въ 2-хъ баталіонахъ	496 »
9-й дивизіи, Ряжскаго полка, въ 2-хъ баталіонахъ . .	567 »
Рекрутскіе баталіоны полковъ: Архангелогородскаго, Староингерманландскаго, Украинскаго и 37-го егерскаго, всего въ 4-хъ баталіонахъ	1,094 »
75-й корабельный экипажъ	294 »
Татарскій уланскій полкъ, въ составѣ 8-ми эскадроновъ, и 12 запасныхъ эскадроновъ полковъ: Иркутскаго, Сумскаго и Ахтырскаго гусарскихъ; Черниговскаго конноегерскаго, Литовскаго уланскаго; Курляндскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Новороссійскаго драгунскихъ, всего .	1,582 »
Донскіе казачьи полки Грекова 9-го и Семенчикова, и 4 команды, всего	1,123 »
Артиллеріи, при 21-мъ орудіи	315 »

2-й пѣхотный корпусъ принца Евгенія Виртембергскаго.

По два баталіона полковъ 3-й дивизіи: Муромскаго, Ревельскаго; Черниговскаго и 20-го егерскаго, и 4-й дивизіи: Тобольскаго, Волынскаго, Кременчугскаго и 4-го егерскаго, всего въ 16-ти баталіонахъ	2,500 »
Артиллеріи три пѣшихъ роты и конная рота Никитина.	
Два донскихъ казачьихъ полка, всего	400 »

Отрядъ генералъ-маіора Ланского.

Полки Александрійскій и Бѣлорусскій гусарскіе, Лифляндскій конно-егерскій, всего въ 20-ти эскадронахъ, и въ 3-мъ Уральскомъ полку	1,527 чел.
1-й и 3-й Украинскіе казачьи полки	1,812 »

Отрядъ полковника Давыдова:

Два казачьихъ полка и команда гусаръ	550 »
Итого въ авангардѣ Винцингероде:	
Пѣхоты сорокъ баталіоновъ.	8,461 »
Кавалеріи сорокъ эскадроновъ, девять казачьихъ полковъ и четыре команды	6,994 »
Артиллеріи при 69-ти орудіяхъ	1,000 »
Всего-же . .	16,455 чел.

(Архива Главнаго Штаба № 29,172).

(⁴³) Генеральная диспозиція, по случаю перехода Главной арміи чрезъ границу, приложенная при повелѣніи генералу Дохтурову, отъ 30-го декабря, за № 822-мъ. Повелѣнія генераламъ Сакену и Милорадовичу, отъ 31 декабря, за №№ 831-мъ и 833-мъ. (Архивъ Главнаго Штаба № 29.172-й).

(⁴⁴) Составъ отряда Дибича: Гродненскій гусарскій и три казачьихъ полка: сто двадцать человѣкъ 23-го егерскаго полка; шесть орудій 1-й конной роты.

(⁴⁵) Chambray. III. 149—151.—Clausewitz. Der russische Feldzug von 1812. 210 — 211.

(⁴⁶) Рапортъ Государю генерала Паулуччи, отъ 2-го ноября.—Письмо Паулуччи къ Іорку, отъ 2 ноября.—Письмо Іорка къ Паулуччи, отъ 26 ноября (8 декабря). (Архива Главнаго Штаба № 46,692-й). — Précis des opérations du 1-r Corps pendant la campagne de 1812. (Архива Главнаго Штаба № 29.200-й) — Clausewitz 209 — 228.

(⁴⁷) Письмо Іорка къ Макдональду.

«Послѣ нѣсколькихъ весьма трудныхъ переходовъ, я не могъ продолжать ихъ, не подвергаясь нападеніямъ съ фланговъ и тыла, что замедлило соединеніе мое съ вашими войсками. Оставалось мнѣ двигаться далѣе съ потерею большей части моихъ войскъ и всего обоза, заключавшаго въ себѣ единственныя средства къ продовольствованію моего корпуса, либо спасти все: я счелъ долгомъ заключить договоръ, на основаніи котораго прусскія войска должны собраться въ части восточной Пруссіи, занятой, по отступленіи французской арміи, русскими войсками.

«Прусскія войска останутся нейтральными: ихъ жребій рѣшится переговорами, которые будутъ ведены между воюющими Державами.

«Спѣшу извѣстить Ваше Превосходительство о поступкѣ, къ которому побудить меня могли только лишь чрезвычайныя обстоятельства.

«Какой-бы приговоръ не произнесло надо мною общее мнѣніе—не забочусь о томъ. Я исполнилъ долгъ свой въ отношеніи къ войскамъ моимъ, слѣдуя зрѣло обдуманному внушенію разсудка,» и проч.

(68) Брульонъ подлиннаго письма па французскомъ языкѣ хранится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

(69) Sporschill. Die grosse Chronik. I. Th. I Bd. 43 — 44. — Clausewitz. 235—236.—Pertz. Das Leben des Ministers Freiherrn v. Stein. III. 275—276.

(70) Précis des opérations du 1-r Corps. — (Архива Главнаго Штаба № 29,200-й). — Донесенія генерала Шепелева, отъ 18 и 20 декабря (Архива Главнаго Штаба № 44.585-й). — Chambray. III. 159 et 164.

(71) C-sse de Choiseul-Gouffier. Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre. 152—153.

(72) Wilson. 356—357.

(73) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1812 года. IV. — Записки Шишкова. 74. — C-sse de Choiseul-Gouffier. 151 et 155.

(74) Собраніе Высочайшихъ манифестовъ и проч. 1812—1816 годовъ. 1816. 91 — 93.

(75) Высочайшія повелѣнія, 17-го и 18-го декабря, за №№ 428-мъ и 432-мъ. — Приказы по арміямъ князя Кутузова. — Записки Ермолова.

(76) Повелѣнія управляющему военнымъ министерствомъ, князю Горчакову, 17-го и 27-го декабря, за №№ 422-мъ и 455-мъ.

(77) Повелѣнія генералъ-лейтенанту Оппперману, отъ 20 декабря, за № 436-мъ, и управляющему военнымъ министерствомъ, 27 декабря, за № 456-мъ.

(78) Chambray. III. 147.

(79) Chambray. III. 148.—Vaudoncourt. Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie en 1812. 324.

(80) C-sse Choiseul-Gouffier. 161—162.

